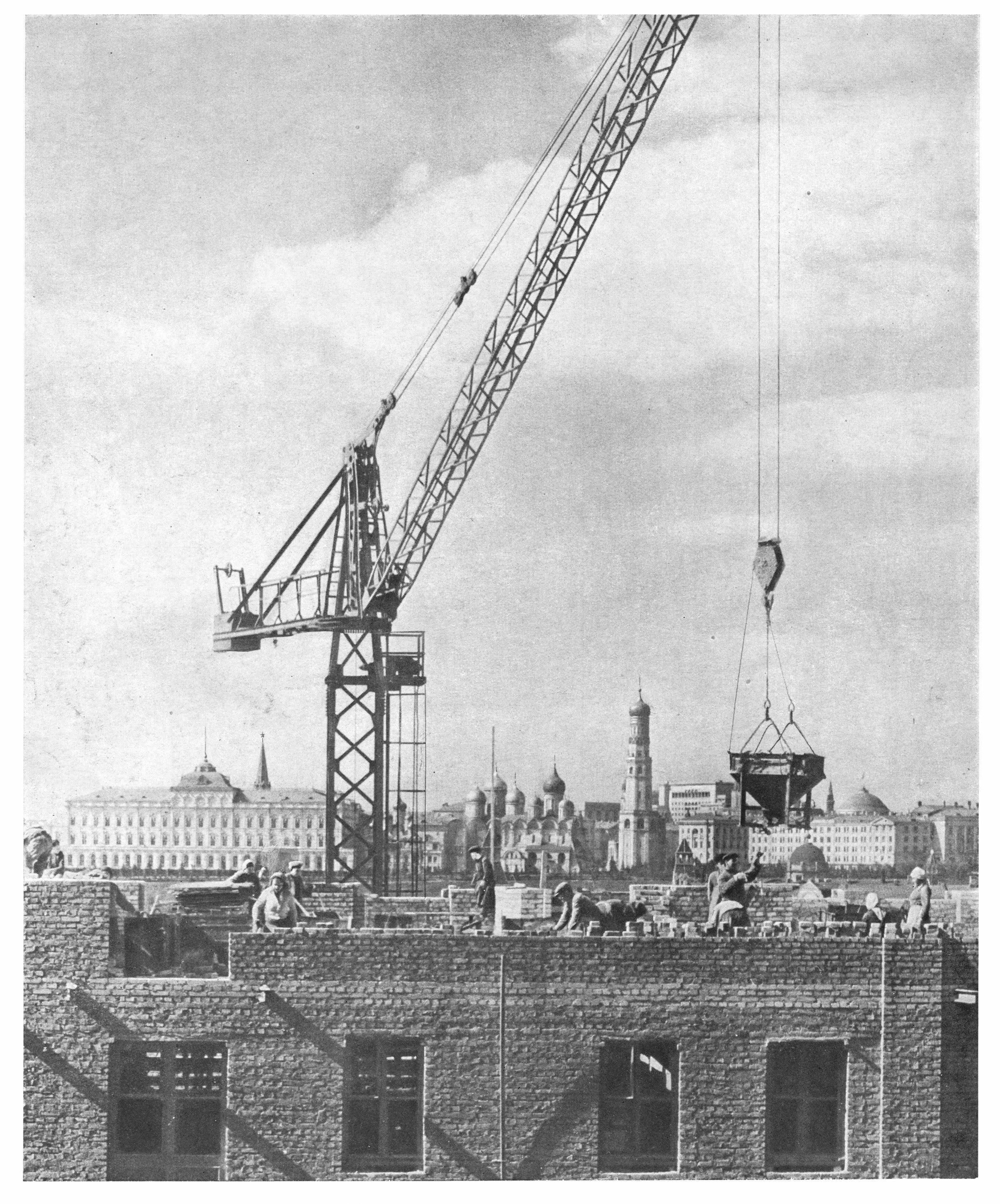

ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Москва строится.

Фото Галины Санько

На первой странице обложки: московские школьники — юные туристы — на привале во время похода.
Фото Е. Тиханова

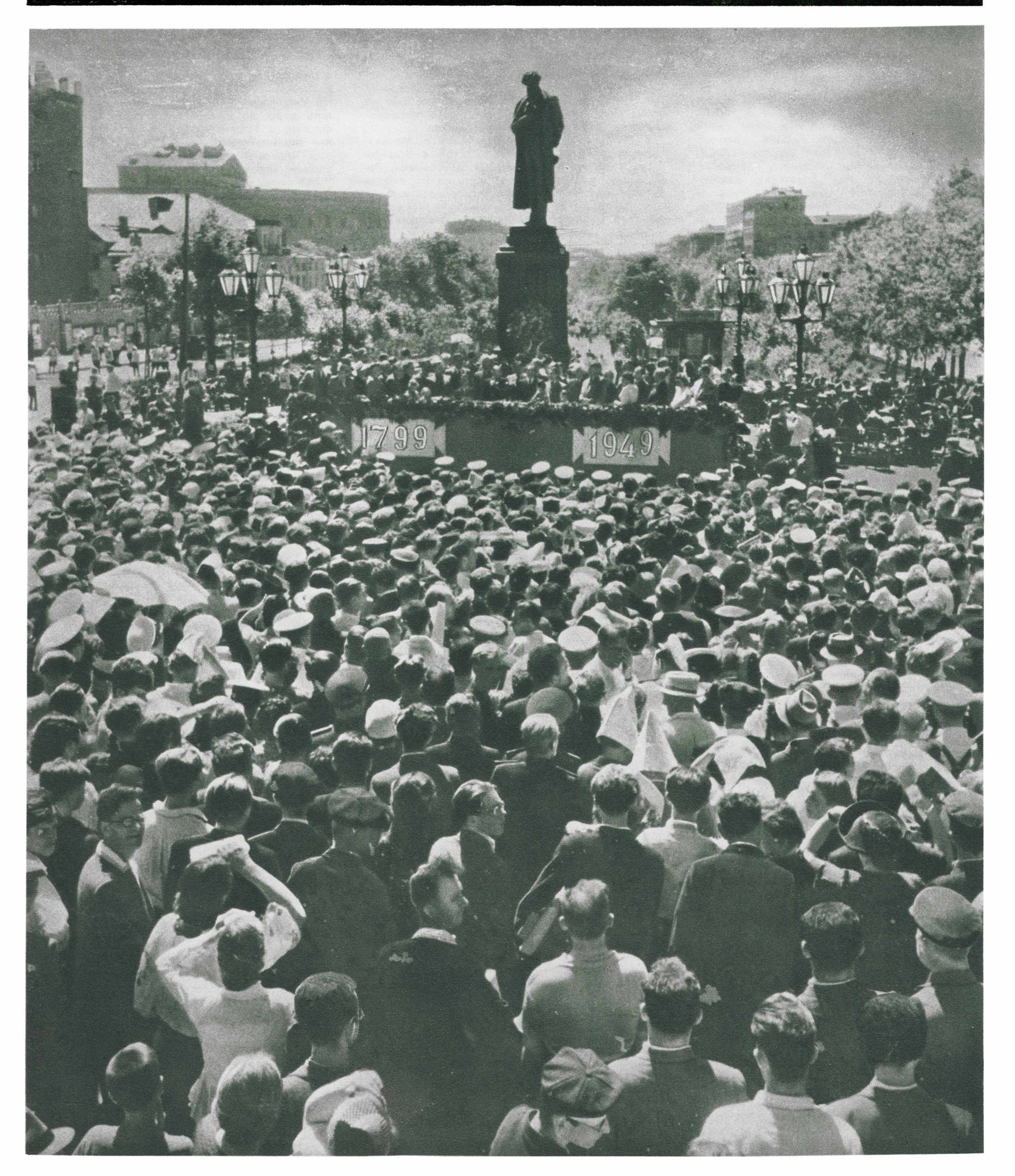
На последней странице обложки: лауреат Сталинской премии А. Я. Колотилова — художественный руководитель Русского народного хора северной песни.
Фото К. Коробицына

ОГОНЁК № 24 (1149) 12 ИЮНЯ 1949

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Митинг в Москве 5 июня 1949 года у памятника А. С. Пушкину, посвященный 150-летию со дня рождения великого русского поэта.

Фото Дм. Бальтерманца

Открытые дороги

А. ЛИТВАК

1

На письменном столе лежат книги: «Малахитовая шкатулка», «Алитет уходит в горы», «Далеко от Москвы». На спинке стула синий пиджак, и на нем орден Ленина, красный флажок депутата Верховного Совета РСФСР, медаль с барельефом Сталина и лавровой ветвью — почетный знак советских новаторов — людей науки и труда, литературы и искусства... Сбоку лежит портфель.

Года три назад в погожий июльский день вышел Семен Максименко с этим портфелем из самолета в Ленинградском аэропорту. Много встречается на аэродромах пассажиров с портфелями, но у этого человека портфель был особенный: заметно, что наполнен он отнюдь не бумагами.

На собрании инженеров и архитекторов, специально созванном, чтобы выслушать доклад приезжего, из портфеля были выложены на стол инструменты каменщика.

Через короткое время те же инструменты демонстрировались уже под Киевом на собрании восстановителей Дарницкого железнодорожного узла. И опять, как в Ленинграде, присутствующие записывали в блокноты слова докладчика. И так же, как в Ленинграде, сыпались десятки вопросов; их задавали люди, которые хотели досконально выяснить детали нового способа кирпичной кладки.

Из Ленинграда на Украину докладчик ехал тогда через Москву. Пробыл он здесь неделю. С названиями многих московских улиц у приезжего были связаны неизгладимые воспоминания: этот угол помнил он пустырем, тот дом вырос под руками его товарищей в пятьдесят дней, а вот здание школы, что стоит в глубине двора, выкладывал он сам.

Труд строителя таков, что ему не приходится долго задерживаться на месте. Он работает то на одной улице, то на другой, то в одном городе, то в другом. Строитель приходит на площадку, которая заросла бурьяном, подчас не очищена еще от пней, а уходит, когда на платформы грузят ящики готовой продукции, изготовленной новым заводом, когда в окнах нового дома появляется электрический свет, когда здание нового клуба наполняется зрителями, пришедшими на премьеру, когда в широко раскрытые двери новой школы входят шумливые ребята. И вновь строитель отправляется дальше, чтобы поднимать стены новых корпусов...

Мы шли тогда, три года назад, вместе с приезжим по улицам столицы, и он вспоминал работу в Москве, отъезд летом 1941 года, когда началась война. Ему никак не хотелось покидать столицу, но приказ был тверд: люди, подписавшие его, знали, что этот строитель — хозяин времени, что время подчиняется ему, что он умеет ценить часы и минуты, а в той стройке, которая шла тогда на Востоке, минуты играли решающую роль.

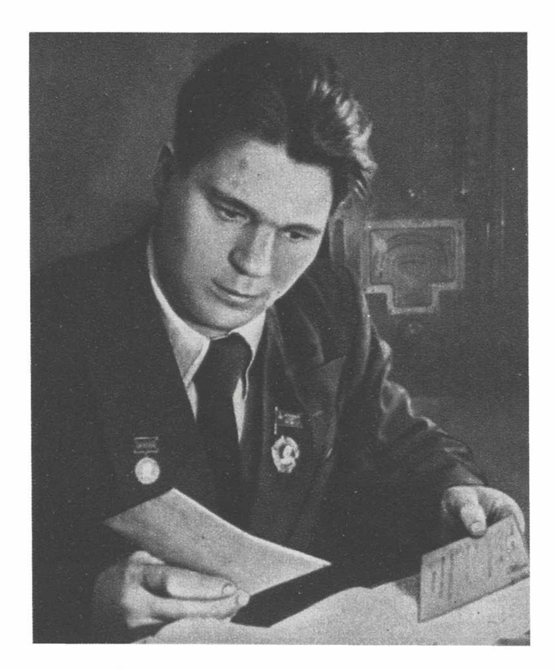
Строитель, о котором я хочу рассказать, — по профессии каменщик. Каменщиком были и его отец и его дед. Но по-разному сложились судьбы поколений.

Никто никогда не ведал, какие здания поднял на земле старик Савелий Максименко. Не помнил их он сам, не знает об этом и сын. Работа каменщика была в то время анонимной,— что примечательного могло быть в зданиях тех лет: в купеческом доме, лабазе, казенном питейном заведении?

Семену Максименко было шестнадцать лет, когда весной 1923 года он впервые ушел из родной деревни вместе с артелью каменщиков. Стезя отца и деда звала его, и семь лет подряд Максименко весной покидал деревню в поисках заработка, а поздней осенью возвращался домой.

Семен Максименко овладевал профессией отца уже в те годы, когда труд каменщика переставал быть анонимным, становился творческим, авторским, и здания, которые росли на глазах поколения, примечательны во многих отношениях: заводы, каких дотоле еще не было, большие клубы и универмаги, четырехэтажные школы с широкими окнами.

В 1930 году Семен отправился в Москву. Первой для Максименко работой в столице было сооружение школы на Шаболовке. Работа шла независимо от капризов погоды: в ту пору строителям впервые довелось побеждать время. Молодой Максименко тогда задумался: если преодолевается сезонность на участках, которые испокон веков зависели от погоды, то почему нельзя в пределах самого рабочего дня добиться большей организованности, большего порядка, лучшего использования времени, труда, материалов?

Семен Савельевич Максименко.

В молодом каменщике заговорило чувство хозяина времени и хозяина возможностей. Могло ли такое чувство взволновать в прежние годы отца — старика Савелия Максименко? Конечно, нет: какой был смысл старому каменщику выкладывать вдвое больше кирпичей на стройке купеческого дома?

2

Кончался трудовой день, но каменщика не переставали занимать вопросы: как лучше организовать труд, как увеличить количество выкладываемых кирпичей? Он спрашивал себя: почему работа каменщика ограничивается определенным участком? Неужели нельзя вести ее по всему фронту?

— У нас никогда не одержит победы тот, кто делает ставку на индивидуальщину. Всегда победит тот, кто думает о коллективе... Любить народ надо! — говорит он.

«Любить народ надо!» В этих словах та широта понимания нашей действительности, которая в Советской стране сближает государственного деятеля и каменщика. Человек думает о тех, кто работает с ним рядом, и о тех, для кого он работает.

Что сделать для того, чтобы быстрее сооружать здания — не одно, а все здания? Этот вопрос Максименко задавал себе много раз. Рачительный хозяин думал не об одной, а о всех стройках. Он пытался подсчитать, что произойдет в стране, если каждый человек повысит свою производительность на один, два, три, пять процентов. Получались внушительные цифры. Казалось бы, мог каменщик ограничиться своим участком и быть в почете у своего начальства, у своих руководителей. Но нет, каменщику в нашей стране до всего есть дело, он думает о будущем своей профессии, о всех каменщиках, о всех строителях так же, как о себе. И думает о тех, кто под крышами новых зданий будет добрым словом вспоминать строителей.

Максименко нашел ключ к повышению производительности труда. Чтобы не «наступать друг другу на ноги» на узком участке работ, он разделил обычное задание — выложить стену — на три операции: кладку «наружной версты» — лицевой стороны стены; кладку «внутренней версты» и, наконец, «забутку» — кладку средних рядов. Каждая операция выполнялась двумя рабочими. Впереди шла первая двойка — каменщик пятого разряда с подсобным рабочим выкладывали «наружную версту». Вторая двойка — каменщик четвертого разряда с подсобным рабочим — выполняла ту же операцию, но с другой стороны стены. Кладку внутренних рядов производили рабочие третьего разряда. Таким образом Максименко разделил труд звена каменщиков, предоставив каждому участнику возможность максимально проявить себя.

Разработанный Максименко метод каменной кладки, основанный на разделении труда и освоении определенных приемов работы, требовал много инвентаря, создания новых, рациональных приспособлений, беспрерывной и хорошо организованной подачи материалов. Так появился поточно-конвейерный метод каменной кладки.

Лет двенадцать назад Максименко с бригадой установил всесоюзный рекорд каменной кладки на стройке жилого дома: за 8 часов работы было уложено 45 тысяч кирпичей. А в этом году бригада Максименко уложила за такой же срок 195 тысяч кирпичей — 40 вагонов! Это был рекорд в честь X Всесоюзного съезда профсоюзов.

3

И вот Максименко сидит в президиуме X Всесоюзного съезда профсоюзов, в Большом Кремлевском дворце. Он смотрит на делегатов, таких же людей труда, как он, для которых годы жизни, годы пятилеток и годы войны были годами роста, учебы, закалки, освоения опыта. 45 тысяч за смену и 195 тысяч за смену... Это не мертвые кирпичи — это диаграмма живых дел...

Каменщик вспоминает, как ему и его друзьям в начале третьей пятилетки было поручено соорудить 45-квартирный дом. Чтобы выложить здание в течение месяца, по нормам следовало поставить 32 каменщика и столько же подручных. Максименко решил выполнить эту работу вместе с четырьмя основными работниками и восемью подручными. И они закончили кирпичную кладку за 22 дня.

В 1939 году каменщик-новатор был награжден орденом Ленина.

Максименко вспоминает годы войны, работу в Новосибирске и Томске, в Барнауле и Рубцовке, в Сталинске и Омске, и во многих других городах. В 1942 году в Сибири бригада Максименко, состоявшая из двух каменщиков и шести подсобных рабочих, установила новый рекорд, уложив за смену 81 600 кирпичей. Тракторный завод на Алтае и другие крупные стройки были воздвигнуты при его ближайшем участии: он учил молодежь в огне горячей работы. Дыхание фронта доносилось до Сибири, и каменщики строили заводы, дома. На двадцатипятиметровой высоте они брезентом обтягивали место кладки и при температуре минус сорок пять градусов вели работу, пользуясь раствором, который снизу подавали в горячем виде. Ночной мрак они побеждали тысячесвечевыми электрическими лампами.

Семен Савельевич Максименко вспоминает один послевоенный трудовой день. Огромные

прожекторы осветили тогда площадку: было утро, холодное сибирское утро, но темень стояла непроницаемая. Прошло два часа. На большом щите появилась цифра: 41 000. За сто двадцать минут было сделано почти столько, сколько до войны за целую смену. К двенадцати часам дня на щите уже стояла другая цифра — 70 000. К пяти часам дня площадка строительства гудела от края до края: люди рвались пожать руку замечательному каменщику. На щите была последняя цифра — 121 300. А через несколько недель звено Семена Максименко уложило за смену 176 700 кирпичей... Таковы ступени, которые привели Максименко в этом году к рекордной кладке — 195 000 за восемь часов работы.

Максименко мечтает сейчас об укладке 250 тысяч и 300 тысяч кирпичей за смену. Придет время, мы услышим о новых его трудовых победах, которые всегда и неизменно служат стахановской школой для других строителей. Мы говорим «школой», ибо каменщик Максименко не считает рекорд самоцелью, для него всегда рекорд — средство обучения молодежи. Он вовлекает в свою бригаду способных людей, чтобы в рекорде открыть им перспективу, широкий путь побед в труде. Человек видит тогда, что он все может, что все дороги перед ним открыты, что нет для него никаких преград. Таков метод воспитания, применяемый учителем каменщиков, подлинным советским человеком, хозяином времени и своих возможностей.

Каменщик живет в счастливое время, в эпоху исполнения желаний, когда все задуманное свершается. Как-то, в 1946 году, Семен Савельевич Максименко был у министра строительства предприятий тяжелой индустрии.

— О многом беседовали,— рассказывал потом Максименко,— а главное, вот о чем: я сказал министру, что хочу построить на одной площадке сразу 50 жилых домов по поточно-конвейерному методу, построить так, чтобы показать настоящий класс работы!..

Через три года спросили у Максименко:

— Как с теми пятью десятками домов?

— С пятью десятками? — усмехнулся он в ответ. — А мы вдвоем с напарником выложили за 43 дня 175 индивидуальных двухквартирных домов. Это было в одном новосибирском заводском поселке... Четыре дома в день, каждые два часа — по дому.

Слушая Максименко и глядя на него, можно было понять: вот какими становятся каменщики на земле, где каждый человек труда заботится о всеобщем благе.

Одинаково страстно и горячо говорит Максименко и о своей деятельности в качестве бригадира каменщиков и инструктора стахановских методов труда и о своей работе в качестве депутата Верховного Совета РСФСР. Сибирь, которую он полюбил, Сибирь, которая стала ему родной, избрала его в Верховный Совет Российской Федерации. В качестве депутата ему доводится разбирать сотни дел, множество обращений приходит к нему: люди делятся своими радостями, просят помочь, ищут совета. Умудренный годами труда, каменщик помогает, советует, решает сложнейшие вопросы. Школа труда и школа государственной деятельности сливаются в буднях Семена Максименко, человека, который думает о коллективе, о людях, о народе.

Сам он неутомимо учится. Учится не только в гуще живой жизни, извлекая все из практики и сам обогащая ее: он овладевает теорией, чтобы стать квалифицированным специалистом строительного дела. В его зачетной книжке — отметки об экзаменах по геометрии, тригонометрии, организации работ, нормированию, немецкому языку. А в его записной книжке депутата Верховного Совета РСФСР чередуются записи: «Доклад в коллегии министерства», «На Песчаную улицу, где строятся дома в Москве», «Поговорить с министром высшего образования о восстановлении на работе доцента Н.», «О кельмах для каменщиков»...

Так переплетается профессиональное с общегосударственным в стране, где человек — хозяин, в стране, где стираются грани между трудом умственным и физическим, где новаторами в области науки и техники выступают люди простые, скромные, практики дела, где школа стахановского труда — университет государственных деятелей.

Там, где была пустыня

В. ПЕТРОВ

Фото О. Кнорринга.

Полвека бухарский эмир грабил захваченную им Вахшскую долину: печальны были вырубленные сады и виноградники, уныло лежали заброшенные поля с высохшими арыками и гниющими болотами. Превращалась в бесплодную пустыню богатая долина, под небом которой могли пышно и быстро распускаться самые солнцелюбивые растения.

Профессор-геолог А. В. Нечаев, посетивший Вахшскую долину в 1908 году, рассказывал: «Долина в настоящее время заселена весьма слабо. Особенно бросается в глаза обилие заброшенных, полуразвалившихся жилищ».

Еще энергичнее, чем эмир, разоряли страну басмачи в 1920—1924 годах. За четыре года край был разорен дотла. Земледелие почти прекратилось. Население частью было истреблено, частью вымерло. Уцелевшие жители разбрелись по другим районам.

Ликвидация басмачества и установление советской власти открыли новую эру в истории Таджикистана. Стала оживать и Вахшская пустыня, пустыня с прекрасной почвой и климатом, при котором вегетационный период столь продолжителен, что успевают вызревать многие субтропические культуры.

«Без воды нет жизни» — гласит пословица таджикского народа.

Жизнь вернулась в долину вместе с водой.

В годы первой сталинской пятилетки начато было сооружение грандиозной Вахшской оросительной системы — одной из самых больших в СССР. Ирригационная сеть тянется на многие сотни километров и орошает десятки тысяч гектаров земли. Творческий труд людей, вооруженных совершенными сельскохозяйственными машинами, вернул истосковавшейся земле плодородие.

Зацвела пустыня. Она стала покрываться садами, виноградниками и необозримыми плантациями хлопка. Во много раз увеличилась площадь ее посевов. Хлопка стало столько, что понадобилось построить крупные заводы для его первичной переработки и получения масла из семян.

В этой долине, орошенной водой и оплодотворенной творческим трудом, глубоким уважением пользуются жители Курган-Тюбинского района. В прошлом году они перевыполнили свое обязательство перед государством. За высокие урожаи хлопка 21 человеку было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. В этом году район взял новые серьезные обязательства: не только повысить урожайность, но и освоить новые земли под хлопок и сады, чтобы еще краше расцвела родная долина, чтобы еще зажиточнее стала жизнь колхозного дехканства.

Воды Вахша не только орошают колхозные поля. Они используются и для выработки электроэнергии. Все больше становится в долине колхозных гидростанций. Вот пущена вода к турбинам одной из только что построенных колхозных ГЭС.

Там, где была пустыня

Знатный звеньевой колхоза «Политотдел» Герой Социалистического Труда Худойназар Махмадаминов доволен качеством вспашки.

— С такой земли мы возьмем много хлопка,— говорит он.

1

В результате хищнических приемов водопользования, применявшихся в дореволюционной Бухаре, заболачивались огромные площади плодородной земли. Теперь мощные экскаваторы работают на очистке каналов, отводящих лишнюю воду с колхозных полей района.

2

Поздно нынче спустилась весна в долину Вахша и укоротила, сжала сроки сева. В эти горячие дни каждая минута была на счету. И колхоз «Политотдел» одним из первых в СССР закончил сев хлопка. Тракторист Бобо Розыков досевает последний гектар.

3

Это мешки с хлопковыми семенами, которые колхозники замачивают перед севом, семенами устойчивых, высокоурожайных сортов тонковолокнистого хлопка. Сорта эти, выведенные в долине, названы вахшскими. По своим качествам и урожайности они превзошли знаменитый египетский хлопок.

4

Колхозники берегут воду, как государственную ценность. В артели имени 1 Мая гидросооружения и арыки содержатся в таком образцовом порядке, что ни одна капля живительной влаги, идущей на поливку хлопка, не пропадает зря. Заведующий водным хозяйством Курган-Тюбинского

1

2

района тов. Подлеснов удовлетворен результатами проверки работы колхозного мираба — распределителя воды — и с удовольствием пьет ароматный, крепкий чай, предложенный гостеприимным мирабом Юсупом Мадалиевым.

5

В связи с известным решением партии и правительства о подъеме животноводства перед вахшскими колхозами открываются новые огромные возможности для развития и процветания. На склонах гор, окружающих долину, имеются прекрасные пастбища для овечьих отар.

6

Сотни гектаров займут новые сады в долине Вахша. И колхозники стараются именно в питомнике № 7 приобрести саженцы абрикосов, инжира, персиков, вишен, груш, слив, гранат, яблонь и других деревьев. Бессменный директор питомника С. В. Габуния — известный здесь человек. Известен он своими успехами по разведению садов на каменистых почвах. Габуния уже растит третий сад на бросовой земле. И все в долине знают: саженцы из его садов самые выносливые и самые неприхотливые.

7

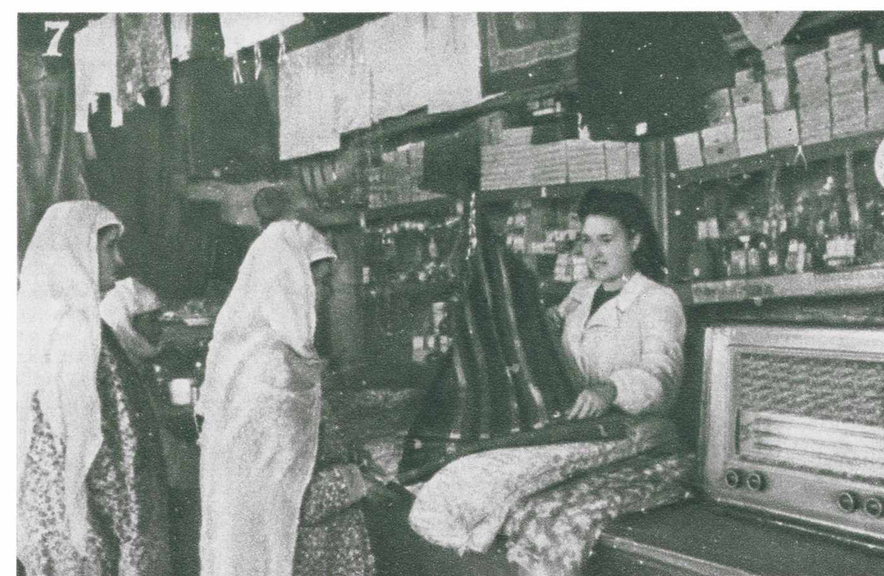
Вместе с урожаями растет зажиточность колхозников-таджиков. Все больше стирается грань между деревней и городом. Сельские магазины Вахшской долины мало чем отличаются от городских.

4

5

3

6

7

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Н. СВИРЧЕНКО

1

Небо совсем заволокло. Первые капли дождя прострочили многоярусный полог тайги и упали на ржавую, слежавшуюся хвою.

— Еще дальше?

Алексеев не отвечает. Он обеспокоенно смотрит вверх, на небо, неожиданно потускневшее в просветах ветвей.

— Пошли...

Троп никаких. То Алексеев, то его спутник, практикант, проваливаются по колено в обманчивую труху давно повалившихся стволов. Особенно туго приходится практиканту: новичок тяжело сопит, чертыхается, спотыкаясь о коряги, но отставать не хочет. Алексеев говорит:

— Не забывайте ставить зарубки. И запоминайте местность: вы поведете людей разбивать поперечники.

Новичок оглядывается: тайга и тайга, что тут запомнишь? Поднялись на одну сопку, а впереди, сколько глаз различает, такие же сопки, толпящиеся по сторонам Тихòна — лысой вершины водораздела. И чем ближе гора, тем труднее дается каждый шаг...

Алексеев припоминает, как выглядел этот район с самолета. Тогда, с высоты полутора тысяч метров, сопки казались игрушечными, и пилот, видевший тайгу только во время полетов, сказал, что не такое уж трудное будет дело — проложить магистральный ход через Саяны. Попробовал бы полазить по этим сопкам в поисках перевала!

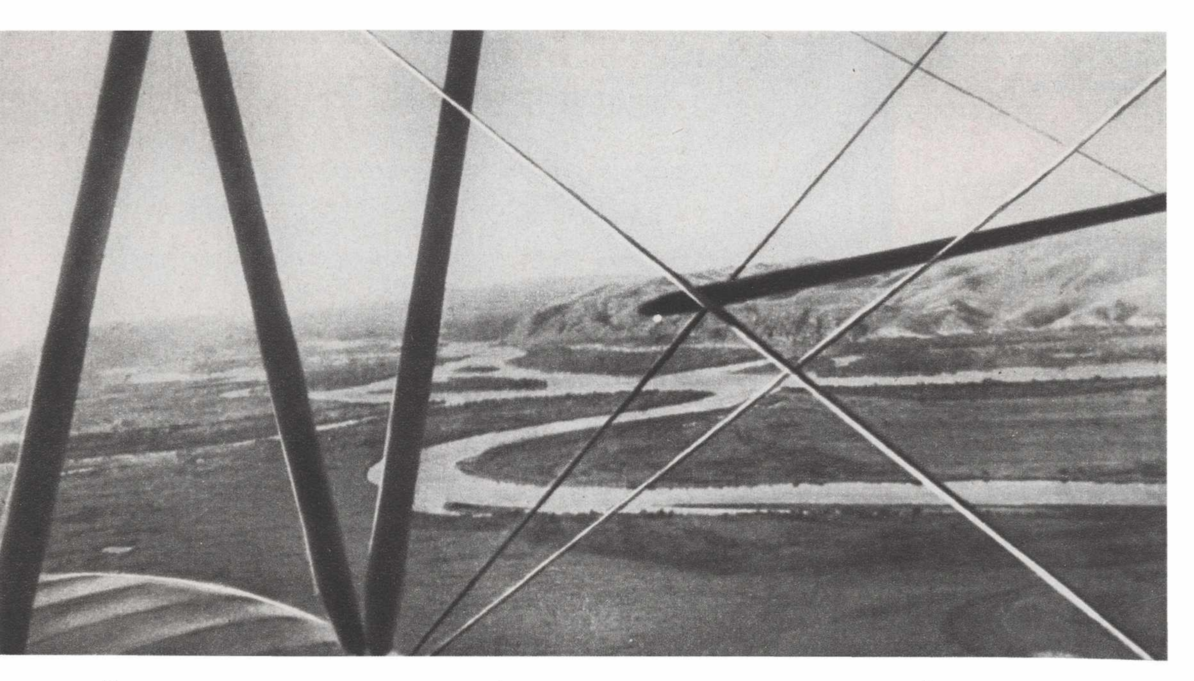
Собственно, это входило в задачу аэрофотосъемки — обнаружить самую низкую и удобную для прокладки линии седловину в водоразделе таежных рек Сисима и Крола. Что же касается изыскательских партий экспедиции, то им предстояло обследовать трассу, «пробить» магистральный ход, а потом «привязать» к пунктам пройденного пути материалы воздушной съемки.

Но нужно совсем не знать инженера Алексеева, чтобы предположить, что он удовлетворится обзором тайги из кабины самолета и переложит самое трудное на плечи других.

— За крылья спасибо,— сказал он летчикам, в последний раз приземлившись на красноярском аэродроме,— но нашего брата, изыскателя, ноги кормят!

И отправился в тайгу. Где пешком, а где на утлом плотишке-салике, то, когда был путь, на автомашине, то, когда его не было, на самолете «ПО-2», доставлявшем срочные грузы на далекие прииски, Алексеев добрался до Манского белогорья. Здесь, в самых глухих дебрях Саянской тайги, должны были сомкнуться ход, прокладываемый с севера партией инженера Киреева, и трасса, которую партия Соболева пробивала со стороны Ирбы.

Из лагеря Соболева, даже не отдохнув, Алексеев отправился в сопровождении студента-практиканта Жени Новикова обследовать водораздел

Причудливо петляющие рукава, и бесчисленные островки, и даже мельчайшие пятнышки озер — все это просматривалось с самолета и фотографировалось во всех подробностях, и долина реки, по которой пройдет магистраль, лежала как на ладони.

...Теперь их отделял от Тихона какой-нибудь час пути, и, хотя дождь припустил во-всю, возвращаться показалось обидным. «Удастся отделаться выемкой или придется все-таки бить тоннель?» — вот вопрос, не дававший покоя Алексееву. Район был мало изучен, а старым картам не хотелось доверять, да и карт этих было недостаточно.

Время от времени Алексеев забирался в самую гущу пихт и, заслонив спиной от дождя записную книжку, заносил в нее характеристику водораздела. В эти короткие минуты передышек Женя опускался на корточки и дремал от усталости.

Когда добрались до вершины, дождь перешел в ливень.

— С погодой не повезло, зато с перевалом определенно удача: видите эту седловину? Никаких тоннелей! Накройте меня вашим плащом,— и Алексеев, забыв обо всем на свете, принялся чертить и писать в своей книжке, а студент стоял над ним и хмуро слушал, как шуршит по хвое вода и клокочут, вздуваясь в падях, потоки.

Спрятав книжку под китель, Алексеев и сам прислушался, как гудит ливень.

— Вот история, теперь нам до лагеря не добраться! Двинем в долину Крола, там должен быть охотничий лабаз, повезет — заночуем с удобствами.

Спуск оказался еще труднее, чем подъем. Стемнело. Мокрые, они дрожали от холода и усталости. Когда сошли в долину, Алексеев подумал: если не разожжеть костер, дело может кончиться плохо для обоих. Он выбрал самую гущу деревьев, но и под ними лило так, что спички гасли, едва успев вспыхнуть. Он опустошил половину коробки и только тогда заставил себя понять, что костра им не разжечь. Одеревяневшими, потерявшими чувствительность пальцами он снова обернул спички в кусок восковки и опустил коробку во внутренний карман, два раза проверив, не положил ли мимо, и нащупав под подкладкой корку партийного билета.

— Пошли?

Новиков сидел на земле, уткнувшись лицом в колени, и уже не прятался от лившейся сверху воды. Алексеев чувствовал такое же непреодолимое желание опуститься на землю и не вставать больше, но вспомнил о найденном варианте перевала и неожиданно пришел в ярость. Он так проклинал эту чортову глушь, и работу, и мокрый снег, сменивший дождь, что парень вскочил, как будто ругали его:

— Идем!

Деревья обрушивали на них ледяные души. Перешли вброд один ручей, потом другой, затем потеряли счет бродам. И чем отчаяннее становилось их положение, тем яростнее рычал Алексеев:

— Врешь, не свалимся, выцарапаемся! Такие по пустякам не умирают!

Каким-то особым чутьем изыскателя Алексеев набрел-таки в этой мокрой, кромешной тьме на тропу; она привела их к заброшенному зимовью охотников-соболятников. Через несколько минут в очаге уже трещали сучья, в жестянке булькала вода, и пар повалил от задубевших кителей, раскисших сапог и вздувшихся на коленях брюк.

Они сняли с себя все, потому что промокли до нитки. Голые, глотали по очереди кипяток, обжигаясь и со смешком поглядывая один на другого. Потом, блаженно вытянувшись рядом на нарах, слушали, как гудит и стонет пламя, всхлипывает снаружи мокрая тайга и тукают об пол капли, стекая с развешанной одежды.

— Вот тебе и боевое крещение! — теперь уже окончательно перейдя на «ты», сказал Алексеев студенту.— А сколько в моей жизни случалось таких передряг: и плутал в тайге неделями, и тонул, и мерз, и без воды в пустыне сидел,— и всякий раз говорю себе: врешь, такие по пустякам не умирают! Но как жизнью ни дорожи, а мне ее все равно нехватит: ведь столько хочется еще побродить по земле, сотворить на ней всяких полезных дел! Когда-нибудь, под старость, непременно проеду по всем этим местам. В мягком вагоне, понимаешь, с удобствами прокачу по всем дорогам, какие изыскивал: и по Южсибу, и на Байкал, на Амур... Увижу новые станции, депо, свет в поселках... И тут побываю, сюда только рельсы дай — такое заварится, что ахнешь: уголь есть, лес есть, железо есть, марганец есть, будут и города и электрический свет, цветы в палисадниках, пеленки на веревках. Это тебе такая романтика, что только стихами писать! И ведь когда-нибудь оглянешься вот так на прожитую жизнь — и ни одного дня не станет жаль: столько проложил другим дорог! Нет, брат, наша профессия хоть и трудная, да такая, что — сдавай ты последние зачеты, забирай диплом и — с нами, на Енисей!

2

Изыскатели железных дорог... Много ли слышали вы об этих людях? А какая это удивительная, захватывающая профессия — разведывать дороги, которые только еще будут строиться!

Прежде чем проложить рельсы по земле, дорогу прокладывают по карте. Потом начинается самое трудное: полевые изыскания.

Казалось бы, что тут сложного, если на первых же страницах в учебниках геометрии вы читали: «Между двумя любыми точками на плоскости можно провести прямую линию, и притом только одну...» Но представьте себе эти «точки на плоскости»: отделенные одна от другой не сантиметрами, а сотнями километров! И самая «плоскость» — это не гладкий лист бумаги, но громадный кусище Саянской тайги. Дорог никаких. На пути горные кряжи, сопки, пади, реки, обвалы, оползни. В одном месте обнаружен уголь, и, стало быть, дорогу выгоднее провести как можно ближе к району будущих шахт. В другом — найдены богатейшие железные руды, тут тоже первое слово будет за дорогой. В третье место предстоит протянуть путь так, чтобы удобно было прямо с

реки перегружать сплавленный лес на колеса. И все это нужно взвесить, учесть, изучить досконально! Нужно подсчитать потребность в строительных материалах и найти их на месте, ибо дорога должна сама себя и снабжать и строить; надо бурить скважины и найти вдосталь воды, пригодной для питья и для паровозных котлов; разместить в наилучших условиях будущие станции и депо, разъезды и поселки, приняв во внимание и границы разлива рек, и уровень талых вод, и отметки вечной мерзлоты, и опасность осыпей, оползней... И при всех этих требованиях спроектированная дорога должна быть наикратчайшей между любыми соседними и конечными пунктами, с минимальными уклонами и подъемами, с наименьшим количеством выемок и насыпей, мостов и тоннелей, петель и кривых,— короче говоря, самая легкая и дешевая в строительстве, самая надежная и экономичная в эксплоатации.

И, что прежде всего, наши дороги строятся не для частной наживы и выгоды, а с расчетом получить максимальную народнохозяйственную пользу, с государственной прикидкой на будущее, на развитие экономики тяготеющих к дороге районов в ближайшие годы и в последующие пятилетия. Тут уж не семь, а семьдесят семь раз прикинь и отмерь, прежде чем сказать: вот окончательный вариант, и лучшего не найти!

Теперь, когда вы приблизительно представляете, что от вас требуется и что вам надо знать и уметь выполнить,—теперь вооружайтесь топорами, стальными мерительными лентами, черно-белыми нивелировочными рейками, вешками, палатками, спальными мешками, рюкзаками (в них вы потащите образцы горных пород), деревянными сундучками зеленой армейской окраски (в этих сундучках всевидящее око изыскателя — теодолит) и с этим грузом начинайте пробурбаться сквозь тайгу. Машину придется оставить на опушке, в лучшем случае, вам удастся навьючить лошадей, если будет пригодная тропа. В остальных случаях все необходимое будете тащить на себе либо сплавлять по реке, если течение окажется попутным и вас не испугают пороги.

Разумеется, аэрофотосъемка сильно облегчает задачу полевых изысканий. Но даже самая тщательная воздушная съемка не избавляет изыскателя от необходимости «прощупать» собственными ногами всю трассу, пройти ее из конца в конец, расставить вешки, вымерить и закрепить специальными знаками повороты, определить размеры и кубатуру каждой выемки и насыпи. Это предстоит проделать не один раз, а в нескольких вариантах, помня, что от качества изысканий и неутомимости изыскателя в огромной степени зависит успех постройки дороги.

Прежде чем поставить свою подпись под окончательным вариантом линии инженер А. П. Реутский семь раз прорубался сквозь заросли Салаирской тайги. И этому беспокойному человеку, коммунисту-новатору, удалось, в конце концов, сократить длину линии на семь с половиной километров против первоначального варианта: игра стоила свеч!

Чтобы дать проект ныне действующей Северо-Печорской магистрали, экспедиция инженера-коммуниста А. В. Гоникберга, вот уже второе десятилетие изыскивающего дороги в Большеземельской тундре, выполнила свыше четырех тысяч километров инструментальных съемок — в несколько раз больше длины сооруженной линии.

Десятки «ходов попытками», как говорят изыскатели, были проделаны экспедициями И. П. Казимирова и П. И. Джорбенадзе в суровых условиях сибирской тайги до того, как выбрали окончательный вариант дороги от Сталинска на Абакан. Это восточное крыло Южсиба, уже начатое постройкой, измеряется 400 километрами, но вытяните в одну линию все прорубленные изыскателями просеки, все проложенные ходы, все обследованные варианты — и наберется три тысячи километров. Вот как трудно даются поиски той самой прямой, которую «можно провести между двумя любыми точками на плоскости»!

3

— Хотите знать, что такое настоящий инженер-изыскатель? — с этим вопросом, в котором особенно подчеркнуто прозвучало слово «настоящий», начальник Сибирской конторы «Союзтранспроекта» инженер Хвостик извлек из сейфа папку с вытисненным названием будущей железной дороги.— Учтите: из всех человеческих характеров это самый невозможный!

Он выложил на стол выкопировки из карт, схемы геологических разрезов буровых скважин, телеграммы.

— Понимаете, все было решено до них. Окончательно решено. Леонтьевскому оставалось только закрепить на местности спроектированную линию, и больше ничего от него не требовалось. Так нет же! Сначала Леонтьевскому не понравился косогорный ход — перетрассировали заново и выгадали двадцать метров. Потом спрямили один участок — и сэкономили вместе с ненужной трубой полторы тысячи кубических метров земляных работ. А там и пошло. Чтобы обойтись без моста, предложили отвести ручей. Пересмотрели весь баланс земляных работ. И думаете, на этом Леонтьевский успокоился? Нужно знать изыскательскую душу! Получаем от него с нарочным готовые профили, а на другой день — телеграмму: «Продолжаю изыскания». Заметьте: время — ноябрь, а ноябрь в тайге — это совсем не то, что зима где-нибудь на линии Туапсе — Гагры. Короче говоря, вот вам доклад Леонтьевского, и посмотрите, чего стоил им этот четвертый, теперь уже окончательный, вариант.

«...Нужно отметить условия, усложнившие нашу работу,— пишет Леонтьевский.— Неожиданно началась кить. Китью здесь называют такой снегопад, когда в полном безветрии и при нулевой температуре снег валит стеной день и ночь. Лыжи тогда не держат. Сил лошадей больше как на 200 метров нехватает. Все имущество пришлось тащить на себе. Кить продолжалась без перерыва десять дней. Навалило снега больше чем на два метра При работе с теодолитом мы рыли целые траншеи, иначе не видно вешек и не достать треногой до земли.

Этой китью от нас отрезало отряд Старчеуса. Они разбивали трассу от головных пикетов, нам навстречу. Продуктов у них оставалось в обрез. Пришлось выручать. Лыжи, как я уже объяснял, на таком снегу не держат. Пробивались пешком, по шею в снегу. Костра не разжечь, поэтому спать не пришлось. За трое суток сделали четыре километра. Но тут Старчеусу повезло: потеплело. Образовалась ледяная кашица по колено, Старчеус воспользовался этим и сам повел людей к лагерю. Встретились на полпути. Мы их подкормили немножко, и все обошлось благополучно. Нам вообще везло: только к концу трассировки ртуть упала на сорок семь ниже нуля...»

Нет, коммунист Леонтьевский не считал ни себя, ни людей своей изыскательской партии героями: наоборот, он оправдывался, что пришлось задержаться в тайге, и единственным оправданием было то, что они все-таки сократили трассу на километр. Если принять в расчет, что по этой линии будут провозиться в год миллионы тонн грузов и что дороги строятся на десятки и, может быть, даже на сотни лет, то стоило «немножко задержаться» ради этого километра.

Сколько есть примеров такого же великолепного мужества, выдержки, незаметного героизма, о которых нужно бы рассказывать! Спросите у коммуниста-изыскателя Уржумова, как он нырял в ледяную воду таежной реки Маны. Эта бешеная река изобилует «падающими деревьями», ветки которых стелются над самым течением. И вот на одном из перекатов такая «падающая» сосна начисто смела с плота все имущество экспедиции. Уржумов сопровождал плот. Не задумываясь, он бросился в воду спасать нивелир — прежде всего нивелир, потому что изыскатель может обходиться в тайге и без спального мешка, и без палатки, и даже без сухарей, когда вышел запас, но без нивелира отряду нечего делать.

Наткнулись на старый охотничий лабаз в таежных зарослях Сихотэ-Алиня: здесь можно остановиться на дневку, пообедать у костра, обсушиться, привести в порядок записи и инструмент.

Как величественны, героичны будни советских изыскателей, трудовые подвиги и устремления наших людей! Советские изыскатели движимы прекрасным чувством любви к Родине, желанием приумножить могущество и богатства народа, который доверил им дело огромной важности. Чувство личной ответственности за судьбы постройки новых дорог — вот где секрет всех этих вариантов, вот объяснение «беспокойного» характера изыскателей, этого постоянного творческого горения, благородного чувства недовольства собой. Это чувство даже после третьего, пятого, седьмого вариантов, когда, казалось бы, лучшего уже не найти, тянет человека в поле, на трассу, чтобы искать, не зная сна и покоя.

От талантливости и настойчивости изыскателя, его творческой смелости и широты инженерного и политического кругозора зависит целесообразность огромных затрат народной энергии и средств, вкладываемых в постройку новых путей сообщения. Мы строим столько железных дорог, сколько их не строит никакая другая страна в мире. И каждый новый проект — это наши мечты, устремленные вперед, к коммунизму!

...В Саянской тайге и в Большеземельской тундре, в Кулундинской степи и в Кара-Кумах, на Урале и в сопках Сихотэ-Алиня — всюду вы встретите человека в железнодорожной форме, припавшего глазом к трубке теодолита. По самому роду профессии изыскателю свойственно смотреть и шагать вперед, далеко вперед. И так грандиозны размах и перспективы нашего железнодорожного дела, так волнующе беспредельны просторы Родины, что это поистине великая честь — шагать впереди!

ЗЕЛЕНЫЙ ЩИТ

Евгений ВОРОБЬЕВ

Человек, который не был в Магнитогорске много лет, помимо всех прочих совершенно сказочных перемен, обнаружит еще одну: здесь изменился климат.

Плотина, перепоясавшая бетонным поясом реку Урал, образовала пруд с огромным зеркалом воды. Новорожденное магнитогорское озеро смягчило климат, сделало его менее континентальным. В жаркие дни на берегу пруда бывает на 3—5 градусов прохладнее, чем в противоположном конце города, а в морозы — соответственно теплее.

Шеренги многоэтажных домов, зеленые щиты лесопитомников и лесозащитных полос, городские сады, парки, бульвары, скверы усмирили суровые ветры, которые прорываются с юго-запада сквозь южные отроги Уральского хребта.

Прежде зимой на Магнитку обрушивались бураны, которые заносили бараки и палатки непроходимыми снежными сугробами. Не случайно железнодорожная станция рядом с Магнитогорском называется Буранная. А летом на строительной площадке бушевали пыльные бури. Они катили по земле камни, подымали и швыряли в лицо камешки, ослепляли злой пылью.

В местах, где пятнадцать лет назад нельзя было найти порядочного дерева, нынче летом вас встречают густая тень и свежесть. Магнитка одевается в зеленый наряд. Минувшей осенью и весной в городе стояла «страдная пора». Около пятидесяти тысяч деревьев расселилось во всех концах города. Всюду видны были группы горожан с лопатами. Малыши не отставали от взрослых: они переносили саженцы, взявшись за них вдвоем, втроем, вчетвером.

По улицам разъезжали грузовики, нагруженные саженцами.

Перед машинами, перевозящими будущие скверы, широко открывались ворота металлургического комбината. На заводской территории вновь высадили тысячи деревьев и десятки тысяч кустарников. Зеленые оазисы между цехами становятся все просторнее и тенистее, они разрастаются и скоро сольются в заводской парк.

Ясень и карагач, акация и клен мужественно подставляют заводским дымам свои зеленые плечи, ограждая человека от копоти и гари. Здесь высаживают самые газоустойчивые деревья, но и они, особенно те, что растут у доменных печей, мартенов, коксовых батарей, требуют особо тщательного ухода, частой поливки,— иначе пожухнет, покоробится от ожогов, свернется в черные трубочки листва, саженец останется великовозрастным карликом.

Деревья-заводчане должны быть нечувствительными к пыли. Вяз не имеет «пропуска» на завод, потому что поверхность листа вяза шероховатая, с ворсинками. Пыль так закупоривает поры, будто у листа этого темно-серая подкладка. Тополь сильно страдает весной, потому что почки и молодые листья у него клейкие и удерживают пыль.

За зеленым частоколом защитных полос широко раскинулся питомник. Этот своеобразный лес-ботанический сад разбит на 144 клетки, каждая площадью в полгектара. На этих клетках произрастают шестьдесят пять пород деревьев и декоративных растений. Здесь собрана великолепная коллекция перелесков, рощиц и опушек, где растут деревья или кустарники только одного какого-нибудь вида.

Незабываемое, поистине чарующее впечатление оставляет прогулка по этому разнохарактерному лесу, где березняк соседствует с кленом, ельник — с леском из одних акаций, сосняк — с рощицей рябин. Непроходимые заросли дикой яблони или боярышника, через которые продираешься с трудом, расположены рядом с привольно растущими ясенями.

Провожатым моим в этом волшебном путешествии — будто мы запросто переходили из края в край, запросто переступали через долготы и широты — был Платон Николаевич Замахаев, хранитель всей этой лиственной и хвойной сокровищницы.

Интересно, как Платон Николаевич очутился на Магнитке. Однажды в садик Замахаева на Железнодорожной улице в Ессентуках зашел человек: его прельстили необыкновенной красоты георгины в садике перед домом. Георгины — увлечение Платона Николаевича. Прохожий, любитель цветов, оказался гостем из далекого Магнитогорска, художественным руководителем тамошнего театра. Евгений Глебович Амантов рассказал Замахаеву о жизни Магнитки. Он знал, что город очень нуждается в цветоводах, лесничих, садоводах, но не только поэтому рассказ его был таким заманчивым. Вскоре в Ессентуки пришло приглашение из Магнитогорского горсовета на работу. И вот Платон Николаевич, цветовод, учитель ботаники, и сын его Николай Платонович, окончивший Лесную академию, работают на Магнитке. Николай Платонович — технический руководитель всего садово-паркового хозяйства. И отец и сын работают самоотверженно, оба заслуживают самой горячей благодарности своих новых земляков.

В самом городе от года к году множится число опытников-мичуринцев. Пятнадцать лет назад из Мичуринска приехал на Магнитку садовод Борис Николаевич Скатаров. Он привез несколько саженцев яблонь и книжку о работах Мичурина. Тогда же возник первый мичуринский кружок. За эти годы на Магнитке выведены свои сорта яблонь, своя вишня тридцати двух миллиметров в диаметре; родители ее — уральская степная вишня и «плодородная мичуринская».

Но для того, чтобы представить себе зеленое будущее Магнитогорска во всей его красе, надо переправиться на правый берег реки Урала и побывать в молодом лесопарке.

Здесь, под попечительством рослых деревьев с мощными кронами, под защитой зеленых ветроломов, будут произрастать всевозможные фрукты и ягоды,— пусть все лето, зиму, до марта, не сходят они со стола горняка, доменщика, сталевара, прокатчика!

Фруктово-ягодный цех Магнитогорского металлургического комбината имени Сталина занимает огромную площадь — 482 гектара. На 10 с лишним километров тянется забор вокруг этого сада-гиганта.

Слива «уссурийская» и слива «канадская», яблоня «уральский партизан» и «анисик омский», малина «мальборо» и «новость Кузьмина», смородина «неаполитанская» и смородина «лия плодородная», яблони, растущие прямо, не сутулясь, и яблони, стелющиеся по самой земле, похожие на низкорослый кустарник, — все эти и многие другие новоселы отлично прижились на магнитогорской земле.

Самые стойкие, выносливые плодовые деревья и ягодные кусты, известные мичуринцам страны, собраны в этом саду.

Магнитогорский металлургический комбинат. У здания нагревательных колодцев блюминга.

Фото В. Георгиева (ТАСС)

Мощные насосы гонят воду из реки Урала на 52 метра выше ее уровня. К цистерне с водой подъезжают одна за другой разливочные машины: нужно утолить жажду многих тысяч саженцев. В ближайшем будущем сад будет иметь свое огромное водохранилище.

— А зачем там, рядом с малиной, ива посажена? — спросил я у директора металлургического комбината Григория Ивановича Носова.

— То есть как это — зачем? — удивился он.— Фрукты и ягоды мы будем многими тоннами собирать. Куда же их девать? Вот из той ивы будем плести корзины для вишни и малины...

Кстати сказать, первая тонна малины была собрана уже в прошлом году; ее отправили в детские дома и сады.

Семнадцать с лишним лет назад И. В. Мичурин писал магнитогорским рабочим:

«За вашей работой следит весь мир. К вам, созидателям социалистической индустрии, направлено сочувствие всего трудящегося человечества. Поэтому все, в том числе и я, не могут без внимания относиться к тому, что окружает вас в дни, когда вы с беспримерными усилиями и геройством воздействуете на притворно-равнодушную природу. В пыльном зное лета, в лютые морозы долгой зимы, при ледяных северо-восточных ветрах вырываете вы тот материал, на котором строится новая, разумная жизнь, именуемая социализмом.

Природа, будучи очень щедрой в металлах, оказалась очень скупой в отношении развития на Магнитной горе зеленых растений. В течение многих тысячелетий природа не могла построить такого растительного организма, который смог бы смягчить суровые условия климата Магнитогорска...

Но там, где не могла строить природа, там должен уметь строить вооруженный знаниями человек.

Сочувствуя всей душой вашей идее об озеленении нового социалистического города Магнитогорска и его окрестностей, я должен сказать вам, что там, где люди вступают в соревнование со стихиями, — там одного Мичурина мало, там должен подходить к делу большой и дружный коллектив новых Мичуриных...»

Иван Владимирович Мичурин дал тогда магнитогорцам ряд практических советов, указал пути, по которым должна развернуться их работа.

«Горячо желая вам успеха в столь важном деле для вашего быта, я выражаю твердую уверенность в том, что стихия будет укрощена.

Смелее за работу! Ваш Мичурин».

У входа в заводской фруктовый сад будет сооружен памятник великому садоводу. А пока парки и бульвары, фруктовые сады магнитогорских опытников — живые памятники Мичурину.

В зеленом шелесте листвы, в золотой тяжести плодов мы слышим и видим благодарность наследников великому своему соотечественнику, который когда-то так внимательно и любовно отнесся к нуждам нового города.

Вчерашнее будущее стало сегодня настоящим.

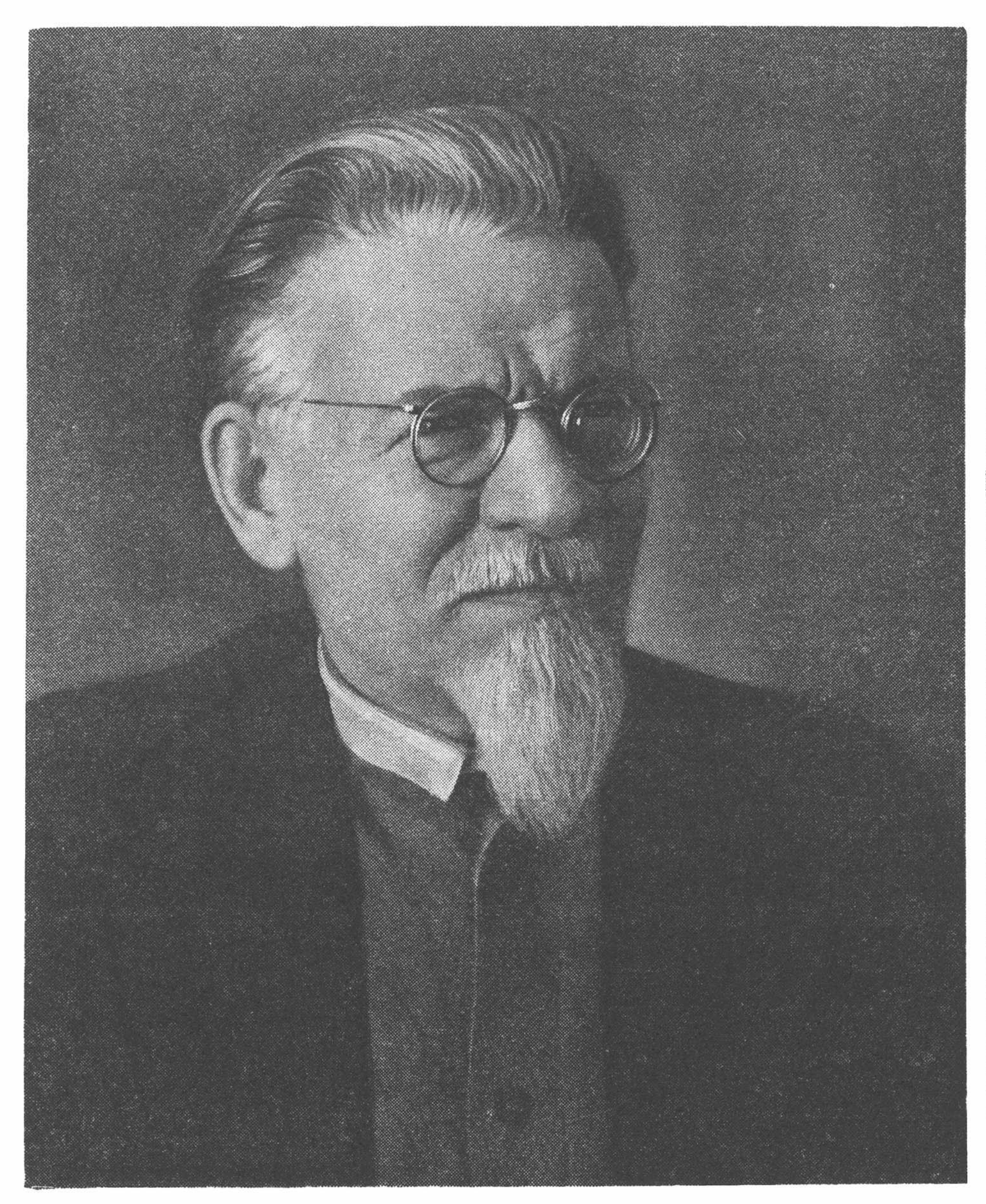

Знатная ткачиха мастер цеха Большой ивановской мануфактуры имени Молотова Н. К. Ярыгина.

Фото В. Евграфова

КИЕВ. Угол Крещатика и улицы Ленина.
Фото С. Фридлянда

Памяти Михаила Ивановича Калинина

3 июня советский народ отметил третью годовщину со дня смерти великого революционера, выдающегося деятеля большевистской партии и советского государства Михаила Ивановича Калинина.

В этот день на московском заводе «Фрезер» состоялось торжественное открытие памятника М. И. Калинину. Старые рабочие «Фрезера» хорошо помнят день 1 июля 1932 года. Михаил Иванович приехал тогда на заводской митинг. Он осматривал цехи, беседовал с рабочими. Слесаря Малинина Михаил Иванович подробно расспрашивал об условиях работы, выполнении норм, доброкачественности инструмента.

— Товарищ Калинин и потом следил за работой завода,— рассказывает старый кадровик Петр Павлович Малинин. — В 1943 году делегация завода побывала у Михаила Ивановича в Кремле. Глава верховного органа нашего государства запросто, душевно расспрашивал нас о заводских делах, о том, как живут работницы, напомнив, что надо о них заботиться как можно лучше... Навек запомнились слова товарища Калинина о грядущей победе над фашизмом.

В рабочем коллективе созрела мысль: во дворе завода, на том самом месте, где Михаил Иванович выступал на митинге в 1932 году, построить ему памятник.

...И вот 3 июня после работы коллектив завода собрался на зеленой площадке около термического цеха.

Секретарь партийной организации завода Н. Григорьев открыл торжественно-траурное собрание.

— Три года назад перестало биться сердце пламенного патриота нашей Родины — Михаила Ивановича Калинина, — сказал он. — Имя Михаила Ивановича Калинина, которое с честью носит наш завод, вдохновляет нас на новые трудовые подвиги.

Гремит Государственный гимн Советского Союза. С памятника ниспадает полотнище, взору присутствующих открывается мраморный постамент, на котором установлен бюст Михаила Ивановича Калинина.

Торжественно - траурные митинги и собрания памяти М. И. Калинина состоялись на заводах и фабриках столицы и других городов страны. Трудящиеся Калининского района Москвы с гордостью говорили на собрании о том, что промышленность района досрочно выполнила план послевоенной пятилетки по уровню производства. Свыше 1500 рабочих предприятий района уже завершили свои пятилетние нормы, 1200 — выполнили задание 6—7 и более лет.

По решению правительства Союза ССР в Москве создается музей М. И. Калинина. Музей расположится в старинном особняке на Моховой улице, близ Приемной Председателя Президиума Верховного Совета СССР, куда к Михаилу Ивановичу Калинину приходили тысячи советских людей. Экспозиция музея расскажет посетителю о большой и яркой жизни великого революционера, одного из активнейших строителей большевистской партии и советского государства.

Произведения М. И. Калинина издавались 1200 раз, общим тиражом 54 195 тысяч экземпляров на 74 языках. Педагоги и партийные работники, пропагандисты и инженеры, писатели и ученые черпают в трудах М. И. Калинина богатейший опыт для своей работы.

Годовщина со дня смерти М. И. Калинина была отмечена и в странах народной демократии.

БЮДЖЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Состоялась третья сессия Верховного Совета РСФСР.

Верховный Совет заслушал доклад министра финансов РСФСР тов. А. М. Сафронова о Государственном бюджете РСФСР на 1949 год и об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1947 и 1948 годы. Бюджет иллюстрирует выдающиеся трудовые успехи русского народа, заслужившего «общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны» (И. Сталин).

Многие важные начинания, получившие широкое распространение во всех республиках нашей социалистической Родины, исходят от передовых представителей русского народа, таких, как Александр Чутких и Иван Шацкий, Мария Рожнева и Лидия Кононенко; столица нашей страны Москва положила начало борьбе за ускорение оборачиваемости оборотных средств. Патриотическая инициатива русских рабочих и колхозников поддержана всеми народами нашей страны, еще раз показавшими свое несокрушимое морально-политическое единство, всепобеждающую силу советского патриотизма.

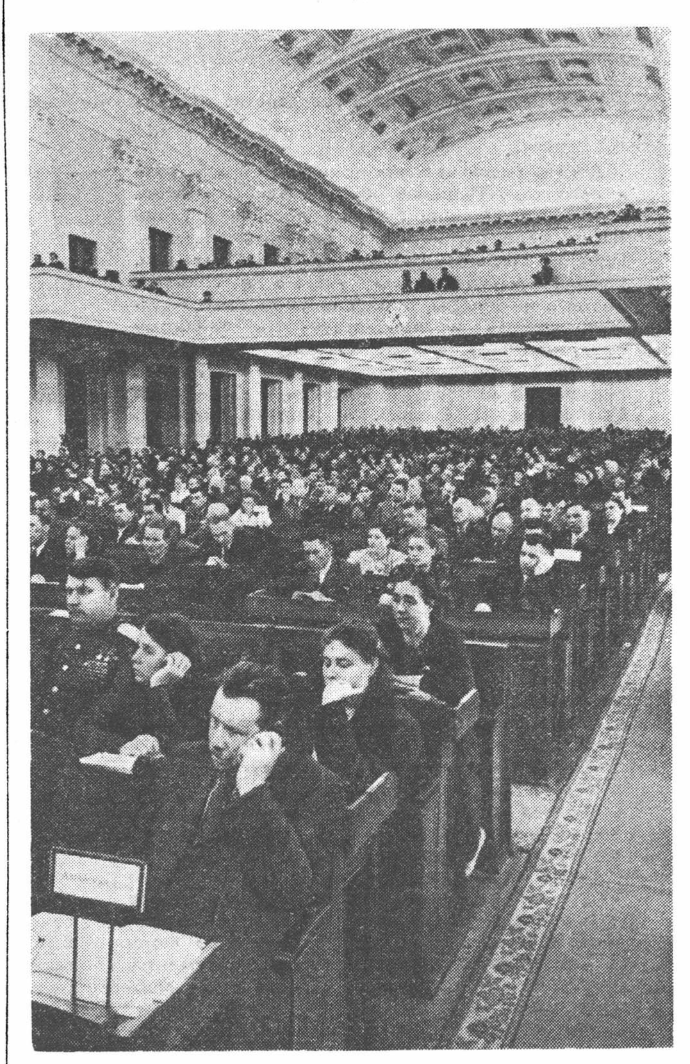
Общий объем Государственного бюджета РСФСР принят по доходам в сумме 51 803 731 тысячи рублей и по расходам в сумме 51 570 088 тысяч рублей.

Расходная часть бюджета характеризует новые грандиозные задачи, стоящие перед РСФСР в нынешнем, четвертом году послевоенной пятилетки. 9635 миллионов рублей направляются на финансирование народного хозяйства, а 36 625 миллионов рублей, то есть более 70 процентов бюджета,— на социально-культурные мероприятия.

Ежегодное увеличение ассигнований на социально-культурные нужды отражает повседневную заботу партии, правительства, великого Сталина о благе советских людей.

Государственный бюджет вызвал оживленное и всестороннее обсуждение. Все выступавшие депутаты единодушно одобряли бюджет, отметив, что он соответствует народнохозяйственным задачам, стоящим перед Российской Федерацией.

Верховный Совет РСФСР единогласно утвердил Государственный бюджет РСФСР на 1949 год и отчеты об исполнении Государственного бюджета Федерации за 1947 и 1948 годы.

Третья сессия Верховного Совета РСФСР. В зале заседаний.

Фото Дм. Бальтерманца.

Торжественное заседание в Государственном Академическом Большом театре СССР, посвященное 150-летию со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Фото Дм. Бальтерманца

ПУШКИНСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ

Десять тысяч человек пришли утром 5 июня к памятнику Пушкину, чтобы принять участие в митинге. Пришли бы еще десятки и сотни тысяч, если бы их могла вместить площадь. Пришли старые москвичи и юные пионеры, рабочие и колхозники, ученые и солдаты, поэты и инженеры, принесли сюда свою горячую любовь и признательность великому поэту — солнцу русской поэзии.

Теплые, проникновенные слова о Пушкине сказали на митинге Н. Тихонов, Т. Селиванов, С. Вавилов, П. Тычина, А. Хорава, сталевар С. Чесноков, студентка В. Николаева, председатель подмосковного колхоза И. Морозов. Нет в Советской стране такого уголка, где бы не читали, не знали и не любили Пушкина. Но великий русский поэт давно перешагнул границы нашей Родины, он стал любимым поэтом многих стран. Об этом на митинге говорили и чехословацкий писатель Ян Дрда и болгарский поэт Димитр Полянов, прочитавший свои вдохновенные стихи, в которых выражена признательность болгарского народа великому сыну России, любимому поэту всех славянских народов.

После митинга началось стихийное шествие москвичей к памятнику великому поэту.

До поздней ночи памятник окружали люди. Неизвестно, кто первым принес и положил у подножья памятника букетик полевых цветов, но через несколько часов из букетиков уже выросла целая гора цветов.

Цветы совсем скрыли гранит постамента, но их все несут и несут. Вместе с букетами пионов и тюльпанов, со скромными веточками ландыш и фиалок у подножья памятника люди кладут записки. Это замечательные документы, живое и неопровержимое свидетельство любви к поэту.

«Ты наша молодость, ты наша слава, гордимся тобой, наш любимый Пушкин!» — и подпись: «Студентки».

Цветов так много, что старый пенсионер А. О. Космовский принялся укладывать букеты ровными рядами, собирать и читать вслух записки. Ему помогают вездесущие ребятишки. Сегодня они торжественно чинны: ведь это их родного Пушкина, чьи стихи еще вчера они читали на экзамене, пришла чествовать вся Москва, вся страна!

— «Назовет меня всяк сущий в ней язык»! — тихонько говорит соседу седоусый старик, глядя на группу грузин, которые принесли огромный букет цветов. Московская школьница Мая Дубман положила скромный букет и свое стихотворение — безхитростное и не очень умелое, — но в нем мысли всех, кто стоит сейчас у памятника. И потому такие добрые и радостные улыбки на лицах людей, слушающих, как читают эти стихи:

Твой памятник, уложенный цветами,
Толпою окружили москвичи.
И каждый положил хотя немного,
Зато уж ото всей своей души!

Тебя приветствуют все искренне и просто,
Но кажется, что если б ты воскрес,
От Пушкинской и до Кремлевских башен
Тебя бы на руках народ пронес!

Тебе уже тут многие писали,
Не стоит повторять слова других.
Прощайте, Александр Сергеич Пушкин,
До встречи на страницах ваших книг!

Москвичи стоят у памятника, вновь и вновь перечитывают с детства знакомые слова, высеченные на мраморе, и неохотно уходят, чтобы освободить место для других, которые также хотят побыть здесь, излить свою радость, любовь, признательность и великую благодарность поэту.

6 июня в Большом театре состоялось торжественное заседание. В театр собрались представители общественности Москвы, стахановцы фабрик и заводов, деятели науки и искусства, офицеры и генералы Советской Армии, делегаты братских союзных республик, зарубежные гости, приехавшие специально на пушкинские торжества.

Среди участников заседания президент Академии наук СССР С. И. Вавилов, писатели А. А. Фадеев, Л. М. Леонов, Н. С. Тихонов, К. М. Симонов, А. А. Сурков, В. В. Вишневский, Б. Л. Горбатов, А. В. Софронов, В. М. Кожевников, президент Академии художеств СССР А. М. Герасимов, генеральный секретарь Союза советских композиторов Т. Н. Хренников, представители союзных республик, чилийский поэт Пабло Неруда, негритянский певец Поль Робсон, гости из Польши, Чехословакии, Венгрии, из Финляндии, Италии и Норвегии, из Голландии и Китая.

Краткой речью председатель Всесоюзного юбилейного пушкинского комитета А. А. Фадеев открывает юбилейное заседание. С огромным воодушевлением собравшиеся избирают в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем И. В. Сталиным.

Доклад о 150-летии со дня рождения А. С. Пушкина сделал писатель К. Симонов.

— Мы празднуем сегодня 150-летие со дня рождения величайшего русского поэта, великого писателя, критика и деятеля русской литературы Александра Сергеевича Пушкина, — говорит тов. Симонов. — Мы не просто отмечаем этот день, мы именно празднуем его, потому что великая деятельность Пушкина и его гениальные произведения — это праздник русской литературы и русской культуры.

Творчество Пушкина — величайший образец поэтического совершенства и вместе с тем простоты, величайший образец для всех художников, желающих служить народу.

Тов. Симонов заканчивает свой доклад здравицей в честь Пушкина, в честь друзей его светлого гения во всех уголках земного шара, в честь великой сталинской эпохи, впервые в истории человечества сделавшей литературу достоянием всего народа, сделавшей достоянием всего народа гениальные творения великого Пушкина.

На заседании в Большом театре выступили представитель украинского народа академик А. Палладин, белорусский поэт Максим Танк, польский писатель Л. Кручковский, грузинский писатель Б. Жгенти, датский писатель Мартин Андерсен Нексе, китайский писатель Эми Сяо, литовский поэт А. Венцлова и другие.

Вся Советская страна, а вместе с ней страны народной демократии, все передовое, прогрессивное человечество праздновали 150-летие со дня рождения А. С. Пушкина.

Фото М. Мельника (ТАСС)

ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА В КАМЕНКЕ

Село Каменка, Каменского района, Кировоградской области, тесно связано с именем А. С. Пушкина. Поэт находился здесь в ссылке с ноября 1820 года по март 1821 года.

В Каменке сохранился домик, в котором любил работать поэт. Здесь называют его «Зеленым домиком».

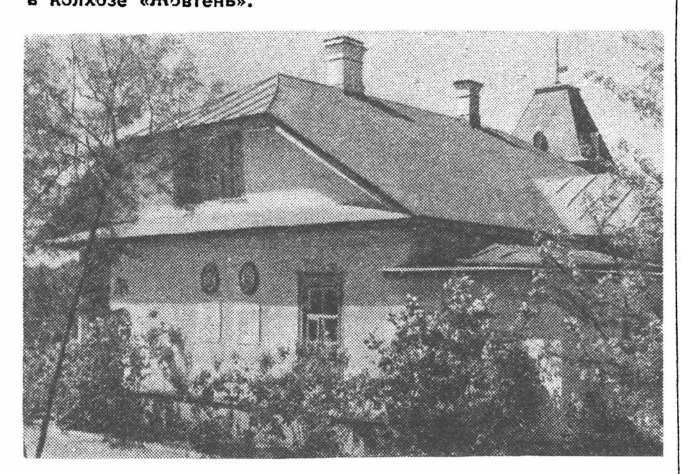
Сейчас в нем помещается Государственный литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина — П. И. Чайковского.

В Каменке состоялись большие торжества, посвященные 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Из Киева на торжества приехали члены республиканского юбилейного комитета, деятели науки, литературы и искусства.

Днем в каменском колхозе «Жовтень» с большим успехом прошел концерт, на котором присутствовало свыше пяти тысяч колхозников. Государственный симфонический оркестр Украинской ССР под управлением народного артиста УССР Натана Рахлина исполнил произведения русской классической музыки на сюжеты Пушкина.

Вечером в районном Доме культуры состоялось торжественное собрание трудящихся Каменского района, посвященное пушкинскому юбилею.

На снимке вверху: выступление поэта Максима Рыльского в колхозе «Жовтень».

«Зеленый домик», в котором помещается литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина — П. И. Чайковского.
Фото Г. Верушкина (ТАСС)

ПОБЕДА СОВЕТСКИХ СКРИПАЧЕЙ

Еще во время первого варшавского конкурса 1927 года, на котором юный советский пианист Лев Оборин завоевал первую премию и звание лауреата Международного конкурса, молодая советская музыкально-исполнительская культура показала свое превосходство над зарубежной.

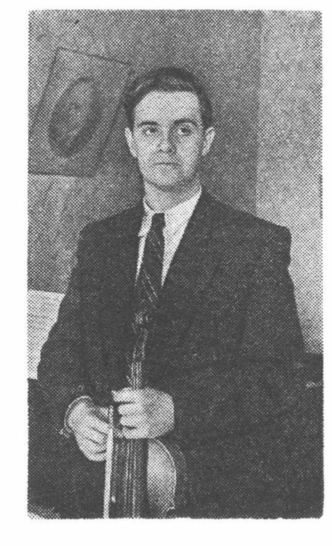
С тех пор советские пианисты и скрипачи неизменно выходили победителями во всех международных конкурсах, на которых они состязались с западноевропейскими и американскими исполнителями. Достаточно вспомнить второй и третий варшавские конкурсы имени Шопена 1932 и 1937 годов, варшавский конкурс скрипачей имени Венявского, брюссельский конкурс скрипачей имени Изаи, конкурс пианистов в Вене и, наконец, Международный фестиваль демократической молодежи в Праге в 1947 году, чтобы ощутить большую и законную гордость за успехи нашего родного искусства.

Закончившийся недавно международный конкурс скрипачей имени Яна Кубелика в Праге — новая блестящая демонстрация бесспорных преимуществ советской скрипичной школы над деградирующей скрипичной школой капиталистических стран.

На пражском конкурсе участвовало более 30 скрипачей из разных стран Европы и из Америки. Четыре молодых советских скрипача с первого же тура оказались впереди и, пройдя блестяще второй и третий туры, завоевали каждый по премии.

Девятнадцатилетний Игорь Безродный, всего лишь год назад окончивший Центральную музыкальную школу, ученик профессора А. И. Ямпольского ныне студент Московской ордена Ленина государственной консерватории, завоевал первую премию и звание лауреата Международного конкурса. Безродный, выдержавший серьезнейшее соревнование с большим числом зарубежных скрипачей, еще раз доказал неизменное превосходство нашей советской системы воспитания молодых исполнителей.

Вторая премия досталась самому юному из советских участников конкурса — Виктору Пикайзену. Ему не так давно исполнилось 16 лет. Руководство крупнейшего педагога и мастера профессора Д. Ф. Ойстраха сказывается в приемах и деталях игры даровитого ученика. В. Пикайзен — несомненно, скрипач с большим будущим.

Игорь Безродный.

Виктор Пикайзен.

Михаил Вайман.

Марина Яшвили.
Фото В. Федосова

Михаил Вайман, студент Ленинградской государственной консерватории (класс профессора Ю. И. Эйдлина), разделивший с Мариной Яшвили четвертую и пятую премии,— вполне сформировавшийся музыкант. Он и несколько старше своих товарищей: ему 23 года. Его блестящее развитие за последние годы убеждает в том, что перед нами скрипач, в совершенстве владеющий инструментом, серьезный, вдумчивый музыкант с разнообразной стилистической палитрой, интересно и содержательно исполняющий Чайковского, Баха, Моцарта и Паганини.

Марина Яшвили, ученица профессора К. Г. Мостраса, немногим старше В. Пикайзена. Это выдающаяся скрипачка, владеющая богатым, сочным звуком, солидной техникой и привлекающая непосредственностью исполнения.

Крупная победа четырех представителей советской скрипичной школы ярко демонстрирует большие достижения нашей родной музыкальной культуры.

В. ШИРИНСКИЙ,
лауреат Сталинской премии, заслуженный деятель искусств РСФСР

Юбилейные издания

Издательство Академии наук СССР закончило выпуск полного академического собрания сочинений А. С. Пушкина и писем поэта в 16 томах (20 книг). Издано также массовое десятитомное собрание произведений А. С. Пушкина. Все книги уже вышли из печати.

* * *

Государственное издательство художественной литературы выпустило 200-тысячным тиражом однотомник, включающий все основные произведения А. С. Пушкина. Полумиллионным тиражом издан также однотомник, в который вошли хорошо известные широкому читателю произведения поэта. Особый интерес представляет третий однотомник — книга обычного формата, — в котором собраны все произведения А. С. Пушкина (кроме писем). Это достигнуто благодаря тому, что сборник напечатан на специальной тонкой бумаге.

* * *

Сборник статей «А. С. Пушкин и азербайджанская литература» выпустило в свет издательство Академии наук Азербайджанской ССР. Статьи вскрывают глубокие связи азербайджанской культуры, ее передовых представителей с творчеством А. С. Пушкина, с великой русской культурой. Опубликован также ряд переводов и стихотворений азербайджанских поэтов и ашугов, посвященных А. С. Пушкину.

* * *

Биографию великого русского поэта выпустило массовым тиражом государственное издательство Узбекистана. Издается четырехтомник сочинений А. С. Пушкина, содержащий лирику, сказки, драматические произведения, поэмы, переведенные на узбекский язык.

* * *

Юбилейные сборники выпустило Государственное издательство Армении. Отдельной книгой вышел на армянском языке сборник стихов А. С. Пушкина в переводе Ованеса Туманяна.

* * *

Однотомник избранных произведений А. С. Пушкина выпускает Молдавское государственное издательство.

ПРОБЕГ АВТОМОБИЛЕЙ «МОСКВИЧ»

Когда стрелки часов показывали двенадцать и нетерпение ожидающих достигло предела, на Советскую площадь в Москве въехала колонна стремительных «москвичей». Описав круг, автомобили выстроились в ряд.

Командор пробега Д. Великанов рапортует о завершении пробега. Друзья и родные обнимают загоревших, обветренных водителей, расспрашивают о здоровье, впечатлениях.

...24 апреля в столице был дан старт пробегу малолитражных автомобилей «москвич». В нем участвовали три серийные машины: модернизированный автомобиль с мотором повышенной мощности, одна машина с кузовом-фургоном и, наконец, универсальный «москвич», который легко может быть переоборудован в полугрузовик. Во время пробега были тщательно проверены прочность, устойчивость, проходимость, экономичность автомобиля.

В беседе с корреспондентом «Огонька» участник пробега, заместитель главного конструктора Московского завода малолитражных автомобилей А. Ф. Андронов, рассказал:

— Трасса пробега оказалась значительно более тяжелой, чем мы предполагали. Первоначально был намечен маршрут Москва — Орел — Харьков — Сталино — Дзауджикау — Тбилиси, затем побережье Черного моря, Симферополь и оттуда через Харьков обратно в Москву. Однако из-за снежных обвалов на Военно-Грузинской дороге маршрут пришлось изменить: из Дзауджикау мы направились на Тбилиси через Грозный, Махач-Калу, Дербент и Баку.

Объезд по побережью Каспийского моря намного удлинил путь. Всего мы прошли 6850 километров. Колонне приходилось передвигаться не только по шоссе, но и по грунтовым и горным дорогам, пересекать бурные горные речки.

Несмотря на все это, машины финишировали в Москве в полной технической исправности. Нам удалось доказать, что «москвич» способен без особого труда брать и крутые подъемы. Первого мая в Кисловодске колонна забралась на «Красное солнышко» — вершину высокой и очень крутой горы. Ахсунский и Сурамский перевалы «москвичи» преодолели без всякого напряжения. На отдельных участках колонна развивала большую скорость. Например, 570 километров от Баку до Тбилиси автомобили легко прошли за один день.

Мы никогда не забудем радушного приёма, который повсюду оказывало нам население.

В. ВАСИЛЬЕВ

1799 — А. С. ПУШКИН — 1949

Вакхическая песня

Что смолкнул веселия глас!
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

1825 г.

Арион

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн,—
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

1827 г.

К Чаадаеву

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818 г.

Послание А. С. Пушкина декабристам

В Сибирь

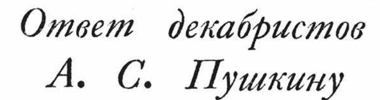
Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье,
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827 г.

Ответ декабристов А. С. Пушкину

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,—
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей,—
И радостно вздохнут народы.

1827 г.

* * *

Exegi monumentum *

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспоривай глупца.

1836 г.

* [Я воздвиг памятник].

* * *

Восстань, о Греция, восстань *.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп, и Пинд, и Фермопилы.

Под сенью ветхой их вершин
Свобода юная возникла
На гробах Перикла
На мраморных Афин.

Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

1829 г.

* Незаконченное стихотворение написано по поводу Адрианопольского мира.

Из стихотворения, посвященному Адаму Мицкевичу

Он между нами жил,
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами,
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили . . . . . .
. . . .

1834 г.

Клеветникам России

О чем шумите вы, народные витии!
Зачем анафемой грозите вы России!
Что возмутило вас! волнения Литвы!
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс!
Славянские ль ручьи сольются в русском море!
Оно ль иссякнет! вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж! ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы!
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир!..

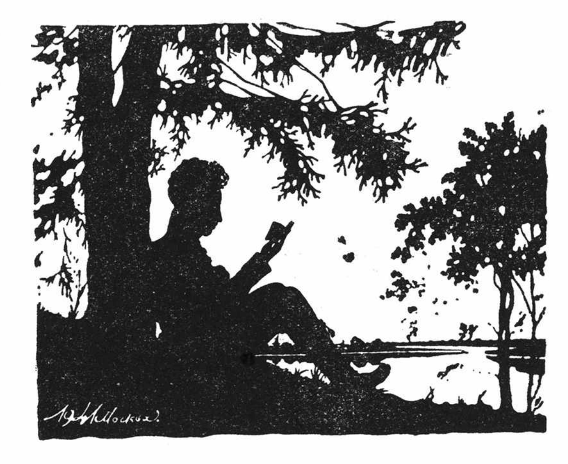
Вы грозны на словах—попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык!
Иль русского царя уже бессильно слово!
Иль нам с Европой спорить ново!
Иль русский от побед отвык!
Иль мало нас! или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля!..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

1831 г.

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился,
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,—
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи

В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечем,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал.
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

1826 г.

Вольность

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица!
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы:
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,

Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где неподкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа,—
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

1817 г.

Рисунки Н. В. Ильина

Книги Пушкина в Китае

ГЭ БАО-ЦЮАНЬ

Прогрессивный китайский писатель-публицист, член делегации Китая на Всемирном конгрессе сторонников мира, Гэ Бао-цюань многие годы занимается популяризацией Пушкина. В Китае широко известны его переводы и статьи о жизни и творчестве великого русского поэта. К 110-й годовщине со дня смерти поэта под редакцией Гэ Бао-цюаня в Шанхае вышел сборник произведений Пушкина на китайском языке.

Публикуемая ниже статья написана Гэ Бао-цюанем в дни его кратковременного пребывания в Москве на пути из Праги на родину.

В одном из тихих районов Шанхая стоит памятник Пушкину. Он был воздвигнут еще в 1937 году, когда общественность Шанхая отмечала столетие со дня смерти поэта. В годы оккупации японцы разбили памятник. В 1947 году памятник был восстановлен. В сквер, где он теперь снова стоит, часто приходят люди, чтобы поклониться Пушкину. У подножья памятника играют дети...

Обложка пушкинского сборника (Шанхай 1947 г.).

На китайский язык переведены многие произведения Пушкина. «Евгений Онегин» имеет два перевода, «Капитанская дочка» — три, «Дубровский» — четыре, «Пиковая дама» — четыре.

Первые переводы сочинений Пушкина появились в Китае в конце 1903 года. Тогда была издана у нас «Капитанская дочка». Сейчас это издание — библиографическая редкость.

В 1907 году наш великий писатель Лу Синь написал большую статью о жизни и творчестве Пушкина. Это была первая серьезная попытка познакомить Китай с Пушкиным.

В 1920 году в Бэйпине вышел сборник рассказов русских писателей. В этом сборнике напечатаны «Станционный смотритель» и «Метель». Через год последовало второе издание «Капитанской дочки». Затем в Шанхае большим тиражом были изданы «Повести Белкина».

Произведения Пушкина стали еще более популярными в Китае после того, как Лу Синь создал журнал «И-Вэнь» («Переводная литература»). Здесь часто печатались стихи и проза великого русского поэта.

К столетию со дня гибели Пушкина в Шанхае вышел сборник его произведений на китайском языке. Это издание было раскуплено в течение дня. Вскоре шанхайское отделение китайско-советского общества выпустило большой пушкинский сборник. В нем напечатана биография Пушкина, написанная В. Вересаевым, статья А. М. Горького о Пушкине, «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Дубровский» и другие. Сборник хорошо иллюстрирован рисунками русских художников.

Шанхайское издательство Гуань-Мин напечатало избранные произведения Пушкина в одном томе. Тогда же группа китайских переводчиков приступила к подготовке издания сочинений Пушкина в четырех томах. Война помешала осуществить это чрезвычайно важное дело. Но и в годы войны выходили отдельные произведения Пушкина.

В 1947 году группа китайских литераторов выпустила еще один большой пушкинский сборник. Первая часть его называется «Пушкин в китайских переводах». Здесь напечатаны 40 стихотворений Пушкина, переведенных мною с русского языка. В сборнике помещены статьи русских и китайских писателей о Пушкине, а также библиографические материалы, составившие отдел «Пушкин в Китае».

В прошлом году мне удалось издать биографию Пушкина с иллюстрациями русских художников.

Весь Китай готовится широко отметить 150-летний юбилей Пушкина. И в Шанхае, и в Бейпине, и в других городах издаются сочинения Пушкина и книги о нем.

Каждое новое издание Пушкина в освобожденных районах немедленно раскупается. Редакции прогрессивных китайских газет, журналов, издательств получают от читателей много писем; они просят чаще печатать статьи о Пушкине, больше издавать его произведения.

Быть может, читателям «Огонька» будет интересно узнать об одном собрании китайских литераторов, художников и артистов, посвященном творчеству Пушкина. Оно состоялось в Шанхае в театре Гуань-Хуа. Во время доклада о творчестве Пушкина Го Мо-жо, обращаясь к китайским писателям, бросил лозунг: «Равняться по Пушкину!» Этими словами он призвал китайских писателей работать и служить своему народу так, как служил Пушкин России.

Памятник

ЦЗАН КЭ-ЦЗЯ[1]

Кости царя, что сто лет назад правил
Россией,
Давно уж истлели
В земле, которой он правил;
И память о нем,
Все больше тускнея,
Как ночная звезда
Закатилась на рассвете истории.
А ведь казалось, был он так грозен и
страшен,
Что нанизывал небо и землю на один свой
мизинец
И заставлял их вертеться,
И одной своею ладонью
Мог закрыть от людей высокое небо!

Жизнь поэта, что за век до нас умер,
Теперь развернулась только.
Дух его отливают в металле,
И весь мир для него — пьедесталом.
Так стоять он будет повсюду.
Ты стоишь высоко-высоко, Пушкин,
Человечества чистая совесть;
С каждым днем поднимаясь все выше и выше,
Ты в тех высях, где солнце и месяц,
И как солнце и месяц светел.

Ты стоишь,
И, протягивая к обездоленным руку,
Греешь их своим теплом великим;
Ты стоишь
И, ряды борцов ободряя,
Отдаешь им всю свою силу!
Ты стоишь
Как укор, как вызов —
Свою ненависть, гнев и презренье
Выплевывая в обличья
Коварства, жестокости, пошлости и корысти.

Маленькие дети
Играют в траве у твоих ног,
А ты улыбаешься и хочешь сойти к ним
И смешаться с их шумной толпой.
Люди, проходящие мимо тебя,
Вдруг замедляют шаги.
А ты, о чем задумался ты в своем
молчании!
Не о том ли, чтобы почитать им стихи!

Так величаво-спокойно, так мирно и тихо
Стоишь ты,
Что, кажется, можно услышать биение твоего
сердца,
Дыханье любви и гнева, радости и печали.

А я, маленький, скромный китайский поэт,
Много бед, как и ты, испытал в своей жизни.
Ножницы злой судьбы и тюрьма предо мной
разверзали пасть,
Брань, насмешки и нищета неотступно ходили
за мной.
Я люблю народ и землю моих отцов
Так глубоко и сильно, как любил свою
родину ты,
Но только — так ведь было и у тебя —
Любовь к своей родине в том Китае, где
я живу[2]
Называется преступлением, нарушает его
закон!

И все же сто лет, что прошли,
Внесли измененья свои:
Когда-то в России ее поэт звал при жизни
людей вперед,
Сегодня в Китае поэтов своих ведет за собой
народ.

Перевел с китайского
Л. Эйдлин

[1] Цзан Кэ-цзя — прогрессивный китайский поэт, автор нескольких книг и стихов. Во время войны с японскими захватчиками им были выпущены сборники: «Походные напевы», «Хуайские напевы» «Грязь» и другие.
Стихотворение «Памятник» поэтом посвящено стодесятилетию со дня гибели А. С. Пушкина.
[2] Поэт имеет в виду гоминдановский Китай.

Рассказ

Георгий БАЛДИН

Рисунки

В. Высоцкого

Генерал

Я спешил по шпалам на пригородный поезд. До станции оставалось километров шесть. На мосту меня остановил оклик:

— Ты чего, калина-малина, по путям ходишь?

Я оглянулся. Цепляясь за густую, высокую траву, по крутому откосу быстро вскарабкивался на насыпь узкоплечий, небольшого роста старик. Через несколько секунд он уже всматривался в мое лицо, вытянувшись на носочках. Вдруг морщинки на его щеках вздрогнули от смеха и еще ближе подобрались к уголкам глаз. Назвав мою фамилию, он спросил:

— Верно, калина-малина? А я было подумал, чужой кто. Куда спешишь? На поезд — так зря. Сейчас он проскочит, твой поезд.

Старик был прав. Пока я раздумывал, что предпринять, шум поезда настиг нас. Промелькнули вагоны, и только белое облачко дыма осталось над степью. Мы прошли мостик и, не сговариваясь, уселись на лавочке, под конусообразным навесом, похожим издали на шляпку подосиновика.

— А меня зовут как, не вспомнишь? — спросил старик. — Ну, где же тебе вспомнить — начальство, калина-малина! — Глаза у него были хитрющие, насмешливые.— А ты вот спроси у меня: любого человека у вас в управлении знаю. Слышал такого — Назарова? Вон мои хоромы,— он показал на путевую будку ярколуковичного цвета. Раскидистая ветла протянула свои ветки через крышу будки к насыпи. Боковое оконце полыхало отраженным солнечным огнем.

— И семья тут?

— Старуху в войну схоронил, сын в Москве. Существую один, как перст, — и старик вздохнул.

— Скучно?

— А ты как думаешь?

Я промолчал. Садилось солнце. Мне уже незачем было спешить, да и не хотелось уходить. В порозовевших лугах петляла розовая речка, и розовым казался туман в низинах. Стрижи с пронзительным свистом стригли это розовое росяное покрывало. Кругом расстилалась степь, и, кроме ветлы у будки, не было вокруг ни одного деревца. Но, странное дело, мне показалось, что ветерок доносит запахи хвои, тополя и садовых цветов.

— Хорошо тут у вас, товарищ Назаров! — нарушил я молчание.

— Меня Трофимом Петровичем зовут, — сказал он и добавил: — Понравилось, говоришь? Такой воздух кому не понравится, только ныне — к грозе.

— Не похоже, Трофим Петрович. В небе ни облачка.

— А вот увидишь, калина-малина. Слышь-ка, свисток у паровоза приглушенный какой. Перед грозой завсегда так...

Я с наслаждением вдыхал вечернюю свежесть, недоумевая, откуда же в степи тянет смолой, и тополем, и еще чем-то сладко знакомым, неуловимым.

Из-за дальнего поворота вскоре вынырнуло темное облачко. Ширясь, облако превратилось в тучу, туча поползла по небу и стала задергивать проступившие звезды.

— Ну, досиделись! Пошли в будку, пока не ударило...

До будки было рукой подать, но когда мы подходили к ветле, кругом как-то сразу потемнело и еще ярче засветились желтые и зеленые зрачки светофоров.

— Теперь поспели,— сказал Трофим Петрович.

И, словно дождавшись его позволения, молния бесшумно полоснула по черному небосклону, за ней другая, ударил гром, расколол черную небесную чашу, и из нее хлынул ливень.

Трофим Петрович пригласил меня в будку. Он зажег фонарь, потом «молнию». Комната была небольшая, но светлая: выбеленные стены, белые подоконники, белая скатерть на столе. И всюду цветы: на окнах, на крашеном полу вдоль стен, на этажерке с книгами. Над этажеркой висел репродуктор, а еще выше — фотография генерала с мальчиком на коленях.

— Сын, — гордо сказал Трофим Петрович, проследив мой взгляд,— а это внук. В Москве живут... Однако дождя тебе не переждать. У меня заночуешь.

Он достал из печи еще теплый горшок с гречневой кашей и армейский котелок топленого молока. Мы поужинали, прислушиваясь к стуку тяжелых капель. Потом хозяин вынул из старого дубового комода чистую простыню и наволочку, снял с кровати второй матрац и сказал:

— Устраивайся, а я пойду мостишко гляну: уж больно хлещет.

Он вернулся через час — вымокший до нитки. Переоделся в сухое и, покряхтывая, улегся.

— Не перестает? — спросил я.

— Какой там! Теперь до утра зарядил. А ты что не спишь?

Но и старику не спалось. И, будто давешний разговор не прерывался, он сказал:

— Вот ты при встрече спросил: не скучно ли мне одному? А ты знаешь, калина-малина, мой-то генерал ну прямо закидал письмами: «Приезжай да приезжай». Хватит, говорит, свое отработал, оставь будку другим, а сам приезжай ко мне на местожительство.

— Ну и как же вы?

— А вот никак, калина-малина. Ночью решу — утром передумаю. Утром надумаю — ночью перерешу. Летось в отпуск ездил: и повидался и чувствую, они все рады мне... Сын и с одного конца ко мне и с другого: дескать, оставайся, папаша, живи, чего тебе. А то, говорит, перед людьми вроде даже неудобно: сын в генералах, а старик-отец в будочниках. А по мне, что же тут особенного? На то и советская власть, чтобы у простых людей сыны в генералы выходили.

Однако как сказал он мне про будку-то, так сию минуту обратно захотелось! Никаких угощений, говорю, мне не нужно, никакого покоя не хочу: подавай будку — и кончено. Ну и уехал.

А намедни совсем было решился, уж и заявление дорожному мастеру понес, но, как на грех, один леший навстречу с делами, другому — за советом приспичило, а там вспомнил, что вечером в казарму в кумовья напросился,— так опять и расстроилось мое намерение. Врос я, что ли, в свой участок, как вон та ветла за будкой! А тут еще дело одно после войны затеял, бросать на чужого дядю жалко...

— Но вы же и в самом деле, Трофим Петрович, заслужили себе отдых: это вам всякий скажет.

— Всякий скажет, да не всякий сердцу закажет, калина-малина...

Старик вздохнул, причмокнул губами и заворочался на постели:

— Однако заговорил я тебя, давай-ка спать.

Но мы еще долго не могли заснуть: старик перевертывался с боку на бок, вздыхал. Потом он встал, нашарил в темноте шпингалет и приоткрыл боковое окно. Вместе с шумом дождя и ночной прохладой в комнату ворвались все те же, удивлявшие меня на мосту, запахи хвои, тополевой листвы и садовых цветов, и, уже засыпая, я подумал, что от одного этого воздуха никуда не захочешь уехать.

Во втором часу ночи Трофим Петрович разбудил меня. Он уже согрел чайник. Мы выпили по кружке и отправились: я — на станцию, он — в свой обычный обход, хотя по графику ему полагалось дежурить только с восьми часов.

Тучи растаяли. Блеклые звезды стыли в лужицах дождевой воды. Шумно хлопая крыльями, какие-то большие птицы пролетали над насыпью. Очевидно, и они были застигнуты где-то грозой и теперь возвращались к своим гнездовьям.

Светало медленно. Путеобходчик шагал впереди меня, поочередно направляя луч фонаря то на один рельс, то на другой. Он изредка останавливался и гаечным ключом подвертывал на стыках гайки.

— Вот видишь, сколько тут еще работы, — сказал Трофим Петрович, направив свет фонаря на обочину. — Сам выкладывал, — показал он на ровную полоску из белых камней. — А теперь и сюда руки хочется приложить, — и луч фонаря метнулся в сторону другой обочины, где были сложены кучками камни. — И кюветы еще не очистил. И брусья на мосту ждут замены...

— Но ведь брусья должен менять не обходчик.

— А кто же думать должен? Мост-то ведь мой. А главное, калина-малина, посадку бы до конца довести — тогда и на покой можно.

— Какую посадку? — спросил я.

Старик запрокинул кверху острый подбородок, глубоко втянул холодный воздух и сказал:

— Неужто ты не чуешь ее запах? Пойдем, похвалюсь тебе, на поезд еще успеешь.

Мы сошли с полотна дороги и, шагая по мокрой траве, приблизились к невысоким тоненьким деревцам и кустарникам, которых я вчера не мог заметить: их заслоняла большая кривая насыпь. Они вытянулись в четыре ряда, поблескивая дождевыми каплями.

Трогая жидкие саженцы рукой, старик будто знакомил с ними:

— Это рябина-матушка, я ее вперемежку с черемухой затеял. А там тополь — видишь, как тянется. Не успело солнышко землю согреть, а он уж, шельмец, на полметра побеги выкинул. Вон смородины ряд — ягод будет летом страсть сколько. За ней шиповник: самые лучшие витамины, сказывают, из него добывают. А это, сам знаешь, елки...

Так вот откуда в голой степи такой воздух! И я не утерпел:

— Да у вас тут, Трофим Петрович, сады цветут!

— Цветут, калина-малина! Вон они, бутончики-то, — показал он еще раз на кусты шиповника, сплошь усыпанные розовыми точечками. — После такого ливня не так еще зацветет все.

— И когда вы успели столько добра насадить?

— Эх, калина-малина! Да разве столько бы можно успеть? Поздно спохватился. В позапрошлом году сижу под ветлой, а день жаркий, духотища, только и тени, что от этой ветлы. Ее еще отец посадил. Одно дерево, а от человека память.

Вот и подумалось: прожил я сорок лет после смерти отца, а какая обо мне останется память? В Москву, на иждивенье, на покой захотелось!.. А отец, видишь, одно-единственное дерево посадил, и то людям прохлада. Люди уже и будку мою называют не по километру, а по этой самой назаровской ветле.

И скажи, прямо от этой мысли извелся я. До новой весны отложил уход. А уж и разрешение на увольнение дорожный мастер подписал. Весной и сделал небольшую рассадочку. Шиповника у нас в низинах тьма, да и смородины по-над рекой заросли. С того и начал. В оврагах еще снег, река не вскрылась, а я уж пыхчу, вожу свои сады будущие. Раз сорок, не соврать, с тележкой съездил, зато видишь — пошло дело!

Как зацвело все, ну, думаю, осенью и на покой. А тут на дистанции такое с этих кустикса началось, куда там! Начальник дороги мне телеграмму, начальник дистанции ко мне: опыт распространять. Я говорю: вот вам тележка, а вот лопата, вот они, мозоли на ладошках, работать, действовать нужно. А он мне говорит: «Что ежели осенью мы тысчонки три корешков подкинем, сумеешь посадить?» «А хоть пять тысяч», — говорю. И, поверишь, сам увлекся, всех обходчиков поднял, казарму всю взбаламутил — такое затеялось! Вот за делом-то с весны на осень, с осени на весну и откладываю увольнительную. Главное дело, сам вроде в коноводы попал и прозвище заработал: «генерал да генерал». Сперва обижался, а потом махнул рукой — и пускай, говорю, генерал, но я остыть не дам с этим делом. Ведь тут и полотно укрепляется, и заносам снежным конец, и размывает меньше, и пассажирам есть на чем глаз остановить...

Вот тебе и вся история: врос я в свой участок, как вон та ветла! Одним словом, генерал и есть. А только в прозвище этом, калина-малина, большой смысл: в нашей жизни каждый на своем месте генералом должен быть, не меньше...

Мы вернулись на железнодорожное полотно, с километр прошли вместе. Я пожал руку старику, поблагодарил за ночлег и зашагал к станции.

Было уже совсем светло, когда из окна вагона я увидел знакомую ветлу над будкой. Перед мостом машинист дал свисток, мост окутало белым паром, а когда пар растаял, я увидел Трофима Петровича. Вытянув руку со свернутым желтым флажком, «генерал» застыл на бровке и так стоял, пока не проскочил мимо последний вагон.

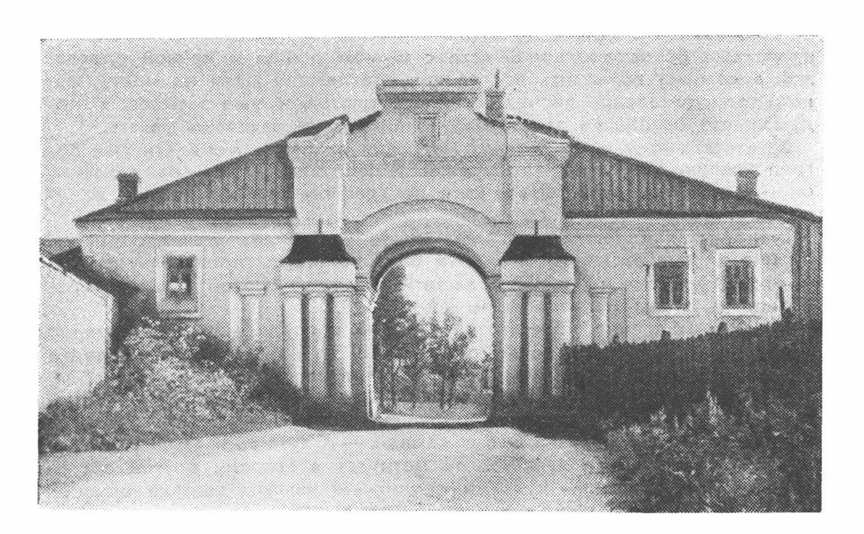
За его спиной прямо из земли выползало огромное оранжевое солнце.

БИБЛИОТЕКА ГОНЧАРОВЫХ

В 1937 году во «Временнике Пушкинской комиссии» (том III) Б. В. Шапошниковым была опубликована копия «Регистра книгам у г. А. С. Пушкина», написанная неизвестным почерком на бумаге второй половины XIX века. У верхнего левого края первой страницы списка, по сообщению автора публикации, рукою пушкиниста Л. И. Поливанова (1838—1899) сделана надпись: «С Полотняного завода». Возможно, что Л. И. Поливанов имел доступ к архиву Полотняного завода, видел «Регистр» или поручил сделать с него копию.

Недавно, во время поездки по пушкинским местам, организованной Государственным Литературным музеем в связи со 150-летием со дня рождения Пушкина, обнаружен подлинник «Регистра». Он действительно написан в имении Гончаровых — Полотняном заводе — во время пребывания там А. С. Пушкина.

Незадолго до юбилея 1899 года на Полотняном заводе умер тот библиотекарь, который выдавал А. С. Пушкину книги из домашней библиотеки Гончаровых (сообщение Д. Д. Гончарова в 1899 году). Очевидно, «Регистр» и написан им. На бумаге водяной знак «МФАГ 1833». Это марка Полотнянозаводской бумажной фабрики. На четырех страницах чернилами записано за А. С. Пушкиным всего 82 книги. Они разделены в списке на три группы: русские, иностранные и письменные. Некоторые указанные в «Регистре» книги сохранились в библиотеке Пушкина (Пушкинский Дом Академии наук СССР) и среди книг бывшей домашней библиотеки Гончаровых, вывезенной в Калугу. В числе книг, внесенных в «Регистр», встречаются сочинения исторические, географические, учебники печатные и «письменные», беллетристика и сочинения самого Пушкина.

Полотняный завод. Въездные ворота.

Первыми в «Регистре» значатся: «Описание китайской империи», часть 1-я, «Описание китайской империи», часть 2-я.

Из исторических сочинений на первой же странице записано:

«Журналов Петра великого	**2 части**
Летописец Царя Ивана Васильевича	**1**
Записки Царя Михайла Федоровича	**1**
Краткая рассийская история	**1**
Наказ комиссии	**1**
Памятник событий	**7 частей**

В дальнейшем упоминаются: «Поход боярина Алексея Семеновича Шеина»,

«История походов графа Суворова Рымникского» в 2-х частях (на французском языке).

Исторические сочинения, перечисленные в «Регистре», показывают, что и во время пребывания осенью 1834 года в Полотняном заводе Пушкин занимался историей. Еще в октябре 1833 года Н. М. Языков писал: «...Заметно, что он вторгается в область истории... собирается... писать историю Петра, Екатерины 1-й и далее вплоть до Павла Первого...»

Село Полотняный завод в 1941 году было сожжено немецко-фашистскими захватчиками. Теперь оно вновь отстроено. От пожара уцелели белокаменные постройки, манеж, «Спасские ворота» (въезд в усадьбу), ворота в парк и другие. От трехэтажного дома, в котором перед войной помещалась Полотнянозаводская средняя школа, остался лишь остов. В этом доме жил Пушкин. Угловую комнату второго этажа жители села называют «пушкинской залой».

Знаменитый гончаровский парк был вырублен фашистами. На любимой аллее Пушкина сохранилось лишь несколько полузасохших лип, но жители села упрямо называют ее «пушкинской аллеей». Любимое место полотнянозаводцев — обрыв в лесу над рекой Суходрев. Здесь во времена Пушкина стояла деревянная беседка. По преданию, на стенах ее сохранялось много стихов, написанных рукою поэта. Беседка давным-давно исчезла, но обрыв в лесу и поныне называется «пушкинской беседкой».

Галина КОГАН

НА ЭЛЕКТРОПАХОТЕ

К. БУКОВСКИЙ

Электропахота в селе Кузьминском Машину ведет первая в стране женщина электротрактористка, рязанская колхозница Мария Ананьина.

В борозде среди наполовину вспаханного, наполовину еще покрытого прошлогодней стерней парового поля стояла непривычного вида машина. Ход у нее был гусеничный, как у трактора или танка. Верх с железным капотом и открытой кабиной напоминал скорее грузовик большого тоннажа. Но еще выше, над кабиной, помещалась длинная стрела, которая придавала ему вид городского троллейбуса.

Вокруг машины ходил высокий худощавый человек, по виду тракторист или водитель танка. Он был одет в добротный комбинезон и в руках держал маленькую покрытую лаком шкатулку. Время от времени он открывал шкатулку и, подключаясь к контактам, проверял со всех сторон машину.

Тут же стоял, взирая на происходящее, низенький тракторист с обыкновенного «НАТИ». Всем своим видом, усмешкой на лице и ядовитой иронией во взгляде он выражал самое критическое отношение к новой технике. В стороне сидели и молча наблюдали парень в замасленной солдатской гимнастерке и две деревенские девушки.

Во время этой безмолвной сцены к краю загонки подъехала запыленная легковая машина. Из нее вышло трое людей в летних костюмах и шляпах.

— Ну как дела, Костя? — обратился один из них к высокому трактористу в комбинезоне.— Пашешь?

Тракторист дружелюбно пожал ему руку, но на вопрос не ответил. За него отозвался другой, низенький:

— Загорает, не пашет,— сказал он как можно более презрительно и тут же с опаской подвинулся в сторону. Потом, сохраняя достоинство, с тем же критическим видом, отправился к своему стрекочущему неподалеку «НАТИ». Высокий тракторист, усмехаясь, проводил его глазами. Приехавшие огляделись вокруг.

Удивительную картину представляло в то утро колхозное поле. На нем, если можно так выразиться, встретились и разошлись по соседним загонкам разные времена и годы. По самой крайней к селу полосе таскала плуг немудрящая лошаденка, за ней поспевала с плетеным лукошком женщина и сажала картошку. На другом поле старый колхозник поднимал пары упряжкой быков — пейзаж, рожденный в рязанской деревне в военное время. Между этими полями «НАТИ» ворочал плугами влажную зябь под поздние посевы проса. А чуть-чуть в стороне водила вторую необычную машину со стрелой молодая колхозница и первая в стране женщина-электротрактористка.

Никто не придумывал нарочно такого смешения прошлого деревни с ее настоящим и будущим. Просто Василий Степанович Говорушкин, председатель Кузьминского колхоза, на полях которого происходила пахота, желая как можно скорее закончить весенние работы, вывел в поле все свои машинные и тягловые силы. Он хотел, чтобы и быки не стояли без дела в такую горячую пору.

Но ему и не думалось, должно быть, какие ревнивые чувства пробудил он в людях, труд которых представлял сейчас различные ступени колхозного прогресса. Женщина, идущая за конным плугом, завидовала старику с его медлительными, но сильными в борозде волами. Старик завидовал низкорослому трактористу Васятке Зотову. Васятка — высокому Косте, или, лучше сказать, бригадиру электротракторной бригады Константину Павловичу Харитонову. А этот последний завидовал своей жене, Марусе Ананьиной, у которой трактор плыл по полю, будто корабль по тихому морю, плавно, без качки и досадных остановок.

Видно было издалека, как за «кормой» трактора ложится пятью широкими волнами земля, пластуемая стальными лемехами. Впереди этих широких волн струились более мелкие — от предплужников. Моторы трактора гудели тихо и ровно, со спокойной уверенностью в своей силе. Борозды получались глубокие и прямые, как отрезанные по линейке. Все, кто были на поле, завидовали трактористке, всем хотелось, чтобы и у них получалась пахота такой же красивой и спорой.

Даже те, кто прибыл на пыльной машине из столицы — Москвы, — любовались марусиной пахотой. Двое из них пошли к ней на загонку, а третий остался с Харитоновым. Этот третий был доктор технических наук Петр Николаевич Листов, чья творческая мысль участвовала в создании машины, одну из которых водила сейчас на пахоте молодая рязанская колхозница, а другую «ослушивал» в борозде ее муж — бригадир.

* * *

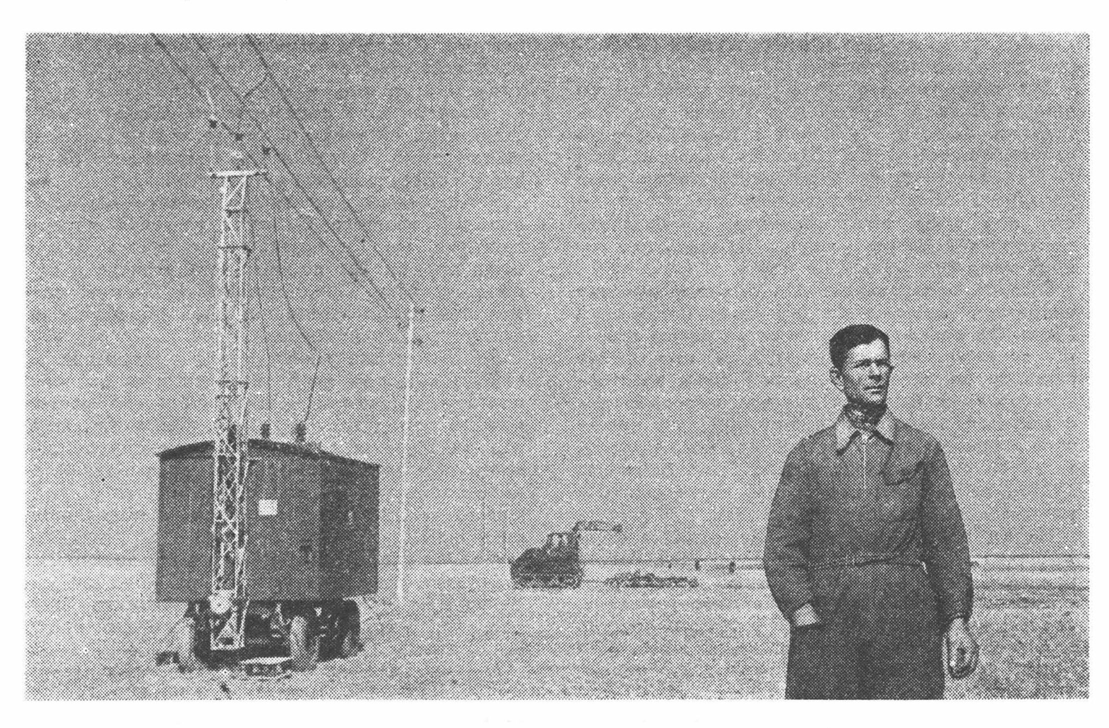
...Это было в 1920 году, в пору, когда нашу молодую республику душили голод и разруха. Городские рабочие заводили тогда свои фабричные огороды и сажали на них картошку.

Но огороды тоже нуждались в обработке, а обрабатывать их было нечем. Рабочие 1-й Ленинградской электростанции нашли способ поднять огород — применить электропахоту. Своими средствами они изготовили лебедку с многолемешным плугом на канате. Повидимому, самая идея эта досталась им в наследство от старой России, которая, успев в 1903 году, на втором съезде электротехников, рассмотреть проект электропахоты, до дела этот проект все-таки не довела. До дела взялись довести его после революции сами рабочие.

Лебедочный агрегат был пущен на опытном поле «Средняя Рогатка». Он поднял какое-то количество пашни, и об этом прослышало вскоре советское правительство.

На окраине Москвы есть место, называемое Бутырским хутором. Там и произошли летом 1922 года испытания, в которых принял участие сам Владимир Ильич Ленин, желавший видеть, как пашет землю извлеченный из лома истории плуг будущего.

Годом раньше Балтийскому и Металлическому заводам в Петрограде был дан правительственный заказ: сконструировать и сделать электролебедки. Владимир Ильич послал теле-

Высоковольтная линия, трансформаторная подстанция и электротрактор в работе. На переднем плане бригадир электротракторной бригады Константин Павлович Харитонов.

Фото А. Коханова

грамму питерцам, в которой обращал их внимание на «важность изготовления двадцати электроплугов для осенней вспашки».

Самарский инженер-электрик Александр Андрианович Краснов ездил в Петроград принимать для своего заводского совхоза изготовленные питерцами агрегаты. Он ехал в холодной товарной теплушке, тесно набитой голодными людьми. На заводе нашел он пустые корпуса, среди которых теплился жизнью один только цех, изготовлявший электролебедки.

Из Петрограда Александр Андрианович вернулся к себе за Волгу, на Тимашевский сахарный завод. Вернулся он без лебедок, потому что зимой в бураны не смог доставить их даже к городскому вокзалу. И тут же, по возвращении, свалился он в тифозном бреду. А когда выздоровел, увидел, что рабочие совхоза уже поднимают электроплугами яровое поле.

На это самое поле съезжались потом крестьяне со всей приволжской округи. Дивились: плуг восьмикорпусный, движется на канате, захватывает целую сажень и глубину пахоты соблюдает невиданную. Рассуждали: «Вот бы нам такую диковину». Спрашивали у инженера: «Нельзя ли этот плуг к нам, в Ивановку, подослать? У нас ведь тоже свет горит». И когда инженер доказывал, что такому плугу нечего делать на узких крестьянских полосках, крепко задумывались.

Все 20 лебедочных агрегатов работали на полях республики. Они вспахали в те трудные годы более 1300 десятин. Так было положено начало опытным работам по электропахоте в СССР.

Прошло 15 лет. Идея применения лебедок, канатной тяги и балансирного плуга была отвергнута жизнью. Слишком много требовалось металла, быстро выходил из строя канат и слишком неуравновешенно держались в бороздах отвальные лемеха. Выписанные для пробы немецкие электроплуги «Сименс-Шуккерт» и итальянские «Виалетти-Тескари» повели себя еще хуже, чем наши агрегаты. Было решено поэтому создавать не лебедки, а электрический трактор.

Мысль об электротракторе уже вынашивалась в нескольких странах. Инженер Форсблед, швед, пытался вывести в поле свою трехколесную машину, но без успеха для дела. Его австрийский коллега, инженер Перль, с той же малой долей удачи создавал аккумуляторный трактор. Придумывали что-то такое и американские инженеры, какие-то электрофрезы.

Для нас такие огородные масштабы уже не годились, так же, как не годилась для электродвигателя и шаткая «фордзоновская» или «катерпиллеровская» ходовая основа. Нужна была своя основа, надежная и прочная.

В 30-х годах на колхозные поля вышел советский тепловой гусеничный трактор. Он и послужил ходовой базой для электродвигателя. Знакомый нам инженер Александр Андрианович Краснов уже в стенах нынешнего Всесоюзного института электрификации сельского хозяйства начал разрабатывать самый сложный по идее групповой способ питания электротракторов. Инженер Василий Афанасьевич Пичак, на острове Хортица, работал над электротрактором с вертикальным барабаном и оригинальным приводом. Мысль обоих советских инженеров подвинула дело вперед.

В 1937 году в Крыму на площади в 270 гектаров был испытан первый вышедший в поле электротрактор. В его создании участвовали аспирант института Петр Николаевич Листов и студент-запорожец Виктор Гаврилович Стеценко. Первый готовился тогда к защите докторской диссертации. Для второго электротрактор был темой дипломного проекта. Встретились они годом раньше, и оба решили трудиться над одной и той же задачей.

...Шла Великая Отечественная война. Заводы опять вырабатывали по преимуществу снаряды и мины. Тракторы в Энгельсовской МТС, что за Волгой, уступив горючее танкам, потом сами пошли на фронт служить тягачами орудий. В полевую борозду вернулись на время старые кони и ленивые волы.

И только два колхоза в этой МТС не испытывали затруднений с пахотой — «Коминтерн» и «Пробуждение». Они не нуждались ни в волах, ни в горючем, потому что на полях у них работали электротракторы. И когда кончилась война, колхозники послали в Москву, в ЦК ВКП(б), письмо, в котором благодарили партию большевиков и ее вождя товарища Сталина за то, что поручили они советским конструкторам создать для деревни такую полезную машину.

Вспахали за эти годы электротракторы в обоих колхозах около 8 тысяч гектаров. Это был уже не опыт, не эксперимент, а серьезная колхозная практика, у которой огромные жизненные преимущества.

Испытание во время войны утвердило электротрактор в его праве на будущее. Но самое право это могло быть реализовано лишь при наличии определенных условий. Если тепловой трактор требовал ликвидировать крестьянские межи, то электротрактор нуждался в густой сети линий высокого напряжения. Не случайно поэтому, что идея электропахоты осуществилась только в наше время, при сплошной электрификации многих сельских районов.

В результате коллективного творческого труда советских конструкторов и ученых в прошлом году на поля уральского колхоза «Заря» вышел для пахоты электротрактор последней модели. Осенью он поднимал зябь и сеял озимые, а зимой работал на трелевке леса. Иначе говоря, это была настоящая рабочая машина.

Остальное известно: уральцы по заданию правительства выпустили нынешней весной электротракторы, из которых 10 работают сейчас в колхозах Баженовской МТС, на Урале, 10 — в Корсунь-Шевченковской МТС, на Украине, 10 — в Рыбновской МТС, под Рязанью. Именно сюда, под Рязань, и приехали в то утро профессора Тимирязевской академии вместе с Петром Николаевичем Листовым.

* * *

Профессора ушли на загонку Маруси Ананьиной, а Листов остался со своим приятелем Харитоновым. Они дружат с самой зимы, когда встретились на курсах в Свердловске.

Не успели ученые пройти и ста шагов, как Харитонов запустил моторы. И его корабль поплыл по полям с таким же тихим и розным гудением. В кабинку рядом с бригадиром уселся тракторист Иван Кошелев.

— Слышь-ка, Костя,— спросил он тихо Харитонова,— а что сказал тебе Листов?

— Сказал, что надо умнее с машиной обращаться,— ответил бригадир.

Трактористы пахали «в свал», начиная с середины загонки. Петр Николаевич шел за ними вслед, глядя на поднятые лемехами широкие волны земли, и думал, повидимому, о судьбе этих людей.

Всего несколько дней назад эти рязанские крестьяне завершили сплошную электрификацию своего района. Они начали с того, что объединились двадцать лет назад в артели, а кончили тем, что построили своими силами гидростанцию на Оке и превратили в будничное дело электропахоту.

Вот сюда, на это поле, был привезен со станции Дивово первый для Рязани электротрактор. Было это в канун 1 Мая. Смотреть «электрическое чудо» сбежался народ со всего Кузьминского, из Федякина, Новоселок, из соседнего села Константинова, где стоит до сих пор изба поэта Есенина, пугавшегося прихода в деревню машины. Земляки его теперь жить без машин не могут.

Вводить электротрактор в борозду приехал секретарь райкома партии Иван Васильевич Гусев. Он волновался: успеют ли новые машины вспахать, как им положено, по тысяче гектаров за лето. Для него, Гусева, электротрактор тоже был, как для всего государства, опытом, обращенным в будущее, но кроме того и прежде всего он был для него простой тягловой силой. На нем надо было работать: двоить зябь, поднимать пары, вести сев, бороновать и культивировать почву.

Народ волновался тоже. У механика Акимушкина затягивалось время запуска. Человек он был хладнокровный, все делал обстоятельно. На него кричали, его торопили, а он аккуратно отвинчивал болтики и отдавал подержать их секретарю райкома. Уже вечер настал. Уже пришел к трактору сторож, унылый старик, тянувший свое: «Не пойдет. Его волами придется опахивать...» Но трактор пошел.

В первые дни за ним двигались толпы. Колхозники опасались за Харитонова и его трактористов: не повредило бы их током: «Сила-то какая!»

А нынче все вошло в норму. Тракторы уже пашут по всей длине высоковольтной линии. Пашут в Константинове, в Федякине. Все пять электробригад работают бесперебойно.

Ходят за «чудом» нынче одни лишь прицепщики да московские студенты-хронометражисты. Возле харитоновского трактора — всего две девушки. Ведут свой девичий разговор: про ленты, про кино да про вечерние свиданья.

В середине дня прибыл сюда на тачанке председатель дальнего колхоза Никифоров. Постоял возле борозд, смерил их глубину и сказал, садясь обратно в телегу и обращаясь к Харитонову:

— Столбы осенью поставлю. Не знаешь, где провод взять?

Вслед за Никифоровым подошли пешком из села Говорушкин с директором института. Василий Степанович уговаривал директора схлопотать ему в Москве самоходный комбайн, картофельный комбайн, электрические доилки, поилки, мялки, мойки и вообще всякую новую технику, какую только институт придумает. Жадность Василия Степановича ко всему новому просто поразительна. Ему уже мало электротракторов, дождевальных установок, водопровода в селе: ему надо обязательно иметь электрифицированную молочную ферму. И хорошо бы такой же свинарник. И такой же, со всех сторон облученный электричеством колхозный птичник...

Потом подъехал председатель комиссии по испытанию электротракторов инженер Иван Павлович Погорелый в сопровождении нескольких членов комиссии. Они тоже меряли борозды и щупали землю.

Когда поле покинули все представители науки и техники, Харитонов поднял обе руки вверх и помахал ими в сторону подстанции: «Выключай, Вавилов,— сказал он таким сигналом.— Обедать пора».

Вся бригада сошлась на стану. Маруся предложила мужчинам вымыть руки и налила каждому полную миску мясных щей. Хлеб у помощника бригадира Николая Вавилова стащила собака. Над ним посмеялись, и каждый отломил ему по большому куску. Вавилов не остался в накладе.

За кашей с молоком повелся в бригаде тихий разговор. Шла речь о том, что вместо солонины не худо бы сварить борщ со свежинкой, довольно уж Василию Степановичу прибедняться. Потом все похвалили Марусю, которая за смену вспахала шесть с половиной гектаров. Бригада чуть-чуть любовалась Марусей. Потом пошутили над несуразностью: солидол выдают только в норме с керосином, а зачем же электротрактору керосин? Попрекнули слегка завод за небрежность с контактами. Сделали замечание бригадиру: одеть надо трактористов в чистые спецовки, не подходят они теперь к «чумазой расе». И еще: не пора ли уже соревнование объявить константиновской электробригаде, что-то зазнаются там очень! После обеда направились опять кто к подстанции, кто к трактору.

У Ананьиной кончалась загонка. Пока круглолицый Николка Симонин помечал другую вешками, Маруся прошлась по пахоте. Земля была мягкая, как перина, нога утопала в ней по щиколотку. Предплужники и бороны разрыхлили ее до крупинок. Такой обработки не знали раньше приокские поля.

За пятнадцать минут Николка справился с вешками. Новая, нетронутая загонка длиной в полтора километра и шириной в сто метров лежала перед трактористкой. Дежурный монтер передвинул зеленый фургон подстанции, воткнул в землю железные буравы заземления, подкрутил ручкой «усы» мачты и, прижав их там, наверху, к проводам, подключился к линии.

Маруся взобралась по железной лесенке на площадку трактора, уселась на кожаное сиденье и нажала кнопки пуска моторов. Трактор плавно тронулся с места и поплыл вдоль поля, разматывая по борозде кабель.

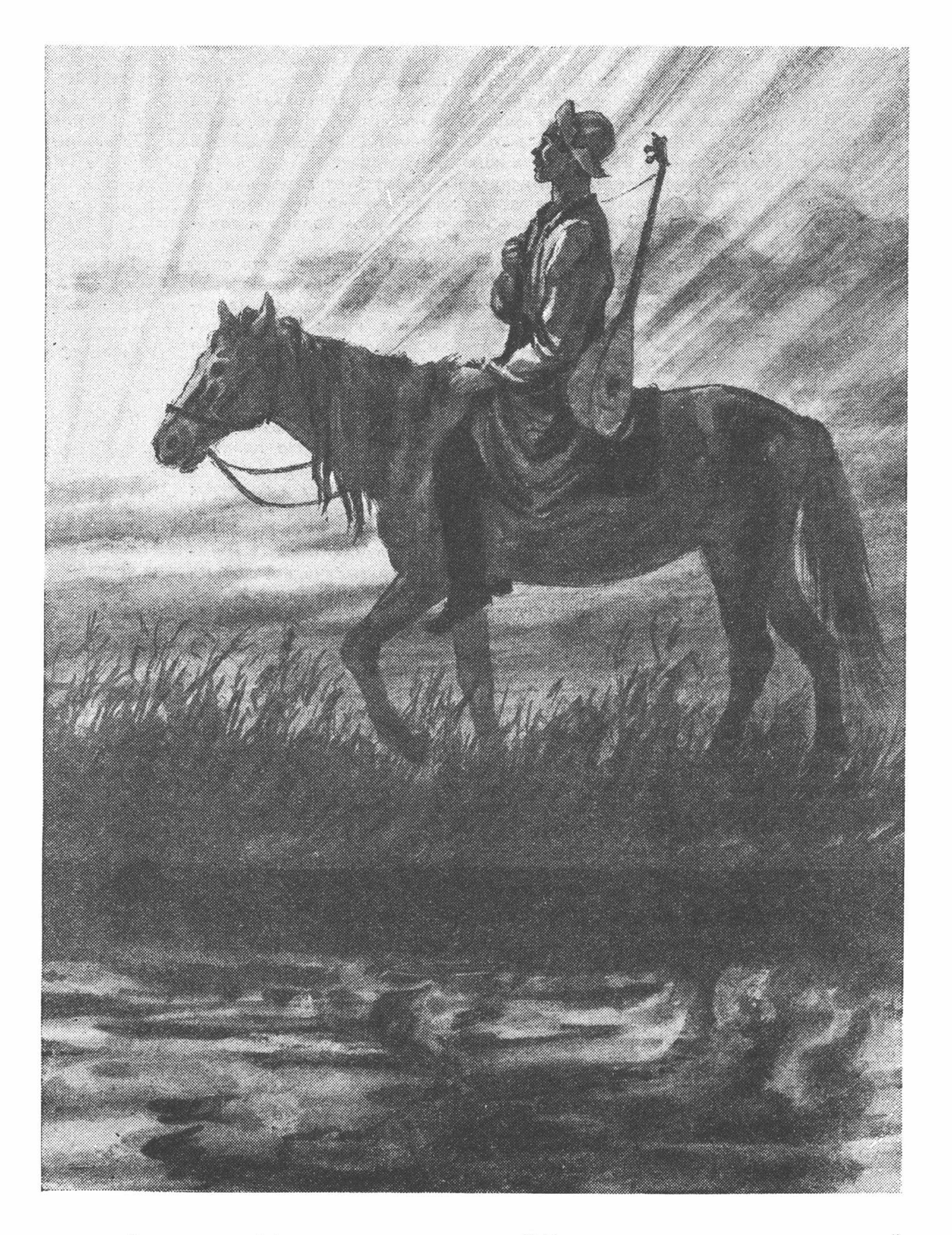
Маруся вела его с таким счастливым, сияющим лицом, будто там впереди, в конце загонки, ей уже виделся коммунизм.

Село Кузьминское,
Рязанской области.

ПРОБА ГОЛОСА

Павел **КУЗНЕЦОВ**

Рисунки П. Баранова

Поэт Павел Кузнецов, близко знавший народного певца Джамбула и переводивший его замечательные стихи и песни на русский язык, пишет сейчас роман, посвященный жизни казахского акына.

Мы печатаем главу из романа «Джамбул, внук Истыбая», в которой рассказывается об одном из первых выступлений молодого Джамбула перед народом.

1

День угасал. Багряный отлив заката мягко ложился на бархатисто-зеленый ковер трав, на пышные султаны седых ковылей, на серебряное зеркало степной реки, отчего казалась она малиновой лентой, потерянной в пору беспечных девичьих забав.

Золотая корона солнечных лучей медленно таяла над кромкой горизонта.

По тропинке, извивавшейся берегом реки, ехал всадник. На молодом, безусом лице его не было ни одной морщинки, а в глубоких, как два колодца, черных глазах уже гнездились скорбь и усталость.

На сыромятном ремне, перекинутом через плечо юноши, покоилась домбра, искусно выточенная руками степных мастеров из куска белого дерева, украшенная, как рыбьей чешуей, светлыми блестками горной слюды.

За темными увалами поднимались к небу светло-сизые дымы предвечерних костров, рассыпая золотые брызги искр. Слышался заливистый лай собачьих ватажек, виднелись очертания разбросанных, как муравьиные кучи, войлочных юрт аула.

Степь отдыхала от дневной удушливой жары. Горько-полынный настой трав ее опьянял своим томным запахом и манил путника на отдых, в ласковый приют человеческого жилья.

Юноша сладко захлебнулся дымом близкого очага.

— Милый мой, — поглаживая рукой облепленную репейником гриву коня, тихо говорил он. — Не думаешь ли ты, что можно без конца ехать с пустым желудком? Не для того ли в ауле разводят костры над казанами, чтобы хозяин твой мог оценить вкус бесбармака? [1].

Низко опустив шею и лениво срывая сочные, как налитые медом, шапки желтяка, конь едва перебирал ногами. На сухих боках его резко выдавались широкие ребра, будто тесна была им полуселая кожа.

— Пойдешь ли ты быстрее, мой золотогривый? — путник уже сердито стегнул саврасого концом длинной узды.

Конь присел на задние ноги и, не сделав больше ни одного шага, начал медленно оседать на траву.

— Э-э-э, приятель, не во-время сдали твои жилы! — скатываясь со спины саврасого, горько посетовал юноша. — Видно, не черной кости ездить к белой в гости. Ты совсем ослаб, мой пышногривый! Не ты ли три дня назад был самым лучшим и единственным конем у тех, кто собрал меня в дальнюю дорогу?

С тихим жужжанием подлетел серый слепень и жадно впился в спину коня.

— У-ууу, шайтан, разжирел на чужой крови, как волостной управитель! — процедив сквозь зубы, юноша осторожно снял с головы малахай, медленно занес руку за плечо и с размаху прихлопнул слепня.

— Помоги тебе аллах прожить еще сто дней и убить еще сто слепней! — раздался за спиной насмешливый голос.

Пожилой человек с тяжелой вязанкой саксауна за плечами остановился около тропинки.

— Дай бог и тебе прожить на сто дней больше, чем положено, и перетаскать еще сто вязанок этого чортова дерева! — желчно ответил юноша, но, устыдившись собственных слов, сгоряча брошенных старшему, приветливо добавил: — Здравствуйте, здоров ли ваш скот, верна ли вам жена, сыты ли ваши дети?

— Ой, не смейся, черноглазый! Видно, и я скоро свалюсь, как твой старый конь! — опуская на траву вязанку и утирая широкой ладонью мокрый от пота лоб, добродушно пожаловался встречный. — Нет у меня ни жены, ни детей, ни скота. В юрте моей лежат ягнята хозяина. А сам я вот уж сорок лет не могу заработать себе на калым, и неизвестно, по какому закону, всю жизнь хожу холостой. Не знаешь ты, черноглазый, нашего хозяина Кадырбая! — тяжело вздохнув, заключил саксаулши.

— Кадырбая? — переспросил юноша, вспоминая, где он слыхал это имя. — Не вашего ли Кадырбая прославил в песне учитель мой Суюмбай [2] кличкой «волкозубый тарантул»?

— Тише! Не порвалась ли у тебя жила, которая удерживает язык от лишних хлопот? — пугливо оглядываясь по сторонам, обеспокоился встречный. — Следы твои могут кончиться в этом ауле, если люди Кадырбая услышат такие слова.

Юноша громко расхохотался. Ловко скинув с плеча домбру, он ударил пальцами по струнам. Задорная песня вырвалась из его груди. Он смотрел на багряный отсвет заката такими глазами, будто там не закатывалось, а только что взошло солнце и не ночь начиналась, а вставало утро:

> Джамбулом не спроста в степях зовусь!
> Я иноходцем в новой, смелой песне мчусь!
> Мой клич свободный и приветный «Карасай»,
> Я кости белой в схватке смелой не страшусь!

Удивленно выслушал эту песню человек с вязанкой. Он торопливо добыл из-за голенища табакерку и почтительно протянул ее молодому акыну.

«Так вот он какой, Джамбул! — пытливо примечая глазами каждое движение юноши, думал саксаулши. — Вот чьи дерзкие песни поднялись над степями, как вихрь, понеслись из аула к аулу! — и, глядя на молодого певца черной кости, недоумевал: — Певцы, признанные в степях, не были нищими. Неужели у этого благословенного самим

[1] Угощение из вареной баранины.

[2] Знаменитый казахский поэт XIX века.

Суюмбаем, нет даже коня? Ему ли приличествует кляча, что лежит еле дыша и не имеет сил поднять собственный хвост! А сам Джамбул? О владыки небесные, его дырявая рубаха не закрывает даже спину! А малахай? Сколько старух собирали негодные тряпки, чтобы покрыть на нем заплатами столько дыр? А штаны? Они топорщатся и лоснятся, будто сшитые из тысячи мышиных шкурок».

Если бы не домбра, которой так искусно владеет этот парень, и не голос его, без спроса входящий в душу, ни за что не поверил бы Керимбек, что перед ним стоит Джамбул, о котором только и говорят в аулах.

— Ты поспел во-время, если едешь с желанием испробовать свой голос! — сказал после всех размышлений Керимбек. — Но у нас твой голос или поможет народу жить или отнимет у него последние силы. Наш Кадырбай готовится стать управителем в краю Семи рек. Он собрал по этому случаю знатных гостей и певцов. Прославленные акыны Байузак, Кучук, Бурамбай успели загнать свои голоса до хрипа, воспевая богатство и силу Кадырбая, красоту его восьми жен, доброту его души и справедливость его советов. Из всех аулов съехались старшины и привезли своих хабарчи [1], чтобы разносили они по степям добрые вести о Кадырбае. Бий Артык показал акынам свою палку и посоветовал, как надо петь, чтобы Кадырбай был доволен.

Джамбул оживился. Он придвинулся ближе к Керимбеку и спросил:

— Чем же славен ваш Кадырбай? Неужели он так силен, что, увидев его, акын может потерять свой голос?

— О-о-о милый мой! — опираясь рукой на вязанку, ответил Керимбек. — Кадырбай силен тем, что за спиной его три тысячи коней, пять тысяч овец, три тысячи белых кошем, пятьсот верблюдов и пять тысяч верст земли. И он один хозяин всему!

— А какой же приз назначен победителю айтыса [2]? — полюбопытствовал юноша.

— Если этот приз, друг мой, достанется тебе, ты можешь забыть о своей полудохлой кляче. Двух иноходцев, полсотни баранов, парчевый халат и кирпич чая обещает Кадырбай победителю в турнире песен.

— Неплохая награда: не можешь ли ты, добрый Керимбек, помочь мне добраться до аула? Ягнята Кадырбая, что ночуют в твоей юрте, не помешают мне отдохнуть после долгого пути. А ты будешь вправе рассчитывать на добрую долю из приза, что объявил Кадырбай победителю айтыса.

Керимбек и Джамбул с трудом заставили саврасого подняться с земли, погрузили на его сбитую спину вязанку саксаула и медленно зашагали к шумному, озаренному множеством костров аулу.

2

На белых кошмах в байской юрте с утра сидели важные, степенные гости. Под ослепительными лучами солнца, пронизавшими сетчатый тундук [3], блестели парчевые халаты, широкие серебряные пояса, украшенные каменьями и дорогими наборами. Лоснились от обильного угощения возбужденные, раскрасневшиеся лица старшин.

Слуги Кадырбая не успевали выносить из юрты опорожненные бурдюки. Кумыс лился рекой. Янтарный, хмельной, он заставлял сердца гостей биться быстрее, а языки их — говорить острей и горячей. В юрте было шумно от споров, тесно от взаимной лести и душно от скрытых, затянутых в тугой узел дум, полных зависти, ненависти и зла.

Горячась и споря, гости то и дело поглядывали на Кадырбая, проверяя по движениям его лица правильность сказанного.

— Не быть Есенбаю управителем, не стоять ему на нашей дороге! Род Есенбая смешан с черной костью! Мать его, породившая целое племя, так и осталась туленгуткой [4]. И сам Есенбай спит еще на черной кошме! — кричал родовой судья Артык, расплескивая кумыс из голубой касе.

Потрясая черенком бича и вскидывая черные брови, в ответ судье гудел сотник Сагинтай:

— И Кульбасару управителем не быть! Разве он богаче Кадырбая? Разве род нашего управителя не берет начало в Золотой Орде Чингиса? А Кульбасар что? Не он ли первый стал хлебоделом? Не быть Кульбасару управителем!

Кадырбай, зажмурив глаза, а широким совиным ухом втягивая каждое слово из споров знати, цвел от сладкой лести. Лежа на подушках, он раскинул широко руки, будто вот-вот должен был свалиться ему с неба золотой батман. У входа в юрту ругались родовые акыны. Они тоже спорили, подражая хозяевам. Спорили о своем:

— Кто первым идет в айтысе?

— У кого звонче домбра и крепче голос?

— У кого богаче родня?

— Кто угодил сладким словом жене Кадырбая?

Домбрачи вели тяжбу так громко, что судья Артык, не выдержав, высунул из юрты потную голову и осадил их:

[1] Рассказчики новостей

[2] Состязание певцов.

[3] Верхнее отверстие юрты (для выхода дыма).

[4] Дочь раба.

— Кто спорит, тому кость в зубы, кто поет, тому курдюк сала. За тем ли вас, широкоротых, позвали сюда, чтоб вы ругались? Ну, кто еще не потерял голоса?

Чернобородый Байузак, с масляными, узкими, как у сурка, глазами, прытко вскочил с места, вошел в юрту и голосом тонким, как у полугодовалого ягненка, запел, глядя на Кадырбая:

> О о-о-о — э-э-э-эй, заглянула б луна в табуны,
> Зависть затмила бы щеки луны,
> Меньше на небе звезд золотых,
> Чем у тебя кобылиц молодых!

Высокий и сухой акын Кучук оттолкнул локтем Байузака и, покачиваясь из стороны в сторону, баском мягким и заискивающим, продолжал песню под бурный перебор струн:

> Бай Кадырбай, ты и молод и статен,
> Род твой богатый, и славен и знатен,
> Сам губернатор тебя уважает,
> Сам губернатор к тебе приезжает...

Тесно толпился голодный народ вокруг байской юрты. Блестели обожженные солнцем и отшлифованные ветрами голые спины пастухов. Старики в обносках овчин, едва укрывавших тело, сидели настороженными тесными кружками, часто нюхая табак и с завистью поглядывая, как бойкие слуги то и дело косили от казанов в байскую юрту овитые теплым, густым паром блюда с жирной бараниной. Протискиваясь в толпе и подталкивая Джамбула, Керимбек жадно прислушивался к тому, что говорил народ.

— Не дай бог выскочить Кадырбаю в управители! Жди налога за каждый волос на голове!

— Зато лысым будет легче!

— Он и за лысины брать будет!

— Ээээ, видно до старости мне не жениться! — заключил Керимбек, выжав сок из этих разговоров, и поторопил Джамбула: — Не будь похожим на своего коня, шагай быстрее и начинай песню, нето байские домбрачи опередят и будешь ты всю жизнь ходить пешком!

Появление Джамбула у байской юрты вызвало настороженное любопытство толпы.

— Куда лезет этот молодой парень со своей домброй? Не задумал ли он померяться песней с байскими любимцами? О-ой, нелегко будет ему!

Перешагнув порог юрты, Джамбул окинул пытливым взглядом шумное сборище степной знати. Его встретили презрительные улыбки и наступившая мгновенно тишина.

— Кто ты такой и известно ли тебе, что переступивший порог без спроса хозяина может получить или суюнши [5] или отведать камши [6]? — нарушил молчание судья Артык, сердито обращаясь к юноше.

— Ни камши, ни суюнши я не заслужил. Я Джамбул, сын Джабая, отцом которого был батыр Истыбай из ветви Екея, рода Шапыраштты.

По юрте пробежал тихий шопот. Кадырбай приподнялся на подлокотниках и, удивленно глядя на смельчака, осведомился:

— Не о вашем ли племени говорят: коза — не скотина, а екейцы — не люди?

Взрыв хохота оглушил юношу. С трудом сдерживая волнение, он ответил:

— Много говорят в степи, и все приходится слушать. Я пришел, мой почтенный господин, чтобы и ты послушал меня в состязании певцов. Весть о том, что ты собираешь айтыс акынов дошла до наших мест.

Лицо Кадырбая подобрело, но охмелевший от кумыса Артык снова пустил в ход свое жало:

— Ты, кажется, опоздал, внук Истыбая. Все песни уже пропели славные соловьи нашего рода: Байузак, Кучук, Бурамбай. Однако подожди, кажется, осталось кое-что и для тебя.

Старшины притихли, с настороженным любопытством ожидая, что придумал для Джамбула лукавый судья.

— Вчера, — продолжал Артык притворно жалостливым голосом, — у нашего почтенного Кадырбая сдохла собака. Ее звали Найза. Она затравила десять волков. Зубы ее были острее пики, глаза зорче беркутиных, ноги быстрее полета стрелы. Найза оберегала табуны нашего доброго хозяина и заслужила, чтобы о ней сложили песня. Не испробуешь ли ты шапыраштынский голос на такой песне?

И снова смех, теперь уже тихий и злой, прошелестел в юрте.

Джамбул терпеливо переносил испытание, но глаз Артыка приметил, как на молодом обветренном лице юноши, не отмеченном еще ни единой линией жизни, закипала пунцовая краска.

Выслушав Артыка, Джамбул тихо и покорно сказал:

[5] Подарок за хорошее известие.

[6] Плеть.

— Я спою эту песню, но пусть ее услышит весь народ. Разве не о хозяине Найзы, что оберегала несметные богатства и покой его, будет петь бедный певец?

Глаза Кадырбая ожили. Он заворочался на подушках и стал подниматься.

«Этот голосистый сорванец сказал умные слова. Зачем акынам восхвалять славу и богатство будущего управителя в тесной юрте? Пусть песни слушает народ и, как ветер, разносит их по степи», — подумал он и направился к выходу.

Вслед за баем поднялись с кошем гости: грузный советчик Кадырбая Сапок, поддерживающий ладонями огромный живот, похожий на подвязанный под рубахой мешок с просом, высокий, статный, опоясанный серебряным ремнем, душа байской барымты Сагиндык, караванщик Турсун, мулла Карамыш и косо смотревший на целый мир судья Артык, виновник лукавой выдумки.

«Задумал на песне в управители выехать. Нашел коня в песне. Не песня, а суд повезет. Куда поверну удила, туда и поедешь!» — размышлял Артык, глядя на Кадырбая и чувствуя свое превосходство над окружающей знатью.

За юртой байские слуги стелили ковры и кошмы. Теснее собирался народ.

Черная кость усаживалась поодаль от байской скатерти, угадывая в оживлении вокруг хозяйской юрты что-то необычное.

Между народом и властным господином рода сидели на войлочных потниках певцы Байузак, Кучук, Байгала. Они энергично настраивали домбры, кашляли, пробуя чистоту голоса, глубоко втягивали в себя воздух, испытывая ширину груди, и гулко били пальцами по пустым роговым табакеркам, проверяя свой слух.

— Мы сидим между огнем и водой! — поплевывая на деревянную кобылку и укрепляя ее около открытого горла домбры, недовольно говорил Байузак Кучуку. — Этот екейский бродяга может пустить такой сладкий припев в ухо Кадырбаю, что все наши старанья окажутся положенными за приз, увиденный во сне.

— Надо было заткнуть ему глотку двумя баранками и близко не пускать сюда. Почему ты не сделал этого? — ответил Кучук и так посмотрел на Байузака, что у него руки вместе с домброй опустились на колени поджатых под грузное тело ног.

— Разве не мой Керимбек первым изловил екейского воробья? Но я и не думал, что он так нагло шагнет в байскую юрту! — пробовал оправдаться Байузак, но снова одним взглядом Кучук заставил его плотно сомкнуть губы.

В тревожном ожидании смотрел народ на молодого крепкоплечего парня.

Народ ждал песни.

Притихли старшины и гости. Слышно было, как шелестит в степи трава под ветром.

— Начинай! — сухо бросил Кадырбай и взмахнул рукой; люди затаили дыханье.

Послышались мерные звуки домбры, и молодой, сильный голос, вырываясь в призывном запеве, как горный ручей, властно завладел слушателями:

Э-эй, выходите на песню аулы,
Бай Кадырбай, ты послушай Джамбула!
Собака твоя неплохая была,
Она табуны для степей берегла...
Которые ты, как голодный шакал,
В наших аулах безрадостных крал.

Одобрительным гулом ответил народ.

Малиновая тюбетейка зашевелилась на гладко выбритой голове Кадырбая.

Сжимая в руках черенки плетей, вскочили со своих мест, как ужаленные, судья Артык и старшины, но с глухим ропотом и угрозой толпа придвинулась ближе, оберегая молодого певца и его песню.

Он заметил это, подбодрился и, озаренный яркими лучами солнца, порывистый и дерзкий, высоко подняв домбру, продолжал мелодию.

В звуках жилистых струн слышался то полет бури, то гневный клекот степного орла, то тревожные взмахи его крыльев.

Кадырбай, стиснув зубы, читал в мелодии молодого шапыра-штынца дерзкий вызов, брошенный белой кости. Слова песни хлестали, как плеть:

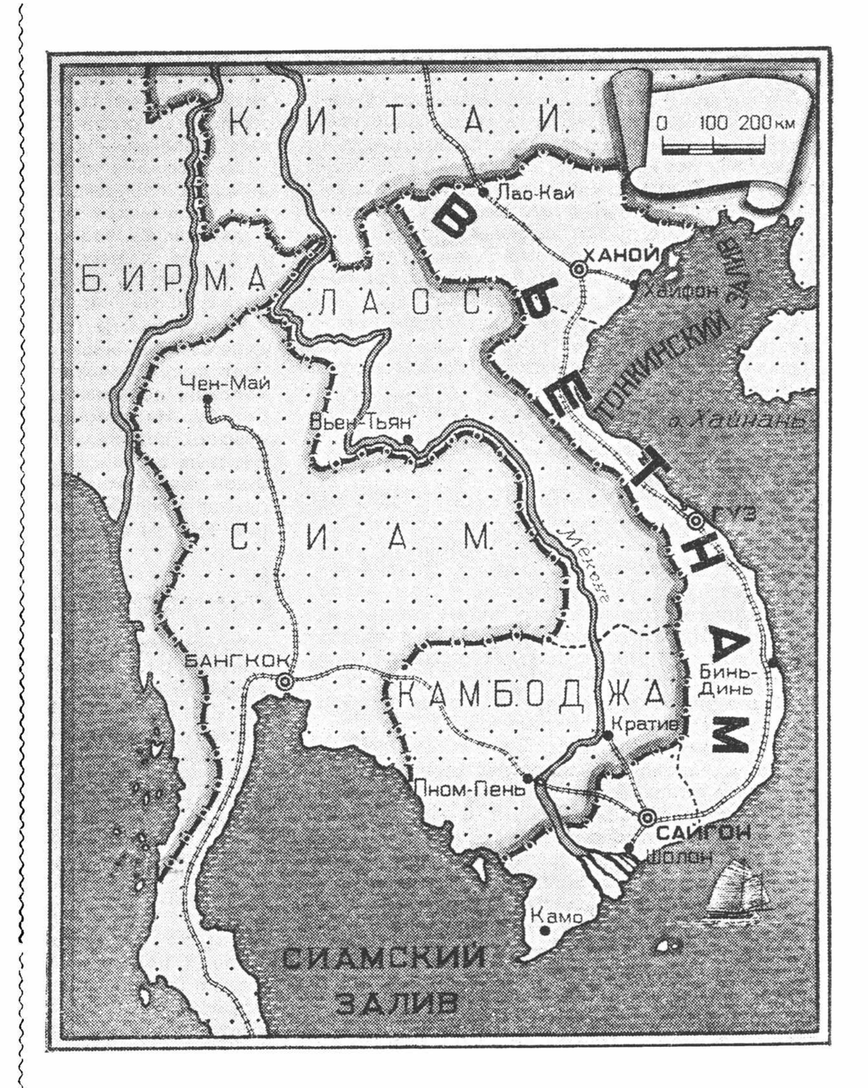
Собака неплохо степям послужила,
Она не твоим табуном дорожила,
Она и при солнце и при луне
О нашем заботилась табуне.
Ты же, бездельник, с ханскою сворой
Проходишь степями убийцей и вором.
Не дай тебе бог ничего, кроме блох,
Жить бы собаке, а ты бы подох!

Люди Кадырбая сорвались с мест, чтобы схватить дерзкого домбриста, но расступился народ, и Джамбул потерялся в нем, как песчинка в высоких ковылях.

Перед баем и его слугами стеной стояла грозная и гневная черная кость, оберегая свою песню.

ВЬЕТНАМ БОРЕТСЯ

Я. БРОНИН

1. «САМАЯ ПЕЧАЛЬНАЯ ВОЙНА»

«По дорогам Кохинхины, Аннама и Тонкина осторожно шагают французские солдаты, ожидая, что с любого дерева, из любой хижины по ним может быть открыт пулеметный огонь... Колониальные войска не верят в победу. Страдая от засад, укусов малярийных комаров и страшной жары, они бормочут про себя: «Проклятая война»,— не уверенные в том, что их смерть будет иметь какой-либо смысл».

Такими словами вынужден был обрисовать положение во Вьетнаме агент Уолл-стрита, известный разведчик и поджигатель войны Буллит, побывавший там с «исследовательской миссией» осенью 1947 года.

Американские империалисты настойчиво рвутся к богатствам Вьетнама. Каменный уголь, цинк и свинец Тонкина (теперь Бакбо — Северный Вьетнам), железо, золото и каучук Аннама (Трунбо — Центральный Вьетнам), плодородные рисовые поля Кохинхины (Нанбо — Южный Вьетнам) — все это давно уже привлекает аппетиты монополистов США. Но не в меньшей мере, чем природные богатства страны, американских претендентов на мировое господство интересует стратегическое положение Индо-Китая в Юго-Восточной Азии. Американский империализм стремится стать прочной ногой во Вьетнаме за счет маршаллизированной Франции.

Но планы империалистов натолкнулись на мужественное сопротивление вьетнамского народа. Экспедиционная армия французских колонизаторов понесла за три с половиной года большие потери (к 1 января 1949 года, по данным правительства Вьетнама, 71 300 человек убитыми и 63 900 — ранеными). Из тощей французской казны было израсходовано на войну против Вьетнамской республики около миллиарда долларов. И все же французские колониальные войска занимают меньше одной десятой территории страны.

«Франция стоит на грани проигрыша войны в Индо-Китае», — с тревогой писал один реакционный вашингтонский еженедельник. А подголосок американских империалистов, лондонский журнал «Нью-Стейтсмен энд Нейшн», сообщал 18 февраля 1949 года, что

государственный департамент США «разочарован результатами своих усилий поддержать попытку французов защитить Вьетнам от коммунизма». Под «коммунизмом» мировая реакция, как известно, понимает борьбу народов за свою свободу и независимость...

«Самая печальная война» — так окрестил Буллит войну, которая ведется французской реакцией во Вьетнаме. В самом деле, что, кроме печали, могут вызвать у буллитов успехи героической борьбы 22-миллионного вьетнамского народа против французских колонизаторов и их американских покровителей?

2. ВЬЕТНАМ НЕ СТАЛ АННАМОМ

В течение столетий народ Вьетнама угнетала китайская империя. В III веке нашей эры китайским правителям показалось, что им удалось добиться в стране «покорности и спокойствия». Они решили переименовать «Вьетнам» («Страна юга») в «Аннам» («Умиротворенный юг»). Однако китайские узурпаторы должны были убедиться, что Вьетнам не стал Аннамом. Вьетнамский народ продолжал бороться за свою национальную свободу.

С середины XIX века вьетнамцам пришлось уже выступать против французских империалистов. Французские колонизаторы принесли с собой неслыханный гнет, хищническую эксплоатацию, резкое понижение и без того весьма невысокого жизненного уровня подавляющей массы населения.

Вот три факта из сотен и тысяч.

Экспорт риса из Вьетнама вырос с 1875 по 1928 год с 300 тысяч до 1666 тысяч тонн. Это стало источником огромных прибылей для французских экспортных фирм и финансирующих их французских банков, в том числе крупнейшего колониального спрута, так называемого «Индокитайского банка». И в то же время рис исчезает из питания основной массы крестьянства Вьетнама, которое вынуждено было уже с конца прошлого века перейти на малопитательные корнеплоды.

Во Вьетнаме 300 тысяч промышленных и около миллиона сельскохозяйственных рабочих. Заработная плата вьетнамца была при французских колонизаторах в 8—10 раз ниже зарплаты европейского рабочего. А между тем французский монополистический капитал выкачивал из страны неслыханные барыши. Например, общество «Угольные копи Тонкина» с капиталом в 100 миллионов франков реализовало за 1928—1945 годы 361 миллион франков чистой прибыли.

При французском колониальном режиме в стране тормозилось развитие культуры и просвещения. Перед второй мировой войной во всем Вьетнаме посещало школы лишь около 300 тысяч детей на 3,5 миллиона детей школьного возраста. А в единственном университете (в Ханое) обучались только три сотни студентов на 22 миллиона населения!

Народ Вьетнама никогда не прекращал борьбы с французскими колонизаторами. Особенно известно Иенбейское восстание в Тонкине в феврале 1930 года. Переломными явились годы второй мировой войны. Возглавляемая Советским Союзом борьба народов против фашизма придала национально-освободительному движению во Вьетнаме новую силу и невиданный ранее размах. Это особенно ярко выразилось в движении Сопротивления японским оккупантам.

3. НАРОД БОРЕТСЯ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Когда в Индокитае появились японские оккупанты, французские колониальные власти, столь «храбро» терзавшие вьетнамский народ, даже не думали оказывать сопротивления. Тогдашний верховный комиссар Франции в Индокитае адмирал Деку заявил: «Французские власти будут сотрудничать всеми возможными способами с японской армией и будут ей всячески содействовать в ее передвижениях».

«Его величество Индокитайский банк» в годы японской оккупации продолжал свои операции как ни в чем не бывало. В первые три года войны банк ссудил Японии более двух с половиной миллиардов франков. Глава банка Поль Ганнэ всю войну прожил в Японии.

Вьетнамский народ с презрением отверг капитуляцию перед японскими оккупантами. Он поднял знамя борьбы против японских захватчиков. Уже в 1941 году из движения Сопротивления родилась «Лига независимости Вьетнама» (Вьетмин). В ней объединились все демократические организации страны. В 1945 году из партизанских отрядов была создана армия национального освобождения. В огне войны против японских империалистов росло и закалялось народно-освободительное движение Вьетнама.

После разгрома Японии было образовано временное правительство во главе с Хо Ши-мином, лидером Вьетмина, героем движения Сопротивления японцам. Новый режим получил единодушную народную поддержку на выборах в Национальное собрание республики в январе 1946 года. Выборы происходили по всей стране, в том числе — в нелегальных условиях — на территории, захваченной к тому времени французами. Там вьетнамцы, массами собиравшиеся в деревнях на выборы, выслеживались французской авиацией и подвергались зверской бомбардировке с воздуха. Но с наступлением ночи избиратели возвращались, чтобы проголосовать за свою независимую народную республику.

Империалисты грызутся между собой из-за дележа колониального пирога, но их объединяет лютая ненависть к угнетенным народам колоний, подымающимся на освободительную борьбу. На помощь обанкротившимся французским колонизаторам поспешили их многоопытные английские собратья. К «умиротворению» Вьетнама англичане не побрезговали привлечь пребывающих еще на его территории японских самураев-милитаристов.

4. СОДРУЖЕСТВО КОЛОНИЗАТОРОВ

Вскоре после капитуляции Японии в Сайгон прибыла на военном корабле английская «военная миссия» во главе с генералом Грейси. Его официальной задачей было «разоружение японцев». Вьетнамцы встретили миссию сердечно и доверчиво. Однако им вскоре же стало ясно, что единственной целью англичан было подавление народно-освободительного движения и подготовка высадки французских войск.

Грейси повел себя резко враждебно по отношению к новой, демократической власти. Японские войска не только не были разоружены, но им было поручено «поддержание мира и порядка». Свои приказы и распоряжения Грейси передавал через генерал-полковника Тераучи, командующего японскими оккупационными войсками в Индокитае. Вскоре высадились французские войска. В дружном взаимодействии с англичанами и японцами они атаковали и заняли Сайгон. Началась продолжающаяся до настоящего времени жестокая агрессивная война империалистов Франции против вьетнамского народа.

Французские колонизаторы ничего не забыли и ничему не научились. Они захотели вычеркнуть из истории годы войны, решили «не заметить» глубочайших изменений, которые произошли во Вьетнаме, как и в других зависимых и колониальных странах. Против Вьетнама был использован весь арсенал средств колониальных хищников.

Захватническую войну во Вьетнаме ведет экспедиционная армия, насчитывающая, по французским данным, 120 тысяч солдат. На самом деле ее численность выше. Издающийся в Шанхае американский журнал «Чайна Уикли Ревью» в октябре прошлого года называл цифру в 150 тысяч. Американский империализм оказывает французским колонизаторам активную помощь. Война против Вьетнама финансируется за счет ассигнований по плану Маршалла, французская армия оснащена американским оружием. Часть этого оружия в «надежных руках»... немецких эсэсовцев из «Иностранного легиона».

В деголлевском парижском еженедельнике «Самди-Суар» был помещен снимок очередного батальона гитлеровцев, направляемых во Вьетнам. Циничная подпись под снимком гласила: «Этот батальон олицетворяет собой 14 тысяч лет тюремного заключения». Иначе говоря, эти гитлеровские головорезы, осужденные на 10—20 лет каторги каждый, ныне амнистированы, «облечены доверием» и направляются во Вьетнам на «работу» по их палаческой специальности.

Другим источником пополнения экспедиционной армии служат заурядные уголовники. Недавно в сайгонской газете был опубликован циркуляр французского министра юстиции начальникам всех тюрем об отборе заключенных для «военной службы в частях, предназначенных для колоний». Газета сообщала, что первая войсковая часть из уголовных преступников уже сформирована и готова к отправке во Вьетнам.

Война ведется с неслыханной жестокостью. Волю вьетнамского народа пытаются сломить зверствами и террором. В типичном сообщении из Ханоя от 2 марта 1949 года мы, например, читаем: «Во время нападения французских войск на деревню Тиендан в провинции Хайдунг было расстреляно 20 вьетнамцев — мирных граждан — и 11 человек избито. Заживо сожжен престарелый житель деревни вместе с женой. Солдаты отняли у матерей более двадцати детей, часть которых была забита до смерти палками, а часть заколота штыками. В районе Вимадунг (провинция Квенань) после тяжелых пыток, продолжавшихся несколько дней, французы расстреляли 62 вьетнамских юношей и девушек».

Между 28 ноября и 4 декабря 1948 года французскими властями зверски умерщвлены несколько сот вьетнамцев, заключенных в тюрьмы Ханоя. Группами в 5—6 человек их связывали вместе и сбрасывали с моста в реку.

Не забыто и такое «испытанное» средство колониальных поработителей, как опиум. В городах, оккупированных французами, на каждом углу красуется надпись: «Салон отрезвления». Это опиумные притоны, где в любой час дня и ночи можно получить трубку с одурманивающим и истощающим организм опиумом.

Для маскировки и обмана французские империалисты уже три года тому назад начали переговоры с правительством Хо Ши-мина, заключали с ним даже соглашения, чтобы тут же их вероломно нарушать. Так было с «предварительным» соглашением, заключенным 6 марта 1946 года в Ханое, и со вторым, тоже «предварительным» соглашением, принятым 14 сентября того же года в результате переговоров в Фонтенбло. Одновременно французские власти пытались насаждать марионеточные «правительства», опираясь на предателей, на антинародные феодальные элементы, которые верой и правдой служили японским оккупантам.

Но все планы французских колонизаторов и их американских покровителей разбиваются о несокрушимую стойкость национально-освободительного движения вьетнамского народа.

5. НАРОДНАЯ ВОЙНА

Французы рассчитывали быстро выиграть войну, делая ставку на свое огромное превосходство в вооружении. На первых порах им удалось захватить ряд крупных городов. Они оккупировали часть Кохинхины, где равнинная местность способствовала действиям механизированной армии. Но на этом «победы» французских войск кончились.

Провалилась и ставка на удушение республики голодом. Эта грозная опасность встала перед молодой республикой в первые же месяцы ее существования. Под давлением японских оккупантов и при содействии французских властей миллионы гектаров рисовых полей были засеяны коноплей и клещевиной. В результате небывалого наводнения на севере страны в 1945 году было затоплено 700 тысяч гектаров земли и уничтожено 300 тысяч тонн риса. Французские колонизаторы пытались еще больше ухудшить положение, прибегая к уничтожению рисовых посевов и ирригационных сооружений. Правительство республики выдвинуло лозунг: «Борьба с французскими оккупантами на фронте, борьба с голодом в тылу!» К концу 1946 года площадь посевов под рисом была увеличена в полтора раза, под картофелем — в три раза. Угрозу голода устранил сам народ.

Были преодолены и последствия бесчеловечной «медикаментной блокады», организованной французскими колонизаторами, в частности, удалось наладить в стране выпуск противохолерной и противочумной вакцины.

Ныне все усилия народных масс сосредоточены на организации военного отпора врагу. Улучшается вооружение народной армии Вьетнама. Значительная часть вьетнамских вооруженных сил оснащена теперь оружием, захваченным у противника.

На территории республики нет крупных предприятий. Изобретательно используя не очень современные машины своих небольших заводов, вьетнамцы наладили производство противотанковых ружей. Организован выпуск ручных гранат, мин, легкого стрелкового вооружения.

Регулярная армия Вьетнама насчитывает примерно 150 тысяч закаленных в боях солдат и офицеров. По данным ньюйоркского журнала «Нейшн», партизанские отряды, выступающие в боевом взаимодействии с регулярными войсками, насчитывают 300 тысяч человек. Кроме того существуют «части народной обороны», в которые входят многие сотни тысяч крестьян и крестьянок. Это — своеобразное народное ополчение, которое действует на территории своего района, поддерживая связь с регулярными частями и партизанскими отрядами.

Во Вьетнамской республике осуществлены значительные политико-экономические преобразования: введен прогрессивный трудовой кодекс для рабочих; перераспределены общинные земли, уменьшена арендная плата за землю; уничтожены несправедливые налоги; укреплены демократические органы государственной власти.

По данным правительства Вьетнама, различные демократические организации республики объединяют свыше 10 миллионов граждан.

Все возрастающий размах получает работа по народному образованию. Введено обязательное начальное обучение, число учащихся в школах с 1946 по 1948 год удвоилось. Организовано 60 тысяч общественных школ, где 80 тысяч добровольцев-учителей бесплатно преподают родной язык двум с половиной миллионам взрослых вьетнамцев.

Из-за французской блокады невозможен ввоз в страну бумаги или необходимой для ее производства целлюлозы. Но и здесь был найден выход из положения: исследовательские опыты показали, что прекрасным сырьем для бумажных фабрик является сушеная шелуха бананов, обработанная по особому способу. Теперь все бумажные фабрики в южной части страны используют это сырье.

Напряженная организаторская работа в тылу и героическая борьба на фронте сочетаются с мужественным сопротивлением вьетнамцев на территории, занятой французами. Вот как описывает положение на этой территории находящийся в Сайгоне корреспондент реакционного вашингтонского еженедельника «Юнайтед Стейтс энд уорлд рипорт»:

«Сухопутный транспорт парализован. Железная дорога Сайгон — Ханой выведена из строя, так же как и некоторые другие важные дороги, которые подвергались нападениям партизан. Даже в городах, занятых французскими войсками, неспокойно. Вьетнамские агитаторы, укрываемые симпатизирующим им населением, действуют активно. Они уничтожают товарные и военные склады».

На территории, которую вьетнамскому народу пришлось временно уступить колонизаторам, население осуществляет политику «выжженной земли». Города при отступлении разрушались самим народом, чтобы помешать империалистам использовать их для распространения своей власти на сельские местности. На сотнях километров железных дорог не сохранилось ни одного рельса. Жители многих районов при приближении врага сами сжигали свои дома перед тем, как уйти из них.

Мужественная борьба народа Вьетнама за свою свободу и независимость и всенародная поддержка правительства Хо Ши-мина вели к постепенному уменьшению военного превосходства французов. Теперь, по общему мнению и друзей и врагов Вьетнама, это превосходство подходит к концу.

Бойцы армии Вьетнама.

Народная война стала непреодолимым барьером на пути французских колонизаторов и их американских покровителей.

6. НОВЫЕ АМЕРИКАНО-ФРАНЦУЗСКИЕ МАНЕВРЫ

Сила Вьетнама — в едином национальном фронте, представляющем широкую патриотическую коалицию политических партий и массовых организаций. Фронт включает коммунистов, социалистов, буржуазно-демократические национальную и демократическую партии, партию «Новый Аннам», организации католиков, буддистов. За пределами демократической коалиции остаются реакционные феодалы и продажные агенты французских колонизаторов и японских милитаристов.

Все усилия империалистического лагеря направлены на раскол национального фронта Вьетнама. Американские захватчики не раз выражали недовольство чересчур «старомодными» колониальными методами французской реакции. Они предлагали опереться на правые буржуазные элементы внутри национального фронта. Изложенный Буллитом план был таков: предоставить Вьетнаму формальную, фиктивную «независимость», чтобы достигнуть главной цели — расколоть национальный фронт на «националистов» и «коммунистов». Орудием осуществления этого плана должен стать бывший император Аннама Бао-Дай, осколок феодальной реакции. Буллит перед своим визитом во Вьетнам вел с ним переговоры в Гонконге.

Именно после этого свидания Бао-Дай в сентябре 1947 года заявил о своем согласии вступить в переговоры с французским правительством, и в декабре 1947 года он их начал с тогдашним верховным комиссаром Франции Боллаэртом.

20 мая 1948 года в Сайгоне на конференции марионеточных «правительств» Аннама, Тонкина и Кохинхины было объявлено о создании «временного центрального правительства Вьетнама», а 5 июня в бухте Алонг между Бао-Даем и Боллаэртом было подписано соглашение о «независимости Вьетнама».

Во главе «центрального правительства» оказался генерал французской армии Ксюан, числившийся до тех пор председателем марионеточного «Совета министров» Кохинхины. Когда народ Вьетнама боролся против японских оккупантов, Ксюан (тогда еще полковник) вместе с другими петэновскими офицерами позорно капитулировал.

Кстати, этот французский наемник даже не знает языка народа Вьетнама. Как видно, выбор марионеток у французского правительства весьма ограничен.

«Правительство» Ксюана выполняло обычную неприглядную роль всех подобных «правительств», оно пыталось по мере сил помочь французским колонизаторам в подавлении национально-освободительного движения народа Вьетнама. Но народ Вьетнама не был обманут этими маневрами врагов.

Затея с «центральным правительством» позорно провалилась. Прислужники французских империалистов ничего, кроме презрения и ненависти, у вьетнамского народа не вызвали. Один из членов этого «правительства» признался американскому корреспонденту Роту, что, «вероятно, около одного процента населения» поддерживает «правительство» Ксюана, почти 99 процентов — на стороне правительства Хо Ши-мина».

Теперь якорем спасения для империалистического лагеря становится опять «своей собственной персоной» экс-император Бао-Дай. В январе 1949 года начались переговоры между Бао-Даем и новым верховным комиссаром в Индокитае Пиньоном, и 8 марта было заключено «франко-вьетнамское соглашение». Как по этому соглашению выглядит «независимость» Вьетнама, можно судить по следующим нескольким пунктам соглашения: Вьетнам может иметь дипломатическое представительство «в некоторых государствах» только с согласия французского президента; «национальная армия» Вьетнама должна иметь французских инструкторов и специалистов, а во главе «совместного генштаба» будет стоять «французский руководитель»; к французским гражданам будут применяться только французские законы, то есть французы будут пользоваться экстерриториальностью; само собой разумеется, французская оккупация остается в полной силе. Парижская печать сообщала в апреле, что готовится посылка новых контингентов войск во Вьетнам.

Таков последний американо-французский маневр. Бао-Дай 30 апреля появился на территории Вьетнама. Ему поставлена все та же задача: добиться раскола национально-освободительного фронта.

Как сообщала в феврале парижская печать, американское правительство «рассчитывает с помощью Бао-Дая преградить дорогу коммунизму в Индо-Китай» и превратить Вьетнам в «антикоммунистический бастион».

Однако эти планы имеют не больше шансов на успех, чем все предыдущие. В приказе по армии от 19 декабря 1948 года Хо Ши-мин говорит:

«По мере того, как наши позиции становятся все сильнее, по мере того, как во Франции обостряется внутренний разлад, а силы демократии во всем мире становятся все более мощными, враг все больше и больше будет стремиться любыми отчаянными средствами добиться раскола нашего народа.

Наши вооруженные силы должны поэтому приложить величайшие усилия... в соответствии с нашими стратегическими задачами. Надо поддерживать непрерывные атаки на вражеский тыл. Надо продолжать ликвидацию марионеточных «правительств» на оккупированной территории. Надо добиться полного разрушения всех вражеских линий связи. Все изолированные вражеские позиции должны быть уничтожены».

7. БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Героическая борьба свободолюбивого народа Вьетнама встречает сочувствие трудящихся масс всего мира. Французский народ в лице его демократических организаций решительно высказывается против несправедливой, захватнической войны во Вьетнаме.

Трудящиеся Франции требуют прекращения войны против вьетнамского народа, требуют мира и дружбы с народом Вьетнама на основе равноправия. Демократическая Франция знает, что эта война направлена не только против вьетнамского, но и против французского народа, что она ведется в интересах французских империалистов и их американских хозяев.

«Долой гнусную войну!» — под этим лозунгом демонстрировали рабочие Парижа, кровь которых была пролита молодчиками «социалиста» Мока.

В своем докладе о 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции В. М. Молотов указывал, что после второй мировой войны положение в Азии «коренным образом изменилось». «Теперь народы Азии,— говорил тов. Молотов,— пришли в движение, в котором все большую роль играют народно-освободительные силы. Только заклятые враги прогресса человечества могут бросать палки в колеса этого народно-освободительного движения».

Империалистическому лагерю не удастся повернуть историю вспять. Не помогут американским и французским империалистам их усилия подавить вьетнамское народно-освободительное движение.

Глинка и Пушкин

К 145-летию со дня рождения М. И. Глинки

Ю. КЕЛДЫШ

Глинка и Пушкин. Эти имена часто и по праву ставятся рядом. Действительно, роль Глинки в развитии русской музыки во многом сходна с ролью Пушкина в истории русской поэзии и литературы. «Оба великие таланты,— писал В. В. Стасов,— оба родоначальники нового русского художественного творчества, оба — глубоко национальные и черпавшие свои великие силы прямо из коренных элементов своего народа, оба создали новый русский язык — один в поэзии, другой в музыке».

Творчество Глинки возникло на той же исторической почве, что и поэзия Пушкина, и питалось из тех же идейных источников. Этой почвой был высокий подъем национального самосознания в передовых кругах русского общества, связанный с такими событиями, как Отечественная война 1812 года и восстание декабристов. Страстный патриот, горячо любивший отечество, Глинка стремился в своем творчестве прежде всего к широкому и правдивому отображению жизни русского народа. Детские впечатления от прекрасных, глубоко выразительных народных песен, певшихся крепостными крестьянами, явились, по словам композитора, первой причиной того, что впоследствии он «стал преимущественно разрабатывать народную русскую музыку».

В пору жесточайшего крепостного гнета Глинка сумел увидеть в русском мужике черты высокого человеческого достоинства, героизма и бесстрашия, создав величественный образ крестьянина-патриота Ивана Сусанина.

О музыке Глинки можно сказать то же самое, что Белинский писал о поэзии Пушкина, что она, подобно широкой, полноводной реке, поглощающей многочисленные притоки, «приняла в себя» создания своих предшественников «как свое законное достояние и возвратила их миру в новом, преображенном виде».

Глинка усвоил все достижения предшествовавших ему русских композиторов, но при этом достиг такой реалистической глубины и разносторонности содержания в соединении с тонким артистизмом, совершенством и отточенностью художественной формы, что его творчество явилось началом нового, классического периода русской музыки. Он выдвинул русскую музыку на передовое, ведущее место среди национальных музыкальных культур всего мира.

Глинка был близко знаком с Пушкиным, часто встречался с ним, беседовал на различные темы и, несомненно, вынес из общения с ним благотворные результаты для своего творчества.

Поэзия Пушкина послужила непосредственным источником ряда творческих замыслов Глинки. На сюжет поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» им написана одноименная опера — одна из величайших вершин русской оперной классики.

Опера эта проникнута духом богатырского величия, героизма и отваги, характерными для русского народного эпоса. С изумительной силой и художественной правдивостью воссоздает в ней Глинка картины полулегендарной древней Руси. Цельные, могучие образы ее действующих лиц полны вместе с тем глубокой человечности, душевной теплоты и благородства.

Через всю эту оперу проходит идея торжества жизни, света и радости. Даже драматическим моментам Глинка придает характер гармонической ясности, цельности и внутреннего спокойствия. «За благом вслед идут печали. Печаль же — радости залог» — такова мудрая жизнеутверждающая философия, которую Глинка высказывает устами вещего певца Баяна.

Неувядаемым образцом продолжают оставаться и романсы Глинки на слова Пушкина, ставшие столь же популярными и любимыми народом, как и их поэтический первообраз.

В нашей статье мы говорим о воплощении пушкинской стихотворной лирики в романсном творчестве Глинки.

* * *

Пушкинская поэзия уже с его ранних лицейских стихотворений привлекала композиторов исключительной широтой и многогранностью содержания, богатством образов и высоким художественным совершенством их воплощения. К ней обращались в своем творчестве Н. Титов, прозванный «дедушкой русского романса», А. Алябьев, А. Верстовский и другие талантливые мастера русской вокальной лирики начала прошлого столетия. Такие поэтические шедевры Пушкина, как «Я помню чудное мгновенье» или «Ночной зефир», были еще при жизни поэта несколько раз положены на музыку.

И, однако, впервые по-настоящему музыкально раскрыл Пушкина композитор Глинка. Дело не только в том, что он смог написать к пушкинским стихам музыку, которая по своему эстетическому достоинству была равноценна поэтическому оригиналу. Самое главное—в удивительном соответствии его музыки внутреннему строю пушкинской поэзии, тому, что Белинский называл «пафосом» поэта. Творчество Глинки отличается той же полнотой, ясностью мироощущения и непреклонным оптимизмом, заставляющим даже в скорби и печали находить источник силы и бодрой уверенности в себе, которые так характерны для Пушкина. Их сближает глубокая народность творчества, проявляющаяся не только в содержании и складе мышления, но и в языке, характере образов и манере выражения.

Глубокое родство творческих натур великого русского поэта и композитора дало возможность Глинке создать ряд романсов на слова Пушкина, в которых музыка так тесно слита с текстом и написана с таким глубоким проникновением в характер поэтического прообраза, что кажется неотделимой от него и родившейся вместе со стихом.

Свой первый оригинальный пушкинский романс «Я здесь, Инезилья» Глинка написал в 1834 году. Но особое значение пушкинская поэзия приобретает для него в конце 30-х годов, когда Глинка вступает в пору высшего творческого расцвета и задумывает оперу «Руслан и Людмила».

Упорно, напряженно работая над оперой, Глинка одновременно создает и лучшие из своих пушкинских романсов: «Ночной зефир», «Где наша роза», «В крови горит огонь желанья», «Я помню чудное мгновенье».

В этих романсах Глинка достигает высшего, совершеннейшего слияния музыки и текста. С замечательной чуткостью передает он не только общее настроение того или другого стихотворения Пушкина, но и все разнообразие, красоту и гибкость пушкинского стиха. Неподражаем в этом отношении миниатюрный романс «Где наша роза», соединяющий филигранную тонкость отделки с чарующей простотой и непринужденностью. Нельзя было бы совершеннее передать капризный, прихотливо-изменчивый ритм пушкинского экспромта.

В романсе «Ночной зефир» простыми, но сочными и выпуклыми штрихами передает композитор поэтичную картину, нарисованную в стихотворении Пушкина. Повторяющийся припев:

> Ночной зефир
> Струит эфир.
> Шумит,
> Бежит
> Гвадалквивир —

создает живописный фон: здесь слышится и шелест ночного ветерка и глухо доносящийся шум реки, причем с помощью отдельных характерных музыкальных оборотов Глинка дает ясно почувствовать местный испанский колорит.

В двух средних куплетах, обрамляемых этим припевом, проходит страстная, воодушевленная мелодия в духе серенады, сопровождаемая плавным гитарным аккомпанементом. Так же, как у Пушкина, ничего лишнего, все предельно сжато и экономно в смысле изобразительных средств, но этого достаточно для того, чтобы перед слушателем возникла цельная живая картина.

Самыми популярными из пушкинских романсов Глинки являются «В крови горит огонь желанья» и «Я помню чудное мгновенье». Это, как верно замечает А. Н. Серов, «две жемчужины музыкальные, вызванные двумя жемчужинами поэтическими». Романс «Я помню чудное мгновенье» связан с интимной страницей жизни самого композитора. Он был написан под влиянием увлечения юной Екатериной Ермолаевной Керн, дочерью Анны Петровны Керн, которой посвящено одноименное стихотворение Пушкина. Это искренний и задушевный лирический монолог, полный глубокого, страстного, но поэтически облагороженного чувства. Музыка прекрасно передает постепенный переход от мягкой грусти и задумчивости к бурному волнению, сохраняя неизменную ясность и красоту выражения.

Все богатство психологических оттенков, свойственных музыке этого романса, раскрывалось самим Глинкой — несравненным исполнителем собственных произведений. Серов в своих воспоминаниях о композиторе образно описывает то впечатление, которое оставалось от романса «Я помню чудное мгновенье», когда его пел сам Глинка:

«Целая, чудно-законченная, замкнутая в себе поэма любви высказывалась в романсе «Я помню чудное мгновенье». Композитор следит за каждою мыслью поэта, рисует каждую строфу отдельною картиной, не нарушая, между тем, цельности формы в ее простой пластичности. Строфа:

> Шли годы.
> Бурь порыв мятежный

и следующая:

> В глуши, во мраке заточенья

буквально передавая в музыке поэтический смысл стихов, минорными и диссонансными гармониями выражают настроение души темное, печальное, безотрадное, пока опять блеснет и засияет своим кротким светом та, которая уже являлась певцу

> Как мимолетное виденье,
> Как гений чистой красоты.

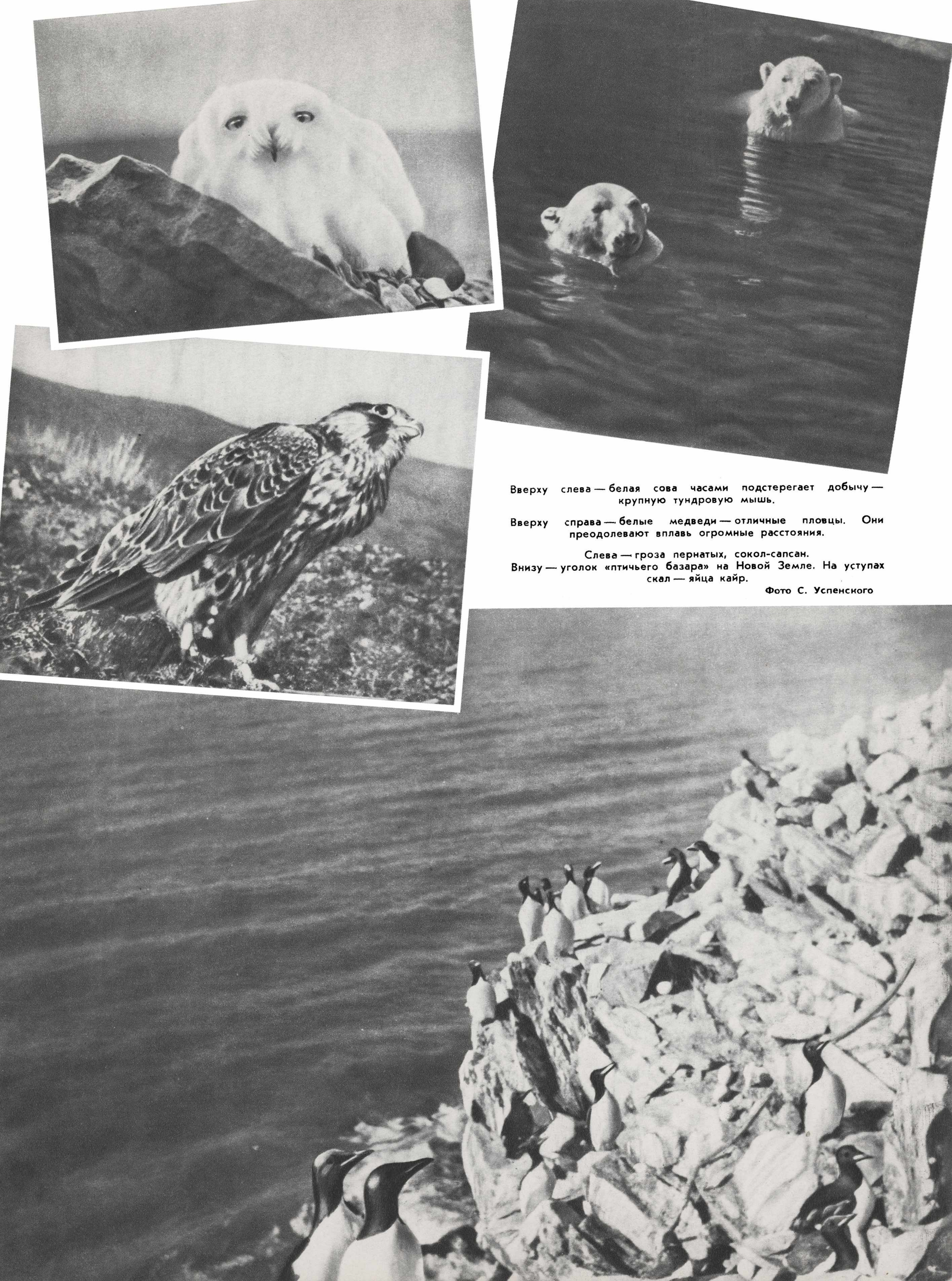
Это отрадное возвращение к свету после тягостного мрака, это радостное «пробуждение души» дает музыке одну из самых ей вполне доступных и драгоценных задач. Музыка тут совершенно в своей стихии и, разумеется, что под властью такого могучего заклинателя звуков, как Глинка, впечатление мысли и исполнения выходило очаровательное!»

Романсы Глинки пленяют нас глубокой человечностью, правдивостью и искренностью выражения простых, но вместе с тем возвышенных и благородных чувств.

В музыке Глинки всегда чувствуется та «лелеющая душу гуманность», о которой Белинский говорил как об одном из основных качеств поэзии Пушкина. Это и придает глинкинской вокальной лирике свойство широкой доступности, благодаря которой она смогла так же глубоко войти в быт и сознание нашего народа, как и поэзия его великого старшего друга и современника.

Михаил Иванович Глинка. **Портрет работы художника В. Яковлева**

Вверху слева — белая сова часами подстерегает добычу — крупную тундровую мышь.

Вверху справа — белые медведи — отличные пловцы. Они преодолевают вплавь огромные расстояния.

Слева — гроза пернатых, сокол-сапсан.

Внизу — уголок «птичьего базара» на Новой Земле. На уступах скал — яйца кайр.

Фото С. Успенского

В заповеднике на Новой Земле

С. УСПЕНСКИЙ

Фото автора

Два года назад тяжелая летающая лодка после короткой пробежки выключила моторы в губе Безымянной — заливе западного побережья Новой Земли. Самолет доставил группу научных работников и оборудование для только что созданного заповедника — самого северного на земном шаре.

Испуганные необычными звуками, срывались с высоких скал и кружились в воздухе, как у гигантского улья, бесчисленные стаи птиц. Большие, круглые глаза любопытного тюленя-нерпы, высунувшего голову из воды, уставились на невиданную металлическую птицу...

Богат и разнообразен животный мир этого заповедного уголка советской Арктики. В его водах живут тюлени и белухи, в тундре гнездится множество гусей и лебедей, роют норы песцы. На сыром прибрежном песке встречаются следы побывавшего здесь белого медведя. Впрочем, в отличие от своего бурого собрата он редко бродит по суше, предпочитая путешествовать вплавь.

Но самое интересное — знаменитые «птичьи базары».

Весной, когда иной раз еще забушует запоздавшая пурга, а на проталинках в тундре уже распускаются желтые цветы полярных маков, на разводьях прибрежного льда появляются первые стайки птиц. С каждым днем число их заметно увеличивается.

Больше полумиллиона кайр, тысячи белоснежных чаек-моевок, крупные полярные чайки-бургомистры, чистики, тупики и гаги составляют население заповедных «базаров».

На скалах становится шумно. Суетливые моевки пронзительно кричат, сооружая новые гнезда и «ремонтируя» старые, разбитые зимними ветрами. Свои постройки из ила и водорослей моевки, подобно ласточкам, примазывают к отвесной поверхности скал.

Кайрам не свойственна забота о гнезде. Самка откладывает одно яйцо на голые камни без всякой подстилки, иногда и прямо на высокий слой снега.

Кайра по-своему оберегает будущее потомство от холода, подкладывая под него лапы, между пальцами которых перетянуты широкие плавательные перепонки.

Через месяц мокрый, беспомощный птенец покидает лопнувшую скорлупку. Первые дни он проводит под крылом одного из родителей, согреваясь теплом материнского или отцовского тела. Шум на «базарах» усиливается: к крику взрослых птиц присоединяется писк кайрят.

«Свободное время» кайра обычно проводит в море. Сложные воздушные пируэты, отличающие хороших летунов, ей не присущи. Рулем в полете служат отставленные назад лапы, при помощи которых она придает движению нужное направление.

Зато в воде кайра чувствует родную стихию. Гребя короткими, сильными крыльями, она ныряет и с удивительной быстротой плавает на большой глубине, охотясь за увертливой рыбешкой и рачками в зарослях водорослей.

На 20—25-й день птенец оперяется. Побуждаемый голодом и призывными криками родителей, он, подобно камню, падает с громадной высоты в воду. Короткие крылышки лишь несколько смягчают силу удара. Семья после благополучного спуска птенца на воду направляется в открытое море, где и проводит зиму.

По самым скромным подсчетам, на всем западном побережье Новой Земли обитает свыше четырех миллионов кайр.

У побережья морские воды насыщены простейшими организмами — планктоном, привлекающим косяки рыб и несметное множество разных рачков. Это обеспечивает кормом громадные новоземельские «птичьи базары» и колонии гаг.

Привлекаемый обилием добычи, на верхних карнизах «базара» гнездится сокол-сапсан — гроза пернатых. Он легко настигает и гуся и маленькую, размером с воробья, пуночку.

Но нередко по соседству с соколиной «квартирой» можно увидеть несколько гусиных гнезд. Это мирное сожительство объясняется тем, что сокол нападает только на летящих птиц. В воздухе он наносит жертве смертельный удар острыми когтями. Отступив от этого правила, сокол при своем молниеносном броске рискует разбиться.

Гуси являются его добровольными стражами. Заметив крадущегося к гнездам песца, они поднимают тревожный крик и как бы извещают сапсана об опасности, грозящей его беззащитному потомству. Он возвращается домой и расправляется с врагом.

Крупная морская утка — гага — устраивает гнезда на невысоких островках и на побережье, среди камней и зарослей стелющихся ив. Ее гнездо заполнено жемчужно-серыми пушинками, выщипанными птицей с собственной груди и боков. Этим пухом, как одеялом, прикрыты яйца.

Гагачий пух обладает редкими качествами: удивительной упругостью, несравненной легкостью и, самое важное, отлично предохраняет от холода. Полярные исследователи и альпинисты, как правило, берут с собою в поход спальные мешки и палатки, подбитые гагачьим пухом. Никакая пурга и метель не страшны в этом теплом и легком убежище.

Когда кончается короткое полярное лето и плотно утрамбованный ветром снег покрывает карнизы скал и бескрайнюю тундру, ледяной панцырь сковывает прибрежные воды.

Из птиц в тундре на зиму остается только белая сова. Сливаясь со снегом, в теплом пушистом наряде, покрывающем даже клюв и лапы, она часами подкарауливает у нор крупных мышей — леммингов. В отличие от обычных сов этот пернатый хищник хорошо видит не только ночью, но и днем. Веди сова только ночной образ жизни, туго пришлось бы ей летом, когда солнце ярко светит без перерыва четыре месяца подряд.

* * *

Новоземельский заповедник служит своеобразной лабораторией, где охраняется и всесторонне изучается пернатое и четвероногое население острова. Мы уделяем главное внимание изучению биологических особенностей хозяйственно-полезных животных и разрабатываем методы наиболее целесообразного их использования.

Кайра — поставщик ценного в условиях севера пищевого продукта — яйца. Кайровые яйца содержат в изобилии различные витамины. По весу равные почти двум куриным, они приятны на вкус и очень питательны. Промысел кайровых яиц основан на том, что эта птица взамен взятого откладывает второе, а иногда и третье яйцо.

Кайра весит около килограмма, а шкурка ее, отличаясь прочной мездрой и плотным, красивым оперением, заменяет шкурку пушного зверя. Изделия из таких шкурок — воротники, детские пальто и шапки — носятся дольше, чем беличьи и кротовые. Кроме того в отличие от настоящего меха их можно стирать.

Пух, собираемый из гагачьих гнезд незадолго до выхода птенцов, имеет большую ценность. Он, как уже было сказано, незаменимый «утеплитель».

Изучение гаги позволило быстро увеличивать ее колонии при помощи искусственного инкубирования. Этот способ практически позволяет удвоить ежегодный прирост поголовья гаг.

Немалую роль в изучении птиц играет кольцевание. Оно дает возможность установить районы зимовок, продолжительность жизни пернатых, расселение их за пределами заповедника и многое другое. Именно кольцевание показывает, какой долгий и сложный путь проделывают некоторые птицы, прежде чем они достигают мест своих гнездований.

Гуси и лебеди проводят зиму на побережье Каспийского моря, где также есть заповедники, охраняющие далеких гостей.

Мелкие кулички и чайки-моевки зимуют еще южней — на европейских и африканских берегах Средиземного моря. И, наконец, поморники перелетают больше половины земного шара, преодолевая колоссальные расстояния — от Южной Америки и Австралии до новоземельских берегов.

Число птиц, которым надето в заповеднике на ногу легкое алюминиевое кольцо с обозначением номера и места кольцевания, все время увеличивается. Только за лето прошлого года такой «паспорт» получило около 12 тысяч пернатых.

В заповеднике-лаборатории ведутся наблюдения над животными не оторванно от привычной среды, а в естественных условиях.

Заповедник служит также питомником, откуда привольно размножающиеся птицы и звери расселяются по соседним районам, обогащая фауну.

* * *

Наша работа полна трудностей, а иногда и опасна. Но советские полярники отдаются своему делу с увлечением, забывая порой об отдыхе. Мы полюбили суровую арктическую природу, сроднились с ней, научились ценить ее своеобразную красоту.

Летом все наши интересы сосредоточиваются на птицах — кайрах и гагах. Занятые наблюдениями и экспериментами, мы порой по нескольку недель живем на карнизе скользкой каменной кручи или на крошечном морском островке.

Птицы быстро привыкают к присутствию человека и перестают его бояться. Гага, например, нередко позволяет прикоснуться к ней рукой и совершенно спокойно относится к частым изменениям температуры в ее гнезде. Для кольцевания легко удается поймать кайру руками.

Не прекращается наша деятельность и с наступлением долгой зимы. По занесенной снегом тундре с лаем и визгом мчатся собачьи упряжки. Они пробегают за несколько часов расстояние, которое летом не пройти и в неделю. Пользуясь этим, мы завозим на места летних постов материалы, оборудование — все то, что не съедят птицы, не испортят вешние воды.

Зимой наблюдения над животными ведутся при луне, а иногда и при мерцающем свете северного сияния. И, наконец, у жарко натопленной печки обрабатываются, приводятся в порядок накопленные материалы.

В любую погоду радио несет нашему маленькому и дружному коллективу дорогие вести о Большой Земле, голос родной Москвы.

Новая Земля. 1949 год.

СМОТР РАБОТ МОЛОДЫХ КОМПОЗИТОРОВ

Недавно в Москве состоялся Всесоюзный смотр работ композиторов-студентов консерваторий. В смотре участвовали 115 молодых композиторов. На заключительных концертах было прослушано более 50 произведений. Среди них значительное место заняли произведения вокальных жанров: романсы, песни, хоры, кантаты.

Слушатели тепло встретили исполненные на заключительном концерте песни К. Молчанова и особенно А. Холминова («Казачья песня»), хор à capella «Счастье» А. Султановой, написанный с большим мастерством и настроением «Хор крестьян» из оперы «Освобождение» Ю. Прокофьева, «Балладу для хора» А. Стырча, кантату «Счастливая юность» Г. Шантыря и другие.

Народность музыкального языка, песенность, конкретность мелодических образов — эти черты характеризуют лучшие произведения инструментальных жанров, исполненные на смотре. Таковы жизнерадостный финал фортепианного концерта В. Котояна, первая часть сонаты для скрипки Е. Светланова, вариации из струнного квартета Н. Дагирова, соната для скрипки и фортепиано Ю. Глаголева. Помимо названных пьес, следует отметить сонату для виолончели Э. Бакирова, трио А. Бабаева.

Смотр выявил также серьезные недостатки в творчестве ряда студентов-композиторов. Некоторые исполнявшиеся произведения, особенно вокальные, еще слабо отражают образы нашей современности, пафос труда, темы строительства коммунистического общества.

Большой успех имела программная симфоническая поэма «Азов-гора» (по мотивам сказа П. Бажова) композитора-студента Московской государственной консерватории А. Муравлева (класс профессора Ю. Шапорина). Содержание поэмы глубоко народно и поэтично. В ней рассказывается о счастливой жизни простых, честных, старых тружеников, на которых напали «злые люди», начавшие убивать их и грабить несметные сокровища Азов-горы. «Старые люди» хотя и победили врагов в этой битве, но ушли, а Азов-гора закрылась и спрятала в себе свои сокровища до той поры, пока не придут «новые люди», подлинные хозяева, которые обратят все богатства на службу народу.

А. Муравлеву удалось воплотить свой художественный замысел в мелодичных песенных образах, в обаятельной, чудесной теме девушки с Азова, в сурово сдержанном вступлении, рисующем уральский пейзаж и сказочные богатства Азов-горы, в мрачной теме «злых людей», оборвавших светлую жизнь простых, честных тружеников. Симфоническая поэма «Азов-гора» — ценный вклад молодого композитора в советскую симфоническую музыку.

Единодушным одобрением встретили слушатели исполнение двух частей — вариации и скерцо на грузинскую народную тему — из второго струнного квартета 23-летнего композитора С. Цинцадзе (Московская государственная консерватория, класс профессора С. Богатырева).

Это сочинение захватывает с первых уже тактов своей глубокой народностью, обогащенной традициями русской классики. В различных вариациях, то величаво-распевных, то песенно-танцевальных, в искрящемся скерцо квартета молодой композитор показал лучшие качества своей музыки: задушевность, сердечную теплоту в сочетании с большим профессиональным мастерством.

Значительный интерес вызвала кантата «Туркменистан» А. Кулиева для солистки, хора и оркестра (Московская государственная консерватория, класс профессора Ю. Шапорина). Свежесть музыкальных образов, мелодичные темы, светлый колорит кантаты, глубоко национальный, самобытный музыкальный язык этого сочинения говорят о настоящем профессиональном мастерстве молодого представителя братской республики.

Об этом же свидетельствует исполнение двух песен-романсов композитора Азербайджана Ш. Ахундовой (класс профессора Б. Зейдмана). Романсы подкупают особой выразительностью музыки.

Творческая направленность исполнявшихся на смотре произведений убедительно свидетельствует о начавшейся в наших консерваториях глубокой перестройке работы студентов-композиторов.

Ю. КОРЕВ

В Большом зале Государственной консерватории на заключительном концерте смотра работы композиторов-студентов консерваторий. Сонату для скрипки и фортепьяно Ю. Глаголева исполняет солистка Государственной филармонии Латвийской ССР Л. Рубэнэ. У рояля автор — студент Латвийской консерватории Ю. Глаголев.

Фото Дм. Бальтерманца

А. Архипов «Молодая крестьянка».

На выставке произведений А. Е. Архипова

Почти во всех художественных музеях страны есть картины народного художника РСФСР А. Е. Архипова. Посетители Третьяковской галлереи, Русского музея надолго запоминают такие его полотна, как «Прачки», «По реке Оке» и другие замечательные картины. Но редко кому доводится увидеть собранными на выставке работы мастера, обычно хранящиеся в фондах галлереи, в периферийных музеях, частных собраниях. Недавно эти работы были показаны на выставке в Москве, в зале Союза советских художников СССР.

Несмотря на то, что здесь почти не представлены картины, принесшие Архипову известность, перед зрителями проходит его долгий творческий путь, путь подлинно народного, национального художника-реалиста.

Сын крестьянина, Архипов беззаветно любил русскую деревню и людей крестьянского труда — их правдивому изображению художник посвятил свое творчество.

Мало известная современному зрителю картина «Лед прошел» (Рязанский художественный музей) занимает центральное место на выставке. Весеннее половодье, бирюзовое небо, отраженное в широко разлившейся реке, на берегу — бугры еще не растаявшего снега, проталины. Старый дед, завернув внука в свой тулуп, пришел поглядеть на разлив, мальчонка в рваных отцовских валенках крепко держит за руку маленькую девочку, а паренек постарше, присев на пенек, устремил задумчивый взгляд в прозрачную даль. Сколько чувства, теплоты в этой картине!

«В лавке старьевщика», «Пьяница», «Слепой старик», «Посещение больной» — сцены безрадостной, дикой и голодной жизни дореволюционной деревни. Но и здесь, в этих правдивых и печальных документах, чувствуется оптимизм, столь свойственный Архипову: в тусклое, крохотное оконце нищей избы пробивается луч солнца, врывается кусочек ясного неба.

За этюд «Натурщик, падающий с седла» (Музей Академии художеств СССР) учащийся Академии молодой Архипов получил в 1885 году серебряную медаль. Интересно, что долгое время эта картина служила оригиналом для обязательного копирования в натурном классе академии.

В разделе, где экспонированы рисунки, всегда толпится молодежь, изучая замечательное, тонкое мастерство Архипова-рисовальщика. Прекрасен рисунок к знаменитой картине «По реке Оке», находящейся в постоянной экспозиции Третьяковской галлереи.

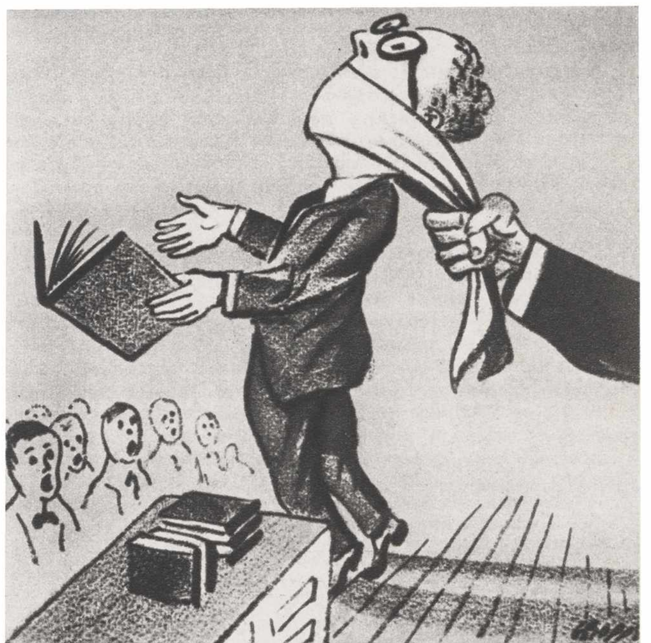
Когда смотришь собранные вместе архиповские портреты крестьянок в ярких разноцветных одеждах, жизнерадостных, румяных, красивых русских женщин, загорелых, могучих крестьян с жилистыми, рабочими руками, зеленеющие нивы, реки и пруды, пронизанные солнечным светом, — поневоле кажется, что это части одной монументальной картины во славу русской земли, русского человека.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

На рисунках: вверху слева: «Голос Америки» — Рупор антисоветской клеветы; справа, сверху вниз: 1. «Палестинский вопрос». 2. Свобода слова по-американски. 3. На мусорной свалке конгресса: жилищный вопрос, контроль над ценами, здравоохранение, минимум зарплаты.

Вильям Гроппер

Вильям Гроппер — известный американский художник-антифашист. Более тридцати лет он выступает в прогрессивных изданиях, пользуясь в США широкой популярностью.

Являясь выдающимся политическим карикатуристом, художник в своих карикатурах резко бичует фашизм и поджигателей новой войны — магнатов Уолл-стрита.

Гроппер — член художественного совета Национального комитета американо-советской дружбы, член Лиги свободных американских художников. Гроппер состоит и в недавно организованном прогрессивном художественном объединении «Американская группа». Он участвовал в работе Всемирного конгресса деятелей культуры в защиту мира во Вроцлаве.

Художник приезжал в Москву в 1927 и в 1930 годах. В итоге этих поездок он создал альбом картин и зарисовок, имевший большой успех. Недавно он вновь посетил Советский Союз.

В беседе с корреспондентом «Огонька» Вильям Гроппер заявил:

— Есть огромная разница в положении художника-карикатуриста в СССР и в Соединенных Штатах Америки. В Советском Союзе карикатуристы высказывают то, что им хочется. Они рисуют на те темы, которые подсказаны им совестью и убеждением. В Соединенных Штатах Америки большинство политических карикатуристов работает на «босса», своего хозяина, выполняя его заказы. Если же вы — прогрессивный художник, и хотите своим творчеством бороться за мир, то, сотрудничая в прогрессивной прессе и борясь против реакции, вы находитесь под угрозой преследования.

В январе будущего года я предполагаю организовать в Нью-Йорке свою творческую выставку. На ней в числе прочих будут экспонироваться и работы, навеянные впечатлениями поездки по Советской стране. Темы этих рисунков — те огромные изменения, которые я вижу в жизни советского народа за 19-летний период, отделяющий мое последнее посещение Москвы от сегодняшнего. Я буквально не узнаю Москвы, настолько она стала прекрасной.

В дни своей поездки по стране я увидел богатейшие колхозы, крестьян, имеющих собственные легковые автомашины.

Американский народ не желает войны, и в этом простые люди Америки близки советскому народу, который стремится к миру во всем мире.

У спортсменов Тбилиси

В. ВИКТОРОВ.

Фото С. Фридлянда

...Здесь были и футболисты, и боксеры, и легкоатлеты, и борцы — токари, сборщики, инженеры и служащие одного из тбилисских заводов.

I

Грузия издавна славится своими гимнастами, борцами, конниками. Издавна известны сыны этой солнечной страны своим искусством преодолевать горные кручи. Все эти виды спорта стали неотъемлемой частью грузинской национальной культуры так же, как воинственные танцы и многоголосые мелодичные песни. Но в последние годы спорт во всем многообразии получил в республике такое широкое распространение, что уже невозможно говорить о каких-то особо популярных его видах. Бокс пользуется здесь не меньшей любовью, чем грузинская борьба, а футбол затмил знаменитое и поныне лело.

Нет сейчас такого вида спорта, который не культивировался бы в Грузии и не получил бы широкого распространения среди рабочих и студентов, учащихся и колхозников. Именно поэтому Грузия оказалась победительницей в комсомольском соревновании за лучшее развитие массового спорта. Спортсмены республики выполнили взятые на себя обязательства, подготовив десятки тысяч значкистов первой и второй ступеней. В республике многие тысячи школьников сдали нормы на значок «БГТО».

Наибольшее количество спортсменов собирают секции по легкой атлетике. С каждым годом все больший размах получает альпинизм. Баскетбол превратился в действительно народную игру: Грузия располагает сейчас сотнями отличных баскетбольных команд.

Развитие массового спорта невозможно, если в физкультурное движение не вовлечены дети. Тысячи школьников республики занимаются спортом, и самые одаренные из них объединены в спортивных школах.

В Грузии проводится сейчас смелый эксперимент. В обычных средних школах упор делается на какой-нибудь один вид спорта. В одних ученики занимаются гимнастикой, в других — футболом, в Батуми, Сухуми и Поти — плаванием, в Сванетии — альпинизмом, в Бакуриани — лыжами. Трудно предвидеть сейчас, оправдает ли себя такая специализация, но так или иначе она показывает, насколько интересуются в республике развитием спорта среди детей и какое этому придают значение.

В одном очерке невозможно рассказать о всей разнообразной и яркой спортивной жизни Грузии. Но даже по нескольким примерам можно об этом судить достаточно полно. Мы побывали у спортсменов одного тбилисского завода, в Центральной спортивной школе министерства просвещения, в республиканском альпийском клубе имени А. Б. Джапаридзе и в университете имени Сталина. Вот что мы там увидели и узнали.

II

Мы были свидетелями спора между строителями прекрасного нового стадиона, еще не вполне достроенного, и спортсменами. Строители требовали, чтобы спортсмены не мешали им работать, а спортсмены доказывали, что не могут ждать окончания стройки: им надо тренироваться. В конце концов был достигнут компромисс: спортсмены обещали обходить сектор для прыжков, который не был еще окончательно утрамбован. И вот в распахнувшиеся ворота молодого стадиона хлынула оживленная толпа молодежи. Здесь были и футболисты, и боксеры, и баскетболисты, и легкоатлеты. Пришли сюда и борцы. С наступлением весны вся спортивная жизнь выносится на воздух.

Поистине богата жизнь физкультурников завода, и когда председатель низового физкультурного коллектива Владимир Тарханов рассказывал нам о курсах инструкторов-общественников, на которых учатся пятьдесят человек, о ста разрядниках, которыми гордится весь завод, о многочисленных футбольных командах, о баскетбольной команде, завоевавшей первенство города по второй группе,— становилось понятным, почему спортсмены завода восьмой год подряд выигрывают фабрично-заводскую спартакиаду. Спорт на заводе — занятие не одиночек, а почти всех молодых рабочих и инженеров.

Всюду можно встретить хороших спортсменов. В конструкторском бюро вы найдете Зураба Джибути, гимнаста второго разряда, у токарного станка — отличного баскетболиста Владимира Трапаидзе. На сборке работает замечательный знаток грузинской борьбы Ладо Акопашвили, обучающий этому древнему народному искусству тридцать товарищей. Рядом с Акопашвили — боксер Георгий Рыбашвили, другой заводской боксер — Бичикашвили — трудится в котельной. Известного в Тбилиси бегуна на длинные дистанции Шоту Росопидзе также можно увидеть в заводских цехах, а волейболистку Викторию Седову — за диспетчерским пультом.

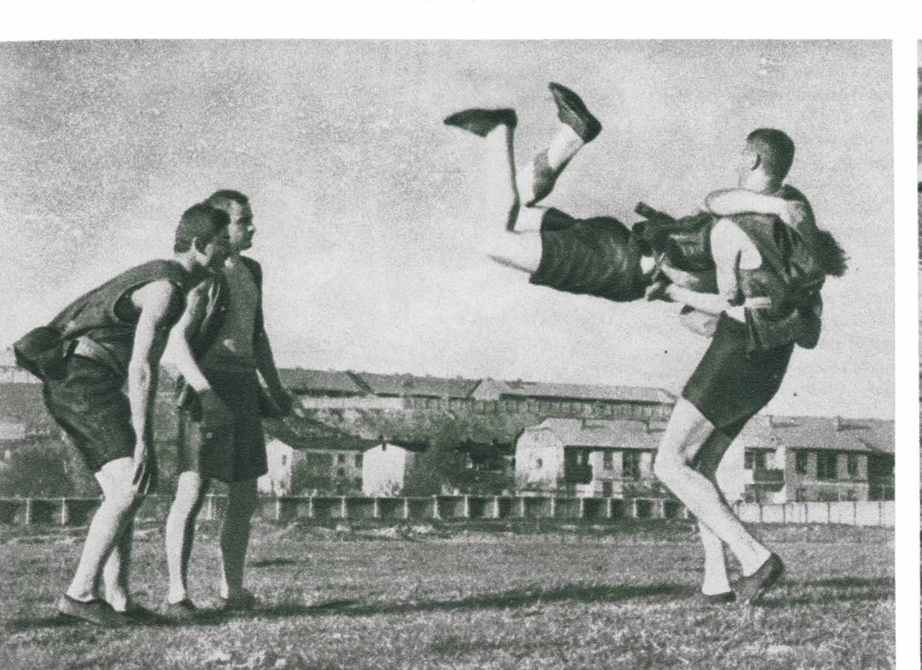
Мы встретились с этими спортсменами в одном месте — на стадионе, и надо было видеть, с каким удовольствием люди после рабочего дня разминались на зеленой траве футбольного поля.

III

Для того чтобы дать полную картину работы Центральной спортивной школы министерства просвещения, надо было бы рассказать о деятельности, по крайней мере, полутора десятков отделений, в которых занимаются будущие мастера спорта.

Наше внимание привлекло легкоатлетическое отделение. Когда мы приехали на прекрасный стадион «Динамо», тренировка была уже в полном разгаре. Рослые ребята возились у стоек для прыжков, а девочки с косичками в синих тренировочных костюмах внимательно слушали высокого загорелого человека. Здесь, на беговой дорожке, состоялось наше знакомство с известным тбилисским тренером Борисом Тахтаровым, имя которого стало в последнее время знакомо и за пределами Грузии.

Этот тренер нашел и вырастил самого молодого в Советском Союзе мастера спорта Надю Хныкину. Мы сразу узнали молодую легкоатлетку среди ее сверстниц

Грузинская борьба—один из любимейших видов спорта среди заводских физкультурников.

...Приятно было видеть, с каким удовольствием после рабочего дня заводские футболисты разминались на зеленом поле своего стадиона.

и подруг. Девушка наравне со всеми выполняла разминочные упражнения, а затем тренировалась на стометровой дистанции.

Всего два года тому назад Борис Тахтаров начал заниматься с Надей. За этот короткий срок он сумел прекрасно развить ее природные способности. В его группе выросла и другая способная легкоатлетка, Мери Кочладзе. Выделяется своими результатами и Гурам Гугунава: он прыгает в высоту на один метр пятьдесят пять сантиметров.

Председатель сельского совета Местии Бекно Хергиани—один из сильнейших альпинистов Грузии.

Нам посчастливилось. В тот день, когда мы посетили альпинистский клуб, туда пришел сван Бекно Хергиани. Это имя хорошо известно всем советским альпинистам. Бекно Хергиани — один из сильнейших наших альпинистов. Работает он председателем сельского совета Местии — центра Сванетии. Хергиани был вызван в Тбилиси на заседание географического общества, где решался вопрос об одном из тяжелых горных восхождений по траверсу Ужба—Шхельда, которое намерены совершить грузинские альпинисты в этом сезоне. Мы имели возможность поговорить с человеком, который, с малых лет живя у подножья величественных вершин Кавказа, совершил за свою жизнь множество труднейших и интереснейших восхождений.

Бекно Хергиани рассказал нам, что впервые он принял участие в восхождении, сопровождая своего дядю, знаменитого проводника Габриэля Хергиани, шестнадцать лет тому назад. В то время в Местии среди молодежи нельзя было найти и десятка альпинистов. Сейчас Сванетия имеет сотни умелых, опытных спортсменов-альпинистов.

Чтобы вступить в члены альпинистского клуба Грузии, необходимо иметь значок альпиниста СССР, а чтобы получить этот значок — надо совершить горное восхождение. Сейчас членами клуба состоят 800 человек. Среди них и молодежь—участники массового восхождения на Казбеги — и заслуженные мастера. На это лето клуб разработал большую, интересную программу. Предстоят квалификационные и массовые восхождения на горные вершины.

На прекрасном стадионе «Динамо» тренировались воспитанники Центральной спортивной школы.

Ректор Государственного университета имени Сталина Н. Н. Кецховели (в центре) — непременный зритель всех спортивных тренировок.

Но школа Тахтарова интересна не только выдающимися результатами отдельных, наиболее способных учеников, но и тем, что в ней воспитываются многие отличные спортсмены. Их учитель открывает перед ними широкую славную дорогу в том или в другом виде легкой атлетики. Педагог Тахтаров убежден, что в каждом из его учеников таятся таланты, которые надо раскрыть. С таким убеждением и следует работать с детьми.

IV

Грузинский альпинистский клуб имени А. Б. Джапаридзе знаменит на всю страну. Созданный двенадцать лет тому назад, он стал центром распространенного в Грузии спорта. В прекрасном здании клуба развернута увлекательная выставка, показывающая всю историю развития альпинизма. Вы видите на красочно оформленных стендах фотографии первых восхождений на Казбеги и Эльбрус в 1923 году. В клубе можно встретить людей, которые первыми поднимались на эти горные вершины и теперь являются почетными людьми республики, воспитателями молодых альпинистских кадров. Среди них — Александра Джапаридзе, Николай Кецховели, Иосиф Асланишвили.

26 лет тому назад в восхождении на Казбеги принимали участие 18 человек. В прошлом году на эту знаменитую гору поднялись 502 альпиниста. Вот какое распространение получил альпинизм в Грузии!

V

Николая Николаевича Кецховели, одного из старейших альпинистов Грузии и участника первого похода на Казбеги, мы встретили в Государственном университете имени Сталина. Н. Н. Кецховели — ректор университета. В молодости он был отличным борцом и придает огромное значение физическому развитию молодежи.

Государственный университет славится постановкой спортивной работы не только в Грузии, но и по всему Советскому Союзу. В университете сильнейший вузовский спортивный коллектив. Среди студентов многие имеют спортивные разряды. В студенческом коллективе девять мастеров спорта.

Особенно велики успехи студентов в гимнастике, тяжелой атлетике, баскетболе и в грузинской борьбе. Штангисты университета — бессменные чемпионы всесоюзных вузовских соревнований. С гимнастами занимается старейший мастер Георгий Семенович Игнатошвили. Его ученики славятся на всю Грузию.

Большинство студентов — члены спортивного студенческого клуба, и непременный зритель всех тренировок и соревнований — ректор университета Николай Николаевич Кецховели.

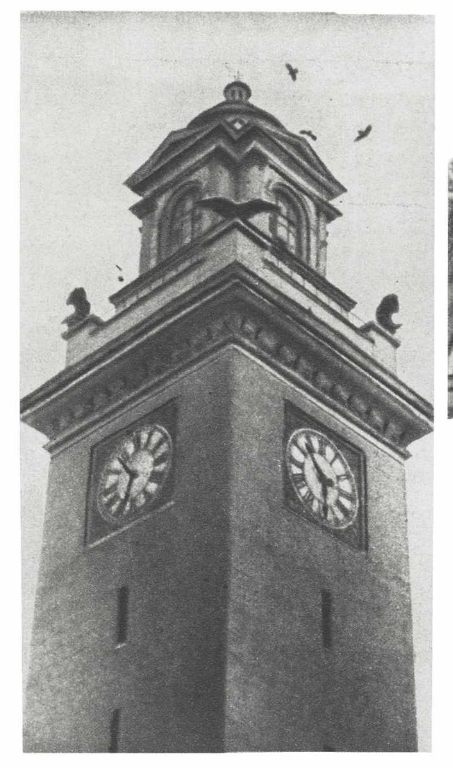
☆ ☆ ☆

Так живут тбилисские футболисты, борцы, боксеры, альпинисты, штангисты, гимнасты, легкоатлеты — большой отряд многомиллионной спортивной армии Советского Союза.

На одной из спортивных площадок готовилась к всесоюзным соревнованиям студенческая команда штангистов (слева). Университетское баскетбольное поле, лучшее в Тбилиси. Здесь происходят межфакультетские соревнования.

Часы Киевского вокзала в Москве.

МАСТЕР верного времени

Часы Казанского вокзала в Москве

Владимир КЕДРОВ

В 1937 году, во время установки на кремлевских башнях рубиновых звезд, решено было усовершенствовать часы Спасской башни. Честь выполнения этой ответственной работы выпала на долю мастера Владимира Михайловича Пушкарева. Кремлевские башенные часы не только одни из самых старинных, но и крупнейшие в мире. Диаметр их циферблата — около 6 метров. Вес минутной стрелки — около двух пудов...

Пушкарев отремонтировал часы, выверил их ход, привел все части в образцовый порядок и механизировал их завод. Работа была в высшей степени сложная, так как реконструкция часов не должна была отразиться на их исторической ценности. И вот уже двенадцатый год кремлевские часы идут секунда в секунду.

Редкую профессию мастера башенных часов Пушкарев унаследовал от своего отца Михаила Петровича, установившего в свое время по всей России не одну сотню часов «с ходом, с боем и с музыкой». Мальчиком Владимир Пушкарев кочевал с отцом из края в край, по монастырям и лаврам Пытливый, любознательный юноша, обладавший хорошим слухом, природной смекалкой и умелыми, «беспокойными» руками врожденного мастера, полюбил профессию отца, стал его подмастерьем, а потом перенял и его опыт, знания и «секреты» производства.

Повзрослев, Пушкарев-младший часто задумывался над тем, какую уйму труда, сил, изобретательности затрачивает отец на то, чтобы его часы вызванивали в монастырях всякие псалмы и церковные песнопения,— в каждом монастыре особый псалом... Молодой мастер в те годы мечтал о другом. Он хотел, чтобы часы, сделанные его руками, стояли не где-то на звонницах захолустных монастырей, в «скитах» да в «пустынях», а чтобы они красовались на высоких башнях вокзалов и морских портов, на фасадах красивых многоэтажных зданий в больших и шумных городах. Молодой мастер мечтал о том, чтобы его башенные часы своим торжественным боем призывали людей к труду, к радостям жизни. И мечта мастера сбылась.

Мы едем по Москве, по широким, шумным магистралям, где Пушкарев установил десятки замечательных башенных часов. Следуем мимо Киевского вокзала. Кто из приезжающих в столицу с Украины не бросил взгляда на высокую башню, венчающую здание вокзала, и на циферблат ее часов?! Эти красивые, видные на все стороны часы сработаны русским мастером Владимиром Пушкаревым. Машина мчит нас по Садовому кольцу. Здание Министерства сельского хозяйства. На фасаде часы — они тоже установлены Пушкаревым. Красные ворота. Министерство путей сообщения — его часы. Сворачиваем на Комсомольскую площадь. Казанский вокзал. Гости, прибывающие в Москву из Сибири, Урала, Казахстана, Средней Азии, всегда любуются этими оригинальными, украшенными знаками зодиака, башенными часами. И они установлены замечательным мастером Владимиром Пушкаревым.

Наш путь лежит через центр, от Охотного ряда вверх по улице Горького. Пушкинская площадь. Всем знакомое здание «Известий» с большим квадратным циферблатом часов. Белорусский вокзал. Ленинградское шоссе. Стадион «Динамо». Вот они, знаменитые часы стадиона! Самые «волнующие», самые «нервные» часы на свете!.. Сколько миллионов глаз было приковано к огромному, двухметровому кругу их циферблата! Участь скольких чемпионов страны по футболу возвестила эта неумолимая минутная стрелка!

В. М. Пушкарев в своей мастерской.

Химки. Порт. Стройная, воздушная колоннада речного вокзала. Легкая, ажурная, как бы взмывающая ввысь башня со шпилем. На башне часы. Мастер этих часов — Владимир Пушкарев...

На обратном пути, когда мы миновали Ленинградское шоссе и снова выехали на улицу Горького, Пушкарев спросил:

— Свернем вправо?

— Зачем?

— Там еще Академия имени Ленина, потом...

— Постойте... И все ваши часы?

— Да, мои...— сказал он, словно извиняясь за их количество.

Сколько же времени понадобилось бы для того, чтобы объехать все башни в стране, где этот мастер установил часы: Тбилиси, Ереван, Ростов, Харьков, Чебоксары, Иваново, Клин, Днепропетровск, Сталинград... «Пушкаревские» часы отбивают время и в Казани — на башне Кремля, и в Кисловодске, и на почтамтах, вокзалах, пристанях, заводах, в Крыму и в Сибири, в Казахстане, Средней Азии и на Украине — по всей стране!..

На «циферблате жизни» мастера стрелки подходят к 60. Но «завод» еще не кончился, пружина не ослабела, и мечта обгоняет мечту... Нужно еще соорудить часы с боем для Курска, Новгорода, Пскова, Харькова и многих других восстановленных после войны городов. Есть еще заветная дума: отремонтировать старинные часы Сухаревской башни с девятью колоколами и установить этот чудесный механизм на самом высоком здании возрожденного Сталинграда. Это будет дар столицы городу-герою...

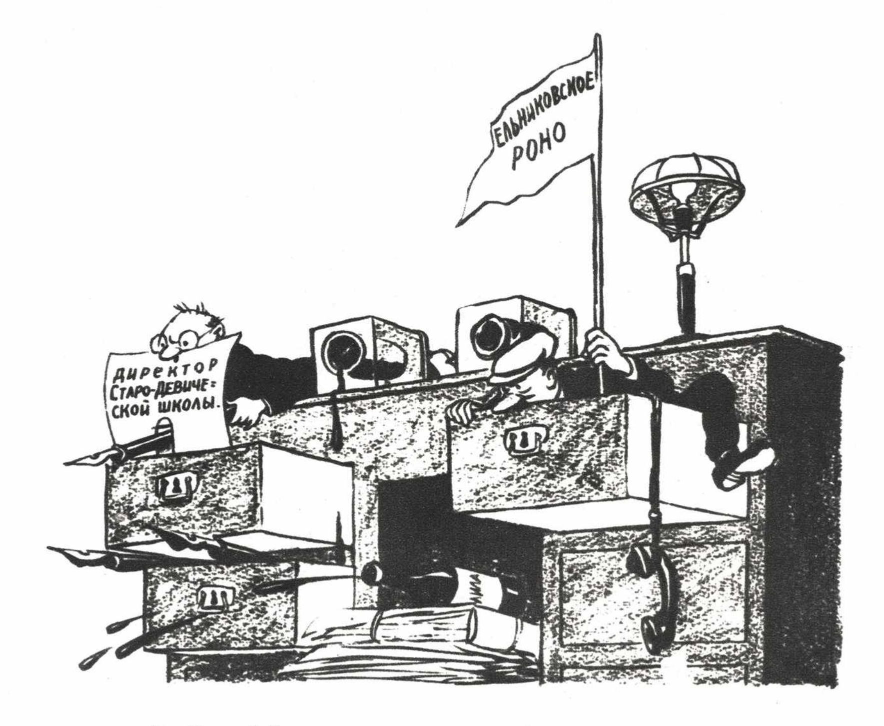
— Наше время, — говорит мастер, — необыкновенной красоты время. И его должны нам показывать необыкновенной красоты часы!..

...Близится полночь. Стрелки подходят к 12. По радио доносится дыхание Красной площади. Мастер прислушивается. Сейчас будут бить часы — старинные русские часы, к которым ему посчастливилось приложить свои умелые руки. И в тишине возникает мелодичный перезвон курантов, а вслед за ним мерно и полнозвучно вступает кремлевский колокол. Он отбивает время... Самое верное, самое справедливое и счастливое время на свете!

Фельетон не для детей

Руд. БЕРШАДСКИЙ

Рисунок И. Семенова

...За бронебойными укреплениями учрежденских столов...

В конце только что минувшего учебного года, готовясь к сбору пионерского отряда, посвященному теме «Труд в СССР», мой сын сказал мне:

— Папа, а ведь ты, наверно, помнишь, как начиналось стахановское движение? Ты ведь уже пожилой...

Мне сорок лет, и слушать такие комплименты, конечно, обидно, но что делать? Единственное утешение, что для сына не только я старик, но и зарождение стахановского движения—уже древняя история. Он не в состоянии представить себе, что какой-нибудь человек на нашей Родине может относиться к своим трудовым обязанностям иначе, чем по-стахановски. Встреться ему такой, он уставится на него, как на невиданного зверя в зоопарке.

Именно поэтому мне не хочется, чтобы этот фельетон попадался ему на глаза. Еще начнет расспрашивать: про что здесь написано? А что я ему отвечу? Что, мол, про то, сынок, про что Маяковский писал еще до стахановского движения...

Я знаю сына — он немедленно возразит:

— Как же тебе не стыдно переписывать чужое, разве ты не можешь придумать что-нибудь новое?

Или сказать ему, что он еще маленький и ему это знать не надо? Ну, а почему нам, большим, это надо знать до сих пор?

Короче: мне приходится писать о бюрократизме, и как раз о бюрократизме в том ведомстве, с которым мой сын связан теснее всего,— в некоторых органах министерства просвещения.

17 июня 1941 года директор Стародевической средней школы, Ельниковского района, Мордовской АССР, торжественно вручил Василию Вахтерову, только что закончившему курс обучения в этой школе, аттестат зрелости.

Если бы Василий Вахтеров догадался тогда же, сразу, попросить, чтобы вместе с аттестатом ему на всякий случай выдали и копию этого драгоценного документа, может быть, не пришлось бы ему испытать столько неприятностей. И знай он заранее, чего ему будет стоить получить впоследствии копию аттестата, он, пожалуй, еще тогда попробовал бы что-нибудь придумать. Однако такой зрелости, чтобы наперед предвидеть, каких козней можно ждать от бюрократа, у него еще не было, и он ограничился тем, что взволнованно пожал директору руку.

Мечта Вахтерова была пойти учиться дальше, в вуз. Но не успел он разузнать условия приема в институт, в который собирался подавать заявление, как на Родину обрушилась война и аттестат зрелости лег не в студенческое его дело, а в воинское и пошел колесить вместе с Вахтеровым по фронтам Великой Отечественной войны.

Где точно аттестат пропал, сказать сейчас трудно, да это и неважно. Важно, что он на войне пропал. Вахтерова демобилизовали из армии спустя семь лет после того, как он ушел со школьной скамьи. Однако стремление его поступить в вуз за это время стало еще сильней. Демобилизовавшись, Вахтеров без промедлений, по-военному шлет запрос директору Стародевической школы: «Без документа о среднем образовании заявлений в вуз не принимают — пришлите, пожалуйста, копию аттестата».

В конце письма много повидавший и много перенесший офицер все же не удержался и подписал свою просьбу с задушевной нежностью: «Ваш бывший питомец».

Вахтеров отправил это письмо в апреле прошлого года.

Кончился апрель, миновал май, за маем — июнь...

В июле истекал срок подачи заявлений в институт.

Потеряв надежду добиться ответа от директора школы, Вахтеров воззвал письмом к заведующему ельниковским роно: «В течение семи лет я не мог попасть в вуз, потому что была война. Теперь поперек пути стал бюрократ. Товарищ заведующий, этот бюрократ — ваш подчиненный!»

Можно ли было не ответить на такое письмо?

Оказывается, можно.

В ноябре 1948 года Вахтеров пишет уже министру просвещения Мордовской АССР: мол, поступление на очное отделение вуза мне в этом году сорвали— помогите поступить хотя бы на заочное, там занятия начинаются 1 января.

Надо отдать должное министру тов. Меркушкину: он отозвался без задержки — приказал тотчас же заведующему ельниковским роно дать указание директору стародевической школы о высылке копии аттестата.

Но надо отдать ему должное и в другом (и тоже, конечно, отдать сполна): ни проверить, как выполняется (или как кладется под сукно) его приказание, ни заставить выполнить свое приказание он не потрудился. Даже как-то неловко смотреть на присланную тов. Вахтеровым копию приказания ельниковскому роно: подписано: «министр», — а на самом деле цена бумажке оказалась грош.

Вахтерову не прислали копии аттестата до сих пор. До сих пор демобилизованный офицер, отдавший боям за Родину без малого пять лет, а службе в Армии—семь и имеющий все права продолжать свою учебу в стенах вуза, может только с улицы глядеть, как там занимаются его товарищи...

Тов. Вахтеров прислал обо всем этом пространное письмо в редакцию. «Какая волокита, какой бюрократизм, и до чего мне стыдно!» — пишет он.

Вот он, подлинный аттестат зрелости советского человека: когда он видит рядом с собою стародевических и ельниковских волокитчиков и чинуш, то первое чувство, испытываемое им — и оно куда более остро, чем обида за неприятности, причиненные только ему лично! — это чувство стыда. Стыда и недоумения: а почему в самых Ельниках до сих пор не замечают, какие у них бюрократы сидят за бронебойными укреплениями учрежденских столов и какими тусклыми, безразличными ко всему глазами взирают они оттуда на любого, кто, не дай бог, вынужден к ним обратиться?

Тягостно писать этот фельетон. Зазеленели уже первые ростки лесов, посаженные в степях в прошлом году, дома мы только что отпраздновали переход сына во второй класс с похвальной грамотой, хочется еще шире распахнуть сердце навстречу солнцу радости, рассказывать об успехах и достижениях, сколько их у нас! А тут — изволь-ка заниматься такою плесенью...

Попадется фельетон на глаза сыну — сын прочтет и начнет расспрашивать:

— Папа, это про учителей? — он ведь знает слова «роно», «министерство просвещения». — Но нет, ты это по-нарочному написал? Или про старое? Я угадал, да?

Что я ему отвечу?

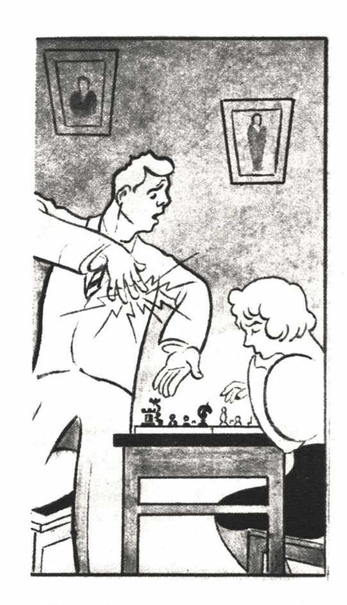
Он знает Любовь Сергеевну — свою классную руководительницу, которую вместе со всеми ребятами поздравлял в этом году с орденом Ленина (и вместе с ребятами пришли к Любови Сергеевне и мы, многие родители, которые тоже у нее начали учиться азбуке), он знает Никанора Степановича — директора, прошагавшего, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, через всю войну добровольцем, он знает техничку тетю Полю — совесть всей школы, — недаром тетю Полю первой назвали в день выдвижения кандидатур в народные заседатели. Короче: он знает всех учителей и всех работников своей школы.

И что я ему отвечу?

Придется на этот раз покривить душой. Я скажу ему, что написал про случай старый-престарый, что теперь такое уже не могло бы, конечно, случиться. Но вы меня не выдавайте. Хорошо? Он ведь все-таки маленький, он верит взрослым во всем...

— Для вас я готов пожертвовать даже... пешкой f6!.. Без компенсации.

Рисунок А. Зубова

Необычайная охота

Срок весенней охоты прошел. На раздольях лугов и среди перелесков с рассвета и до сумерек неумолчно играет гигантский птичий оркестр. Гром выстрела не смущает больше исполнителей любовных романсов и серенад... И вдруг в воздухе, плотном от ароматов и звона птичьих песен, мы слышим тяжелый грохот дробовика по крайней мере двенадцатого калибра. Он донесся оттуда, где березки сбегают по склону к темнеющему в овраге ельнику, светлые и веселые, как сама весна.

Браконьер, что ли, пробрался сюда и, нарушив закон, пытается что-то добыть?

В березняке чудесно пахнет молодой листвой. Мохнатые шмели деловито осматривают цветы медуницы и желтых «баранчиков» — первоцветов — или кружат над какой-то точкой на земле, выбирая место для гнезда. Зяблик на секунду прервал звонкую трель, покосился на людей и снова засвистал. Черный дрозд, возмущенно цокая, запрыгал в сторону и спрятался в кусте орешника.

Но вот и ельник уже близко, он чернеет за редеющими стволами берез... Между ним и рощицей светлых деревьев зеленая полянка, на ней холмик, и на холмике шест с перекладиной — высокая, тонконогая буква «Т»... А на «букве»...

Шуршащий свист доносится внезапно с высоты. Темный комок стремительно несется с вышины, наискось, нацеливаясь на зеленую полянку. Трудно понять, что это. Лишь когда метрах в двадцати от поверхности земли прижатые крылья распахнулись, хвост раздвинулся веером, мы видим, что это крупная птица, и по блестящим белым перьям в хвосте узнаем орлана. В этот момент грохот

выстрела, неожиданный, оглушающий,— и орлан комом падает вниз. За ним медленно опускается рой мелких перышек. Они еще не достигли земли, а к сбитому метким стрелком хищнику подбегает русоголовый парнишка, хватает его за крыло и тащит к «скрадку», великолепно замаскированному под куст.

Теперь все становится понятным. На перекладине шеста сидит, крепко обхватив ее мохнатыми лапами, крупный, в полметра высотой, филин-пугач. Он отвернулся от солнца, немного растопырил крылья, громко щелкает клювом и шипит, как кошка.

Нет, не браконьер нарушает выстрелами покой весенних далей!

С помощью филина охотник — радивый хозяин — ведет здесь отстрел пернатых хищников, разбойничающих днем.

Дело в том, что между «исчадиями тьмы» — совами — и особенно самой сильной из сов — филином-пугачом — и птицами почти всех без исключения других пород существует непримиримая вражда. Дневные, увидев где-нибудь плохо затаившегося филина, атакуют его самозабвенно и яростно. Мелюзга, понятно, не может принести ему вреда. Но если налетят вороны или крупный ястреб, то филину приходится плохо.

Этой враждой в птичьем мире и пользуются охотники, беспокоящиеся о том, чтобы полезные промысловые птицы и звери в период размножения чувствовали себя вольготно, чтобы хищники не наносили урона поголовью охотничьих хозяйств. Пойманного живого филина, а иногда и чучело используют в качестве приманки.

В «скрадке» мы находим сотрудника Безобразовского охотничьего хозяйства Ивана Семеновича Холмова с сыном. Он очень доволен сегодняшней охотой. За утро удалось сбить двух серых разбойниц-ворон, промышляющих весной по чужим гнездам, ястреба-перепелятника, самого опасного врага мелких пичужек, и вот сейчас — орлана, залетевшего сюда с Московского моря, хитрого и свирепого истребителя водоплавающей птицы и рыбы.

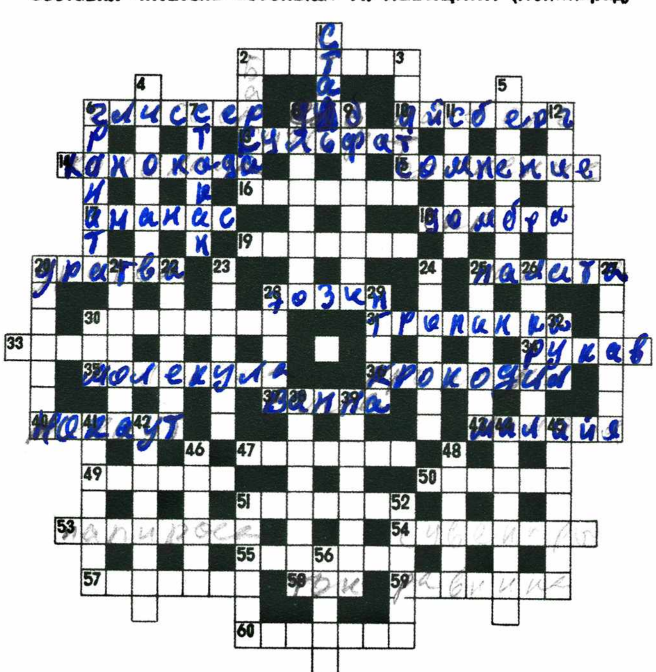
— Ну, на сегодня хватит,— говорит Иван Семенович, — собирай, Колюха, добычу, а я сниму Филю... Сегодня ему досталось от ласточек! Еле отогнал стаю... Пусть отдохнет...

На другой день отец и сын снова отправились на необычайную охоту, и мы их сфотографировали для «Огонька».

В. СЫТИН

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» А. ЛЕВИЦКИЙ (Ленинград)

По горизонтали:

2. Излишняя нагрузка. 6. Быстроходный катер. 8. Дерево. 10. Пловучая ледяная гора. 13. Сернокислая соль металлов. 14. Частая стрельба из многих орудий. 15. Неуверенность. 16. Пригород. 17. Плод. 18. Музыкальный инструмент. 19. Самодвижущийся снаряд. 20. Нитка для шитья кожаных изделий. 25. Больничная комната. 28. Краска. 30. Отзвук. 31. Дорожка. 33. Часть автомашины. 34. Проток, отделившийся от главного русла реки. 35. Мельчайшая частица вещества. 36. Земноводное. 37. Сосуд для купанья. 40. Сокрушительный удар в боксе. 43. Полуостров в Азии. 47. Портативный граммофон. 49. Вид поэзии. 50. Бухгалтерский термин. 51. Мужское имя. 53. Гильза, наполненная табаком. 54. Предметы дорогие по воспоминаниям о лицах, событиях. 55. Далекое прошлое. 57. Забавный случай. 58. Звук определенной высоты. 59. Земная поверхность без гор и высоких холмов. 60. Отступник.

По вертикали:

1. Металл. 2. Большое гребное судно. 3. Направление линии или дороги. 4. Город в СССР. 5. Музыкальное произведение. 6. Разрывной снаряд. 7. Сосуд для питья. 8. Место для бегов и скачек. 9. Прибор для определения удельного веса жидкостей. 11. Курортное место в Крыму. 12. Ужимка. 20. Деятель французской революции. 21. Беспокойство. 22. Лицо, имеющее абонемент. 23. Город в Бурят-Монгольской АССР. 24. Защита. 25. Органический и неорганический мир. 26. Солодковый корень. 27. Государство в Европе. 28. Свод правил и положений. 29. Нападение. 30. Напиток. 32. Горное селение. 38. Свидетельство об окончании среднего учебного заведения. 39. Средство против моли. 41. Мясное изделие. 42. Представитель национальности в СССР. 44. Обработка и подготовка текста к печати. 45. Застекленный ящик для выставки. 46. Созвучие. 48. Водное пространство, соединяющее два моря. 51. Специалист. 52. Гора в Закавказье. 56. Французский скульптор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 22 ЖУРНАЛА

По горизонтали:

4. Подруга. 11. Апокриф. 12. Сарафан. 13. Гардина. 14. Арсенал. 15. Малахит. 16. Коровин. 20. Майолика. 21. Антрацит. 22. Нейтрон. 25. Рант. 27. Анна. 32. Крузо. 33. Тариф. 36. Залка. 37. Морзе. 38. Амбра. 39. Улика. 40. Мидас. 41. Росси. 42. Наказ. 45. Аббат. 50. Награда. 55. Куросиво. 56. Нерчинск. 57. Дискант. 61. Балаган. 62. Испания. 63. Отранто. 64. Боливия. 65. Моравия. 66. Актиния.

По вертикали:

1. Спартак. 2. Склероз. 3. Пирамида. 5. Огайо. 6. Радио. 7. Гонки. 8. Карантин. 9. Карагач. 10. Ванилин. 16. Кант. 17. Рейка. 18. Верди. 19. Нана. 23. Окрут. 24. Тунис. 25. Роман 26. Нырок. 28. Набоб. 29. Азарт. 30. Класс. 31. Ванин. 33. Темза. 34. Радар. 35. Фасад. 43. Ализарин. 44. Анод. 46. Бант. 47. Агрессор. 48. Куратор. 49. Ботаник. 51. Гус. 52. Ара. 53. Гималаи. 54. Аспирин. 58. Исток. 59. Краги. 60. Нитки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 23

По горизонтали:

2. Жених. 4. Выстрел. 6. Анджело. 7. Воевода. 9. Русалка. 10. Дельвигу. 11. Эхо. 12. Осень. 16. Керн. 17. Конь. 18. Герой 20. Пророк. 22. Давыдову. 25. Роза. 28. Кавказ. 29. Обвал. 30. Ночь. 31. Туча. 34. Странник. 35. Узник. 37. Няне. 38. Птичка.

По вертикали:

1. Бесы. 3. Полтава. 4. Вурдалак. 5. Вольность. 8. Дубровский. 13. Нереида. 14. Окно. 15. Черномор. 19. Сон. 21. Рифма. 23. Война. 24. Заклинание. 26. Труд. 27. Разлука. 32. Отрок. 33. Вишня. 36. Зима.

Ш А Ш К И

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

НЕЗАМЕЧЕННЫЕ КОМБИНАЦИИ

(из старых партий)

В 1898 году в Москве проходил третий всероссийский турнир, в котором за исключением выдающегося мастера С. А. Воронцова приняли участие сильнейшие шашисты России (Каулен, Оводов, А. Шошин и другие). В партии победителя этого турнира Ф. А. Каулена с О. Б. Беловым (черные) после 15-го хода черных создалась позиция, показанная на доске.

Каулен избрал здесь ошибочное продолжение и позволил было Белову провести красивую комбинацию с выигрышем партии. Однако все обошлось благополучно для Каулена, так как его противник не нашел за доской комбинации и проиграл. Вот эта комбинация:

16. c1 — b2? ...

Провокационный ход. Черным нельзя, конечно, играть 16. ... b4—a3 из-за 17. f2—e3! a3 : c1; 18. e3 — f4 c1 : g5; 19. h6 : b8, и выгрыш очевиден. Белов заметил эту ловушку, а также угрозу 17. b2—a3 и не нашел ничего лучшего, как ход 16. ... f8 — g7 и после 17. h6 : f4 b4 — a3; 18. f4 : b8 a3 : g1; 19. b8 — a7 сдался. Выиграть же он мог следующим образом:

16.	...	e5 — f4!
17.	g3 : g7	e7 — f6!
18.	g7 : e5	f8 — g7!
19.	h6 : f8	b4 — a3
20.	f8 : b4	a3 : a3!

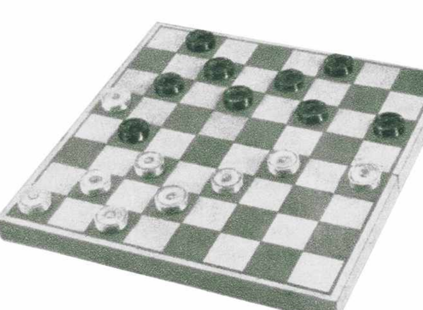
Не менее интересной комбинацией мог Белов выиграть у третьего призера этого турнира. После 12-го хода черных (черными играл Белов) партия пришла к позиции, показанной на доске.

Шошин неосмотрительно сыграл 13. c3 — d4 и дал возможность Белову решить партию в свою пользу такой комбинацией:

13.	c3 — d4?	b4 — c3!
14.	d2 : b4	b6 — c5!!
15.	d4 : d8	d6 — e5!
16.	f4 : d6	e7 : a3
17.	d8 : g5	h6 : d2
18.	c1 : e3	a3 : f4

и выигрывают.

Белов не нашел этой комбинации и, сыграв 13. ... b4 — a3, довольствовался ничьей.

Положение на доске после 12-го хода.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А — 05253. Подписано к печати 7/VI — 49 г. Изд. № 382. 5½ печ. л. Тираж 350.000. Заказ 1418. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

МОСКВОРЕЦКИЙ УНИВЕРМАГ
В большом выборе
часы
фото
радио
ФЭД.

Цена 3 руб.